

Е.Г. Степанян

Лондон — Париж

Сценарий по мотивам романа
Чарльза Диккенса
«Повесть о двух городах»

Второе издание



Москва
Теревинф
2014

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С79

С79 Степанян, Елена Грантовна
Лондон – Париж : сценарий по мотивам романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах». — 2-е изд. / Е.Г. Степанян. — М.: Теревинф, 2014. — 192 с. — ISBN 978-5-4212-0166-3.

*В оформлении обложки использована картина
Уильяма Тернера «Ангел, стоящий в солнечном свете»*

С другими произведениями Е.Г. Степанян можно познакомиться на сайте автора **eg64.ru**, на странице в facebook **www.facebook.com/groups/egs64**, а также на сайтах **proza.ru** и **stihi.ru** (поиск по фамилии автора).

ISBN 978-5-4212-0166-3

© Е.Г. Степанян, 2012
© «Теревинф», оформление,
2014

Пролог

(Франция, 1765 год)

По дороге, обсаженной вязами, мчится карета с зашторенными окнами.

В карете, освещенной тусклым фонарем, четверо: двое в надвинутых треуголках, закутанные в плащи, напротив них — человек лет тридцати с красивым открытым лицом (доктор Манэ) и телохранитель с отсутствующей физиономией. Доктор Манэ пытается приподнять шторку на окне и выглянуть наружу. Один из закутанных властным жестом опускает штору.

Манэ. Господа, вы меня похищаете?

Первый. Мы почти доехали, доктор.

Манэ. Неизвестно куда. И неизвестно, к кому. Ведь вы до сих пор не пожелали назваться.

Второй *(насмешливо)*. Но ведь долг врача — оказывать помощь при любых обстоятельствах?

Манэ молчит, сохраняя невозмутимое выражение.

Карета въезжает в плохо освещенный парк и останавливается перед двухэтажным флигелем.

Прибывшие поднимаются по лестнице, входят в роскошно убранную спальню.

На кровати мечется молодая женщина, ее руки привязаны к телу какими-то шарфами, обрывками простыней. Время от времени женщина стонет и бормочет что-то нечленораздельное. Караулившая ее служанка в чепце и переднике при появлении вновь прибывших выскальзывает за дверь. Доктор наклоняется к женщине, пытается приподнять ей веки. Она кусает его за запястье.

Манэ (*обращаясь к Первому*). Это ваша жена?

Первый (*брезгливо*). Нет.

Манэ. Я не думал, что случай настолько серьезный, господа. У меня нет с собой того, что нужно, а если послать ко мне...

Первый (*перебивая*). Здесь есть аптечка.

Второй протягивает доктору аптечку. Манэ открывает пузырьки, нюхает содержимое, пробует на язык.

Манэ. Она давно в таком состоянии?

Первый. Второй... нет, третий день.

Манэ (*покачивая головой*). Вам известно, чем оно вызвано?

Первый. Простите?..

Манэ. Что с ней перед этим произошло?

Второй (*с холодной наглостью*). С ней грубо обошлись.

Манэ пытается влить женщине в рот лекарство. Она сопротивляется. Наконец, ему удается это сделать. Женщина кричит: «Этьен! Андрэ!» Лекарство выливается у нее изо рта.

Манэ (*снова наливая в рюмку лекарство*). Кого она зовет?

Первый (*сквозь зубы*). Своего мужа. И брата.

Манэ. А где ее муж?

Первый злобно смотрит на Второго.

Второй (*прежним тоном*). Он умер. Его избили и он умер.

Доктор силой вливает больной лекарство и зажимает ей рот, заставляя проглотить. Больная постепенно затихает. Доктор высвобождает ее руку и считает пульс.

Манэ. Снотворное действует. Но шансов почти никаких, имейте в виду.

Первый (*надменно, но с некоторой неловкостью*). Здесь есть еще один больной. Посмотрите его тоже.

Все направляются к выходу. Сиделка проскальзывает обратно в комнату.

Манэ и хозяйка идут темным коридором, поднимаются по узкой лестнице и оказываются на каком-то чердаке.

На полу на соломе лежит юноша лет восемнадцати в разорванной одежде. Манэ наклоняется к нему и видит, что вся солома под ним намочена кровью.

Юноша с трудом открывает глаза и видит Манэ.

Манэ. Друг мой, я доктор.

Юноша (*глухо*). Мне не нужен доктор.

Манэ. Я все же хочу осмотреть вашу рану.

Юноша. Не надо. Все равно помру. — А она? Вы ее видели, доктор? (*Манэ утвердительно кивает.*) Она жива?

Манэ. Да.

Юноша (*с горечью*). Еще жива! (*Он начинает задыхаться, но говорит громче*) Вся семью извели, доктор, всю семью! Отец, как узнал, что это случилось, так сразу и умер. А я тогда не выдержал, побежал сюда. (*Пытается приподняться.*) Да как же можно это терпеть? Мужа до смерти забили... ни за что... напраслину на него возвели... А ее силой сюда притащили.

Манэ. Это ваша сестра?

Юноша отвечает кивком и опять опускается на солому.

Юноша. Они думают, что мы не люди! Да разве такое можно выносить! (*Задыхается.*) Ну вот! А теперь всё! Теперь мне тоже конец.

Первый (*не выдержав*). А чем ты думал, болван, когда лез с топором на своего сеньора? (*К доктору*) Он бросился на моего брата с топором!

Юноша (*приподнимаясь*). А вы, маркиз д'Эврембонд, вы о чем думаете? Вы что, вечно собираетесь пить нашу кровь? — У людей ведь ничего уже не осталось! Траву едят! Ничего не осталось! Только ненависть к вам осталась! Подождите, скоро все придут сюда с топорами. Не я один. А мне такая жизнь все равно не нужна. Ничего. Я и мертвый к вам приду, подождите! (*Теряет сознание.*)

Доктор Манэ и сиделка у постели больной.

Манэ. Ну, вот и все.

Сиделка (*мрачно*). Очень уж гордая была.

Манэ и маркиз д'Эвремонд.

Маркиз. Доктор, я крайне сожалею обо всем, что здесь произошло. Мой брат еще очень молод, он очень неводержан. Но я надеюсь, что подобное не повторится. (*Поигрывает пальцами по столу.*) Вам стало известно наше имя. Я могу положиться на вашу скромность?

Манэ. Существует понятие врачебной тайны, господин маркиз.

Маркиз (*кивает и протягивает Манэ кошелек*). Это ваш гонорар.

Манэ. К сожалению, я никому не оказал реальной помощи, и поэтому не считаю возможным принять деньги.

Маркиз. Вы отказываетесь от платы? Значит, вы что-то задумали.

Манэ. Я уже сказал вам.

Маркиз. Доктор, вы знаете, кто я. И вы, я надеюсь, понимаете, что для меня что вы, что эти люди! (*Делает пренебрежительный жест.*) Я никого не боюсь. Но я не хочу огласки. У меня на это свои причины! У меня есть жена. Она сложный человек, но она моя жена. И она имеет влияние на моего сына. (*Подталкивает ему кошелек.*) Возьмите деньги.

Манэ. Благодарю вас, но я не считаю возможным их принять.

Маркиз. Прежде чем что-то затевать, доктор, хорошенько подумайте! Подумайте о своей семье! Ваша жена англичанка?

Манэ (*удивленно*). Да.

Маркиз. Моя жена считает, что все англичане с утра до вечера читают Библию. Ваша жена тоже читает Библию?

Манэ. Нет.

Маркиз. Хорошо. Так вы возьмете деньги?

Манэ. Нет. И поскольку я здесь уже никому не нужен, ваше сиятельство, я хотел бы откланяться.

Манэ в карете один.

Манэ (*кутаясь в плащ*). Почему так холодно?

Манэ открывает дверь своего дома.

Его слуга, мальчик лет семнадцати, спит, сидя на нижней ступеньке лестницы.

От звука открываемой двери он просыпается.

Манэ. Что ты тут делаешь, Эрнэст?

Дефарж. Ох, хозяин, наконец вы вернулись! (*Вскакивает.*)
Мадам велела, чтоб я ее сразу разбудил, как вы вернетесь.

Манэ. Не надо. Но почему вы так рано улеглись?

Дефарж. Мы две ночи не спали, хозяин. Маленькая Люси, как вы уехали, ни на минуту не переставала плакать. Вот только час, как успокоилась.

Манэ. Согрей мне ужин и отправляйся спать.

Ночь. Доктор Манэ за письменным столом. Он кладет перо, перечитывает то, что написал, складывает лист и рвет на множество частей.

День. Доктор Манэ прогуливается по набережной Сены. Он смотрит на воду. По воде плывут желтые и темно-красные листья.

Ночь. Доктор Манэ снова что-то пишет за письменным столом. Снова рвет написанное.
Доктор Манэ сидит, обхватив голову руками.

Вечер. Доктор Манэ в своем кабинете. В дверь заглядывает Дефарж.

Дефарж (*нерешительно*). Хозяин! Там пришли какие-то...
Говорят, тяжелые роды на улице Сент-Оноре.

Манэ встает и начинает одеваться.

Манэ. Собери мне сумку. А я потом проверю, запомнил ли ты, что нужно при тяжелых родах.

Дефарж. Хозяин, мне эти люди не нравятся. Ужасно не нравятся. Может, я скажу, что вас нет? Нет — и всё!

Манэ. Ты что, малыш! Если я стану лечить только тех, кто тебе нравится!..

Дефарж. Хозяин, давайте я с вами поеду! Возьмите меня!

Манэ (*проводя рукой по его голове*). Да чего ты так испугался? А кто же будет охранять мадам и маленькую Люси?

Доктор выходит в соседнюю комнату. Ему навстречу — человек с умоляющим выражением лица, у дверей второй, точно такой же.

Первый (*скорбным тоном*). Доктор, ради всего святого! Очень тяжелые роды!

Доктора усаживают в карету. Первый садится с ним, второй вскакивает на козлы. Карета проезжает несколько кварталов, останавливается. Дверцы распахиваются. Двое неизвестных бросаются к Манэ и надевают на него наручники. После этого в карету неспеша садится маркиз д'Эвремонт.

Маркиз. Я же предупреждал вас, доктор, — не вздумайте нарушать покой моей семьи.

Вот ваше письмо прокурору Парижа. Оно очень убедительно написано, но, к сожалению, мне придется его сжечь. (*Выглядывая в окно кареты*) В Бастилию!

Часть первая

(Восемнадцать лет спустя)

Глава первая

1. Лондон. Адвокатская контора «Кáртон и Стра́йвер». Двое молодых людей (Картон и Страйвер), стоя, почтительно внимают старому джентльмену, мистеру Лóрри.

Лорри. Вот так он и провел в Бастилии восемнадцать лет.

Страйвер. Ужасно! Без предъявления обвинения, без суда и приговора!

Картон. Восемнадцать лет — это же целая жизнь!

Лорри. Да, для вас это целая жизнь. Ведь вам, Сидней, еще двадцати четырех не исполнилось?

Картон. Через две недели, сэр!

Лорри. А мистеру Страйверу?

Страйвер. Мне уже двадцать пять, сэр.

Картон. Дьяволы! Уж лучше бы убили!

Страйвер. Что ты такое говоришь, Сидней!

Картон. То и говорю. По-моему, милосерднее убить, чем вот так годами растаптывать человеческую жизнь! —

А его несчастная жена! Она ведь даже при желании не смогла бы еще раз выйти замуж! Она же не знала, вдова она или нет.

Лорри. Да, вы в чем-то правы, Картон. Моя кухня, конечно, не помышляла о новом замужестве. Но вся эта история стала причиной ее ранней смерти.

Страйвер. А как вы, сэр, узнали о его освобождении?

Лорри. Я получил через Теллсон-банк письмо от человека, назвавшегося душеприказчиком некоей маркизы д'Эвремонд.

Картон. Почему «назвавшегося», сэр?

Лорри. Тон письма несколько сбивчивый, и тот, кто его писал, и сам не юрист, и, конечно, ни к каким юристам не обращался.

Молодые люди с улыбкой переглядываются.

Страйвер (*с легким поклоном*). Да, нам до вас далеко, сэр!

Картон. А кто такая маркиза д'Эвремонд?

Лорри. Мне о ней ничего не известно. Никаких дел с нашим банком она не вела.

Страйвер. Удивительное дело! Я столько раз слышал о людях, заключенных в Бастилию пожизненно, а по моим воспоминаниям она не так уж велика. Сколько же в ней помещений? Как они там все умещаются?

Картон. Неужели ты думаешь, Дик, что с пожизненным сроком в одиночной камере можно долго прожить? Они очень быстро умирают, а еще быстрее сходят с ума. (*К Лорри*) А этот джентльмен, сэр, ваш... э-э... дальний родственник, он в полном порядке?

Лорри. Нет. Насколько я понял из письма, он в очень пла-

чевном состоянии. *(Помолчав)* Он совершенно ничего не помнит. Ни кто он сам, ни что с ним произошло.

Картон. А его дочери об этом известно?

Лорри *(отрицательно покачав головой)*. Ей ничего толком не известно. Она думает, что речь идет о наследовании какого-то имущества. О таких тяжелых вещах лучше говорить с глазу на глаз, а не в письме. Завтра мы встречаемся с нею в Дувре. Я уже заказал билеты на корабль, который отплывает завтра ночью.

Картон. А сколько ей лет?

Лорри. Девятнадцать. Она живет в Рединге. Формально ее опекуном являюсь я, но воспитывала ее подруга ее покойной матери, некая мисс Энн Адамс, очень достойная женщина.

Картон. Мистер Лорри, но вы ей даже опомниться не даете!

Страйвер. Сидней! Что ты такое говоришь?!

Картон *(не обращая на него внимания)*. Вы представьте: она, хоть и сирота, но живет беззаботно, о чем-то мечтает наверное, и тут на нее обрушивается такое наследство — призрак, выходец с того света.

Страйвер. Сидней! Мистер Лорри лучше тебя разбирается во вверенных ему делах.

Лорри *(невозмутимо)*. Милый мой Картон! Я человек штатский *(он поднимает палец)*, сугубо штатский. Но я знаю, что в житейских делах, как на войне, самые лучшие решения принимаются быстро, под напором неотвратимых обстоятельств. Я собираюсь отплыть во Францию завтра ночью. А мисс Манэ!.. Она может приехать туда и позже. Или совсем не приезжать, тогда я сам привезу сюда ее отца. Оставить его во Франции

будет слишком сложно, потому что врачебной практикой он, как вы понимаете, заниматься не может, а вся небольшая собственность их семьи находится в Англии.

Страйвер. Мы не сомневаемся, сэр, что ваша поездка завершится самым успешным образом.

Лорри. Я тоже в этом не сомневаюсь. Но, на всякий случай, мое завещание у вас, и оно остается в силе.

Картон (*сухо, но с легкой иронией*). Счастливого пути, сэр! Надеюсь, погода будет вам благоприятствовать.

Лорри (*берет шляпу и трость*). Да-да, погода... Когда она тихая, на нее не обращают внимания, а когда начинается шторм!..

Я рассказал вам историю доктора Манэ, мои друзья, еще и потому, что мы, англичане, часто забываем, что живем под охраной лучших в мире законов. И вот человек, такой же как мы, женатый на моей родственнице, жил, можно сказать, совсем рядом, через этот узкий пролив...

Картон и Страйвер вдвоем.

Страйвер. Ты что, спятил, мой милый компаньон? Что ты суешься не в свое дело? Ты теперь всем и каждому будешь высказывать свои личные соображения?

Картон (*с кислой миной*). Успокойся, *твоя фирма* от меня не пострадает. (*С вызовом*) А мистеру Лорри я говорил и буду говорить все, что я думаю, понятно?

Страйвер (*примирительно*). Ну ладно, я все забываю, что у тебя с мистером Лорри свои отношения. Для меня он — воплощение Теллсон-банка, все равно, что сам мистер Теллсон. А для тебя — это старый друг твоего

отца. Ну что же, он немало способствовал блестящей репутации покойного мистера Картона. А мне, как твоему компаньону, она тоже досталась в наследство.

Картон. Вот видишь, я с тобой поделился, но своей долей буду распоряжаться как хочу.

Страйвер. Но я заметил, что мистер Лорри готов ездить во Францию по любому поводу. Неважно, есть там дела у Теллсон-банка или нет.

Картон. А вот это уже совершенно никого не касается.

Картон подходит к зеркалу, надевает шляпу, поворачивается, пытаясь разглядеть себя в профиль, и выходит.

На улице. Картон проходит несколько шагов, снимает шляпу, встряхивает своими густыми длинными волосами. Картон продолжает свой путь, держа шляпу в руке и поигрывая этим бесполезным предметом.

Картон входит в ресторан. Усаживается в отдельной комнатке.

Входит хозяин.

Хозяин (*с поклоном*). Добрый вечер, мистер Картон! Все как обычно, сэр?

Картон (*милостиво кивая*). Благодарю вас, Пирсон.

Хозяин (*слуге*). Ужин мистера Картона!

Картон (*сквозь зубы*). Дьяволы, чтоб вам провалиться!

Хозяин (*испуганно*). Простите, сэр?

Картон. Это не к вам относится, Пирсон. Это я по поводу одного француза.

Хозяин. Терпеть не могу французов. Развратная нация.

В дверях появляется проститутка.

Хозяин. Ну, не буду мешать. Желаю приятного ужина, сэр.

Проститутка (*усаживаясь за стол*). Привет, Сидней!

Картон. Привет, Мэг! Давно тебя не было видно.

Входит слуга, накрывает на стол.

Мэг. Матушка моя долго болела.

Картон. Выздоровела?

Мэг. Ага. Вчера похоронили.

Картон (*смущенно*). У тебя, наверное, долги? Я дам тебе денег, иди домой.

Мэг. А что я там буду делать, дома? Не скажешь ли?

Картон (*вздыхает*). Тоже верно.

Она придвигается ближе и прижимается головой к его плечу.

Мэг. Вот так-то.

2. Пасмурный день на море.

Трехмачтовый парусный корабль входит в гавань.

Редкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь тучи, золотят паруса.

Гостиница в Дувре. Мистер Лорри, расположившись

в кресле, читает небольшую книжку, время от времени поглядывая на окно.

Входит гостиничный слуга.

Слуга. «Святой Людовик» выйдет в море ровно в полночь, сэр.

Лорри. Комната для двух леди готова?

Слуга. Да, сэр. Леди останутся ночевать?

Лорри. Думаю, что нет. Но комната будет оплачена до утра.

По дороге несется почтовый дилижанс. В дилижансе только две пассажирки: строго одетая дама средних лет (мисс Адамс) и молоденькая нарядная девушка с золотистыми локонами (Люси). Они весело смеются.

Мисс Адамс наматывает на свой палец развившийся локон Люси и старается его закрепить.

Мисс Адамс. Я хочу, чтобы он увидел тебя во всей красе.

Он просто ахнет, этот мистер Лорри. Ведь в последний раз он видел совсем маленькую девочку.

Люси (*смеясь*). Вот если бы девочка превратилась в мальчика, тогда бы он действительно ахнул.

Гостиница. Мистер Лорри подходит к окну. Он видит, как из прибывшего дилижанса выходят обе женщины.

Комната в гостинице. Женщины сидят на кушетке и рыдают в объятиях друг друга. Мистер Лорри, заложив руки за спину, прохаживается по комнате.

Лорри. Я должен просить у вас прощения, милая Люси. Я должен был предугадать, что это будет для вас очень тяжело. И вы, ради Бога, простите меня, мисс Адамс.

Люси (*вставая*). Что вы, мистер Лорри! Это я должна просить у вас прощения. Я вам очень-очень благодарна. Мы расплакались из-за моей бедной матушки.

Она не может говорить и снова плачет.

Мисс Адамс (*сквозь слезы*). Если бы она знала, что он жив! Если бы она знала! Она бы ни за что не умерла!

Люси (*вытирая слезы, решительно*). Когда отходит корабль?

Лорри. Ровно в полночь.

Люси. А раньше никак нельзя?

Лорри. Не волнуйтесь, дитя мое, мы пересядем в почтовую карету прямо в порту. У меня все расписано по часам.

Люси. А кто эти люди, сэр, у которых сейчас находится мой отец?

Лорри. Его приютил бывший слуга, Эрнест Дефарж. Я его помню, он служил у вашей матушки до самого нашего с вами отъезда в Англию. Очень был смысленный паренек, ваша мать говорила про него, что это готовый аптекарь.

Мисс Адамс. Ну конечно, маленький Эрнест!

Лорри. Сейчас он уже взрослый, у него семья. Они держат винный погребок в Сент-Антуанском предместье.

Люси. Благослови их Бог за их доброту! Но чем скорее мы его заберем, тем лучше. Зачем такому тяжелобольному

оставаться в чужом доме, когда у него есть свой дом и своя семья?

Мисс Адамс. Мы с Божьей помощью сумеем его вых-
одить и поставить на ноги.

Лорри (*тяжело вздыхая*). Увидим, мисс Адамс, увидим. Во
всяком случае, будем надеяться.

Ночь. Парусный корабль, подгоняемый легким ветром,
скользит по волнам.

Лорри, Люси и мисс Адамс, стоя у борта, любят лунной
и лунным светом, бегущим по морской ряби.

Люси. Как красиво! Но мне все же немножечко страшно.
Я буду держаться за вас, сэр. Я ведь первый раз в жиз-
ни в открытом море.

Лорри. Второй, мое милое дитя. Первый был много лет
назад. А для меня пересечь этот пролив все равно, что
из дому добраться до моего старого доброго Теллсон-
банка. Вот когда я впервые плыл в Америку, да еще по-
пал в сильный шторм, мне, честно говоря, было не по
себе.

Люси. Я бы просто умерла со страху!

Лорри. Мне никак нельзя было умирать. И тогда я вспо-
нил своего любимого Колумба, как он плыл без всякой
карты в полную неизвестность, и уцепился за него, вот
так же, как вы теперь за меня.

Мисс Адамс (*наставительно*). В таких случаях, сэр, надо
молиться. Наша опора Господь. Скала спасения нашего.

Лорри (*добродушно*). Совершенно верно, мисс Адамс. Но
чтобы опереться на скалу, надо сначала на нее взо-

браться. А это не каждому под силу. Вот я и цеплялся за моего любимого Колумба.

3. Париж. Утро. Сент-Антуанское предместье, квартал бедноты.

Винный погребок Дефаржа. За одним столом двое посетителей, за другим — всего один.

Дефарж и его жена за стойкой расставляют бутылки, посуду.

Дефарж *(тихо)*. Я пошел.

Жена Дефаржа. Опять к нему?

Дефарж *(кивая)*. Его надо почаще навещать и каждый раз понемножку кормить. Так он скорее начнет понимать, что он уже не в тюрьме.

Жена Дефаржа *(пожимая плечами)*. На что ты надеешься? Начнет понимать! Главное, чтобы он не помер тут у нас! *(Понижая голос)* А если кто-нибудь придет за этим? *(Указывает головой на маленькую дверь)*.

Дефарж. Ну ты же все знаешь!

Жена Дефаржа. А сюда опять мальчишку поставлю?

Дефарж. Ну да.

Жена Дефаржа. А вот заметят, что мальчишка все время за стойкой торчит, а мы чем-то там занимаемся, и донесут.

Дефарж. Донесут — откупимся. И так всю жизнь на волоске висим. *(Уходит.)*

По улицам Парижа едет карета. В карете мистер Лорри, Люси и мисс Адамс.

Мисс Адамс внимательно смотрит в окно. Люси сидит, вся сжавшись.

Лорри (*беря ее за руку*). Вот как случается, моя дорогая!

Вы в этом городе родились, а сейчас его видите впервые. А вот я родился в Южном Уэльсе, а знаю здесь каждую улицу, каждый переулочек.

Мисс Адамс (*глядя в окно*). Странно!

Люси. Мистер Лорри! Я думаю только об одном — как бы поскорее отсюда выбраться. Так будет лучше и для моего бедного отца, и для всех нас. Не знаю, может быть, я схожу с ума, но мне кажется, что за нами следят, что на нас надвигается какая-то опасность.

Лорри. Держитесь, моя дорогая, все будет хорошо.

Мисс Адамс (*глядя в окно*). А впрочем, ничего странного.

Лорри. Что вас там удивило, мисс Адамс?

Мисс Адамс. Мы проехали столько церквей, и только возле одной стояли нищие.

Лорри. И что же это значит, по-вашему?

Мисс Адамс. Нищие всегда стоят в тех местах, где они могут рассчитывать на подаяние.

Лорри. Я хорошо знаю французов, мисс Адамс, они щедро подают нищим. Конечно, когда у них есть деньги.

Мисс Адамс. Я говорю совсем о другом. Если нищие не просят возле церкви, значит, в церковь никто не ходит.

Лорри. Но ведь сегодня будний день. По воскресеньям и праздникам все церкви полны.

Мисс Адамс. Мне известно, чем отличаются праздники от будней, сэр. *(После паузы)* Но все же возле одной церкви я видела нищих.

Лорри *(подмигивая)*. Они узнали, что там собирается венчаться богатая пара. Нищие народ ушлый, у них есть свои осведомители.

Сент-Антуанское предместье.
Из наемного фиакра стремительно выходит красивый молодой человек (Дарней), бросает монету кучеру и быстрым шагом направляется вглубь предместья.

Погребок Дефаржа полон посетителей.
Компания за одним из столов.

Первый посетитель. Народу есть нечего, а королева на миллионы ливров драгоценностей заказывает.

Второй посетитель. Так они же ей даром достались.
Когда ювелиры явились за деньгами, их сразу же упекли в Бастилию.

Третий посетитель. Ювелиров не жалко. Они все колдуют. Они свои камни в человеческой крови кипятят, чтоб лучше блестели.

Второй посетитель. У королевы сын от графа Ферзена.
А когда вырастет, станет нашим королем.

Первый посетитель. Ничего, королева Изабо сама не знала, от кого у нее дети.

Второй посетитель. От Святого Духа.

Третий посетитель. Вот так нами и правят всю жизнь колдуны и ублюдки. Чего же удивляться, что мы такие!

Второй посетитель. А какие мы?

Третий посетитель. Вот такие.

Дарней входит в погребок и направляется к стойке. За стойкой жена Дефаржа.

Посетители кабачка провожают Дарнея злобными взглядами.

Дарней. Добрый вечер, мадам. Ваш муж посылал за мной...

Жена Дефаржа (*перебивая его*). Идите сюда, сюда!..

Она быстро направляется к боковой двери, он следует за нею. Дарней и жена Дефаржа входят во внутреннюю комнату с убогой претензией на роскошь. Это парадная комната Дефаржей, одновременно служащая супружеской спальней.

Жена Дефаржа. Он сейчас придет.

Она быстро возвращается за стойку.

Жена Дефаржа. Эй, Жанно́, сбегай за отцом!

Маленький мальчик лет одиннадцати бросается со всех ног выполнять ее поручение.

К Дарнею входит Дефарж.

Дефарж. Добрый вечер, господин маркиз!

Дарней (*шепотом*). Никаких маркизов, месье Дефарж! Ваши гости и без того уже готовы меня на куски разорвать.

Дефарж (*слегка кивает*). Они приехали. Я попросил, чтобы до темноты они сюда не приходили. Ну, сами понимаете...

Дарней. А кто приехал?

Дефарж. Его дочь. И тот господин из Теллсон-банка, которому вы писали. И еще одна женщина, англичанка. Я попросил, чтобы пришли только двое. Я думаю, они будут с минуты на минуту.

Дарней. Почему эти люди так на меня смотрели? На мне написано, что ли, кто я такой? Я одет как самый скромный буржуа.

Дефарж. А ваша осанка? Это осанка завязанного фехтовальщика и наездника. А выражение лица? Оно у вас конечно доброе, но сразу видно, что вы никого и ничего не боитесь. А такие люди всегда кажутся очень гордыми...

Дарней. Ну понятно, проклятый аристократ, враг народа. Видно, нигде я не буду своим. Хоть в пустыню беги!
(*Он делает небольшую паузу.*)

Скажите, месье Дефарж, а как простые люди друг к другу относятся?

Дефарж. Простым людям нечего делить. А без взаимной поддержки они и выжить не смогут. Но если кому-нибудь случится разбогатеть, то никто его за это больше любить не станет. И сам он тоже добрее не делается.

Дарней. Вы такой глубокий человек, месье Дефарж. С вами так интересно говорить. Если бы вы получили достойное образование...

Дефарж (*перебивает его*). Не надо об этом! (*За окном шум подъехавшего экипажа.*) Вот, кажется, они приехали.

Дарней. Почему вы думаете, что это они?

Дефарж. Под нашими окнами нечасто проезжают экипажи. (*Направляется к двери.*) Я пойду, а вы выходите минуты через две. Мы будем вас ждать на улице. (*Выходит.*)

Дарней ходит взад-вперед по комнатке, затем выходит в зал. Посетители рассматривают его с головы до ног, смотрят ему вслед.

Первый посетитель. Что он тут делает, этот красавчик? Я его уже не в первый раз вижу.

Второй посетитель. Ты разве не знаешь, что Дефарж потихоньку лекарствами приторговывает? Может, этому франту какая отравка понадобилась, богатого родственника покормить!

Первый посетитель. Ты что! Папаша Дефарж ничем таким не занимается!

Дарней выходит на стемневшую улицу. В тусклом свете фонаря он видит Дефаржа, беседующего с молоденькой девушкой. Девушка держит обе его руки в своих. К Дарнею подходит мистер Лорри.

Лорри (*приподнимая шляпу*). Месье Дарней, если я не ошибаюсь?

Дарней. Совершенно верно.

Лорри. Я Джарвис Лорри из Теллсон-банка. Благодарю вас за ваши хлопоты.

Дефарж делает им знак и вместе с Люси направляется вверх по улице. Лорри и Дарней на небольшом расстоянии идут следом.

Лорри. Он очень смысленный парень, этот Дефарж. Ведь если кто-нибудь узнает, что тут находится человек, просидевший в Бастилии восемнадцать лет, то весь Париж сбежится на него поглазеть. И тогда властям удобнее всего будет запрятать его обратно. *(Он искоса разглядывает Дарнея.)* Ее сиятельство маркиза ничего не говорила о том, как она узнала о судьбе бедного доктора?

Дарней *(твердо)*. Ни-че-го.

Лорри *(утвердительно кивает)*. Она, несомненно, принадлежала к тем праведникам, которые тайно творят добрые дела. Вы ее сын?

Дарней *(восхищенно)*. Как вы догадались, месье Лорри?

Лорри. Деньги можно завещать кому угодно, а добрые дела оставляют в наследство только самым близким. Я не зря чуть ли не полвека прослужил в Теллсон-банке. Я разбираюсь и в людях, и в завещаниях.

Дефарж и Люси пересекают двор-колодец, подходят к входной двери и останавливаются, дожидаясь своих спутников.

Лорри и Дарней подходят. Дарней отвечает Люси поклон.

Дефарж *(шепотом)*. Нам надо на пятый этаж. Вам это не трудно, мадемуазель?

Люси отрицательно качает головой. Все четверо начинают медленно подниматься по лестнице и останавливаются перед дверью на верхнем этаже. Люси закрывает лицо руками. Дефарж достает ключ, открывает дверь. В чердачной комнате на низенькой скамейке сидит седовласый изможденный человек и при свете тусклой лампы

ковыряет ножом деревянный башмак. У его ног лежат еще какие-то инструменты.

Дефарж входит в комнатку с фонарем. Остальные следуют за ним и останавливаются в дверях.

Дефарж (*негромко*). К вам пришли.

Манэ не реагирует.

Дефарж (*шепотом, к Люси и Лорри*). Он думает, что я тюремщик.

Лорри (*подходя к Манэ*). Добрый вечер, доктор Манэ. (*Тот не реагирует.*) Добрый вечер. Я Джарвис Лорри из Теллсон-банка. А вы кто будете?

Манэ (*поднимая глаза*). Сто пятый, Северная башня.

Лорри. А что это вы делаете? Можно посмотреть?

Манэ (*более охотно*). Это башмаки. Деревянные башмаки. За водой ходить. В дождь носить.

Лорри. А вы всегда их делали?

Манэ. Это моя работа. Надо работать. Я просил, и мне разрешили. Надо все время работать.

Лорри. Зачем работать?

Манэ. Надо все время работать. Чтоб не сойти с ума. Я буду работать. Я не сойду с ума.

Люси бросается к Манэ, опускается перед ним на колени, обнимает его, прижимает к себе его голову.

Люси (*сквозь слезы*). Отец! Дорогой мой! Любимый!
Я здесь, я с вами! Мы едем домой. Мы скоро будем дома. Вам там будет хорошо! Все будет хорошо!

Возле подъезда стоит экипаж. Лорри и Дарней прохаживаются по двору.

Появляется Дефарж в сопровождении двоих дюжих парней. Быстрыми шагами они входят в дом.

Лорри. Этому Дефаржу цены нет. Он действует, как заправский врач. Доктору Манэ небольшая доза опия не повредит. А нам это сильно облегчает дело.

Дарней. Вы знаете, месье Лорри, я намерен исполнить поручение моей матушки до конца. Я собираюсь поехать в Англию и там удостовериться, что у доктора все в порядке и он ни в чем не нуждается. Честно говоря, я думал, что поеду вместе с вами. Но, наверное, вы правы, что увозите его так поспешно.

Лорри. Так решила мадемуазель. Мне было бы удобней, если бы они задержались дней на пять-шесть. Но я не люблю с кем-либо спорить, а она девица очень решительная.

Дарней (*взволнованно*). Так вы не едете с ними?

Лорри. Я провожу их до Кале и немедленно вернусь в Париж. У меня неотложные дела в Теллсон-банке.

Дарней. Но как же мадемуазель одна повезет такого тяжелого больного? Да еще морем!

Лорри (*с легкой улыбкой*). Она так решила. И она не одна. С нею едет еще одна дама. Тоже с очень решительным характером.

Дарней. Нет, месье Лорри, это невозможно! Человек в таком состоянии на руках у женщин! (*Задумывается на пару секунд.*) Вы будете заезжать в какую-нибудь гостиницу в Кале?

Лорри. Несомненно. Я всегда останавливаюсь в гостинице «Пеликан». Хозяина зовут Бернан Мишо.

Дарней. Тогда я вас покидаю. *(Отвешивает ему поклон.)*
Встретимся в Кале! Может, я окажусь там даже раньше вас. *(Почти убегает.)*

Лорри *(глядя ему вслед).* Сущее дитя! Есть же на свете такие натуры!

4. Гавань в Кале. Корабли качаются на рейде.

Грузчики с мешками на плечах бегают вверх и вниз по трапам.

Корабль с поднятыми парусами.

Лорри, Дарней и мисс Адамс стоят на палубе возле трапа.

Лорри. Вы можете положиться на мистера Дарнея как на меня самого, дорогая мисс Адамс.

Мисс Адамс *(прижимая руки к груди).* Благодарю вас, сэр! Благодарю вас, мистер Дарней! *(К Лорри)* Я же вам говорила, мистер Лорри, что все устроится, что Господь нас не покинет.

Лорри. Для меня важнее, что в ближайшие дни вас не покинет мистер Дарней.

Мисс Адамс. Ах, значит, вы считаете!..

Лорри *(перебивая).* Я считаю, что мне пора сходить на берег, мой добрый друг. *(Пожимая руку Дарнею)* Всего доброго, сэр. Если вы любите беседы на религиозные темы, то в обществе мисс Адамс вам никогда не будет скучно.

Ночь. Корабль в открытом море. Ветер усиливается, волны становятся все выше. Начинается шторм.
Мачта кренится. Матросы тянут канаты, выпрямляя мачту.

Дарней, одетый, дремлет на койке в своей каюте.

Доктор Манэ спит, укрытый одеялом. Люси сидит возле него, не сводя с него глаз.

Волны заливают палубу.

Манэ снится путешествие на корабле, буря, кораблекрушение. Он кричит во сне.

Мисс Адамс, держась за переборки, с трудом преодолевает расстояние между двумя каютами и входит к доктору.

Манэ снится, что он тонет.

Манэ. Люси! Мы тонем! Где ты, Люси?

Люси. Я здесь, отец!

Мисс Адамс (*глухо*). Он зовет твою мать.

Манэ. Помогите! Помогите! У меня там жена и ребенок!
Они погибают! Помогите!

Женщины пытаются привести его в чувство.

Мисс Адамс. Очнитесь, сэр! Мы на корабле!

Манэ. Люси! Люси! Спасите ее!

Дарней просыпается в своей каюте и спешит на помощь.

Каюта доктора.

Дарней (*появляясь в дверях*). Его надо устроить на палубе.

Шторм уже утихает. Здесь очень душно, а на воздухе ему будет легче.

Люси. Но он не дойдет!

Дарней. Я все сделаю, мадемуазель.

Дарней бежит в свою каюту, выносит на палубу постель и возвращается к ним.

Доктор продолжает метаться и звать на помощь. Дарней берет его на руки и выносит на палубу.

Шторм стихает. Доктор Манэ открывает глаза, видит ночное звездное небо и склонившихся к нему людей.

Манэ. Мы на корабле?

Мисс Адамс. Да.

Манэ. Куда мы плывем?

Мисс Адамс. В Англию.

Манэ. Моя жена погибла?

Мисс Адамс. Да.

Манэ. А ребенок?

Мисс Адамс. Ребенок спасся.

Ясное солнечное утро. Корабль приближается к Дувру. Дарней, Люси и мисс Адамс стоят у борта.

Дарней (*к Люси*). Прошу вас, мадемуазель, не беспокойтесь ни о чем. Нам вообще не понадобятся никакие носильщики. Я снесу месье Манэ по трапу на руках, как ребенка. Я это сделаю гораздо бережней, чем любой носильщик.

Люси. Я не знаю, как вас благодарить, месье Дарней, за вашу доброту.

Дарней. Что вы, мадемуазель Манэ! Это я должен вас благодарить за то, что вы принимаете мои услуги.

Мисс Адамс смотрит на молодого человека, потом на девушку. На ее лице появляется легкая улыбка. Она одобрительно кивает в такт своим мыслям.

Глава вторая

(Пять лет спустя)

1. Открытая коляска едет через деревню. В коляске Дарней и Габелль, управляющий Эвремондов, пожилой дородный человек.

Дарней. Уверяю вас, месье Габелль, если бы последний английский бедняк увидел, как живут наши крестьяне, у него бы волосы дыбом встали.

Габелль. Насколько мне известно, в Англии полным-полно бездомных бродяг.

Дарней. Совершенно верно. А у нас в нищете живут люди, которые работают от зари до зари.

Габелль *(ворчливо)*. Да, от зари до зари от работы отлынивают и только ищут, чего бы украсть. Им палец в рот не клади, нашим милым крестьянам. Я знаю, вы их очень любите, ваше сиятельство.

Дарней. Я же просил вас не называть меня сиятельством. Я отказываюсь от титула. Уже отказался.

Габелль. И очень напрасно. Ваши предки носили этот титул пятьсот лет.

Дарней. А вы знаете, что даже герцог Орлеанский говорит, что он готов отказаться от титула?

Габелль (*со смехом*). Говорит, говорит. И так громко говорит, что слышно даже в нашей деревне.

Дарней. Что же тут смешного, месье Габелль?

Габелль. Да всем почему-то кажется, что он хочет отказаться от этого титула, чтобы приобрести другой, более громкий.

Дарней. Вы хотите сказать, что род человеческий состоит из одних только подлецов?

Габелль (*фыркнув*). Я ничего такого сказать не хочу, но как-то само напрашивается. А я ведь тоже принадлежу к человеческому роду! Я клянусь вам, что если бы мне показали людей, у которых красивые слова не расходятся с делом, я был бы только рад. Даже очень рад. Потому что я сам, как я уже сказал, принадлежу к человеческому роду.

Дарней. А если я вам покажу таких людей?

Габелль. Но ведь для этого, конечно же, придется ехать в Англию?

Дарней. Ну, придется.

Габелль. Ах, месье Шарль! Вам уже скоро тридцать, а вы все такой же, каким были в двенадцать лет!

Дядя Дарнея (Эвремонд-младший) охорашивается перед туалетным столом. Входит Габелль.

Габель. Прибыл ваш племянник, ваша милость. Он же бывший маркиз. Он же англичанин Ча-арльз Дарней.

Столовая комната.

Дядя входит и подставляет Дарнею щеку для поцелуя. Тот едва прикасается к ней губами.

Дядя. Здравствуй, мой милый.

Оба усаживаются за сервированный стол и приступают к еде.

Дядя. Ты на этот раз так долго выбирался из своей любезной Англии, что я уже стал думать, не случилось ли чего. Учти, при нынешнем напряжении между двумя королевствами, когда человек вот так болтается взад-вперед, его легко могут принять за шпиона. И четвертовать.

Дарней (*улыбаясь*). Мне кажется, что для вас это было бы весьма кстати.

Дядя. Ты становишься циничным, мой друг. Ну что же, я тебе отвечу с той же откровенностью. Да, это бы избавило меня от многих осложнений. Если бы твоя прелестная затея была простым сумасшествием, это, как говорится, еще полбеды. Людям иногда случается сходить с ума. Но в свете этих новомодных идей твое поведение выглядит просто вызывающим и, естественно, бросает тень на ближайших родственников.

Дарней. Я давно уже совершеннолетний и имею право распоряжаться собой и своей собственностью. Я проконсультировался, я все досконально обсудил с юристами.

Дядя (*раздражаясь все больше*). Но еще раньше ты прокон-

сультировался со своими идейными вдохновителями. Властители дум! Мерзавцы! Хотел бы я посмотреть на кого-нибудь из них!.. Хотел бы я посмотреть, как Жан-Жак Руссо отказывается от титула и родовых поместий! Вот была бы картина!

Дарней. Я не принадлежу к людям, зависящим от чужих мнений. Я мыслю совершенно самостоятельно.

Дядя. Все дураки так считают. Прости, мой друг, я не хотел тебя обидеть. *(Он отпивает глоток воды.)*

Но я не могу не презирать всю эту сволочь, которая вопит о наших привилегиях! Да они сами только о них и мечтают! Им бы только дорваться!

Дарней. Ну хорошо. А доктор Манэ? Он тоже мечтал о привилегиях?

Дядя *(испуганно)*. Какой еще доктор Манэ?

Дарней. Тот самый, которого вы засадили в Бастилию на восемнадцать лет!

Входит лакей с горячим блюдом, ставит его на стол, снимает крышку. Дядя движением руки высылает его прочь.

Дядя *(несколько успокоившись)*. Так. Можно не спрашивать, откуда ты все это знаешь. *(Накладывает себе полную тарелку.)* Хороша была твоя матушка. И после смерти не угомонилась. Но только учти, что «засадил» этого доктора не я, а твой отец.

Дарней. Да, но он это сделал из-за вас. Он всякий раз был вынужден вас покрывать, чтобы спасти честь семьи.

Дядя. Да-да, и это тоже тебе поведала покойная маркиза. Выходит, она все же любила моего брата, если рассказывала о нем такие благостные сказки. А я всегда думал, что она любит только саму себя.

Дарней (*насмешливо поднимая брови*). Ах, вы так думали?
А мне казалось, что вы были достаточно хорошо знакомы с маркизой.

Дядя. Я не совсем правильно выразился.

Входит лакей с очередным блюдом, ставит на стол и быстро исчезает.

Дядя (*продолжает*). Маркиза была очень религиозна. А богомольные особы, как известно, весьма эгоистичны. Их главная цель — обеспечить себе хорошее местечко в потустороннем мире. Тем более что в этом мире твоя матушка имела все, чего только могла пожелать. (*Наливает себе вино и пьет.*) Но тебе она солгала. Твой отец вовсе не был таким, как тебе бы хотелось. Видел бы ты, как он выколачивал из крестьян недоимки! Я этим никогда не занимался. А он с них просто шкуру спускал. Убивать их он, конечно, не хотел, но после такой порки некоторые умирали.

Дарней вскакивает и отходит к окну.

Дядя (*ехидно*). Ты можешь спросить у этих милых крестьян, кого они больше ненавидели — своего старшего сеньора или его легкомысленного младшего брата.

Дарней. Вот поэтому я не хочу здесь оставаться. Я не хочу получать в наследство всю эту ненависть.

Дядя. Твое дело.

Дарней возвращается за стол, выпивает бокал вина и принимается за еду.

Дядя. И все же я не пойму, для чего маркиза рассказала тебе про доктора Манэ?

Дарней. Сейчас я вам объясню.

Дядя. Объясни.

Дарней. Его посадили на восемнадцать лет. Казнить или посадить пожизненно без всякого суда не мог даже ваш кузен прокурор Парижа.

Дядя. Твой кузен. Он был родственником твоей матери.

Дарней. Тем хуже для меня. Когда эти восемнадцать лет подходили к концу, маркиза заболела и, понимая, что уже не встанет, она завещала мне...

Дядя (*в ужасе*). Так значит, он не умер в Бастилии?..

Дарней. Нет, не умер.

Дядя. И она все эти годы!..

Дарней. Да. Она помнила о нем и держала в поле зрения. И я не знаю, как это получилось, но я уверен, что он остался жив благодаря ей. Она решила во что бы то ни стало его спасти. И спасла. Даже после своей смерти.

Дядя (*очень тихо*). И он даже не повредился в уме? За столько лет? (*Дарней пристально смотрит ему в глаза и не отвечает.*) Он теперь в Англии, конечно? У него жена была англичанка...

Дарней. Она давно умерла.

Дядя выпивает бокал вина и опять принимается за еду.

Дядя (*спокойно и небрежно*). Итак, ты решил сменить Людовика XVI на Георга III. А веру ты еще не поменял? Ты католик или гугенот? В Англии католиков не очень-то жалуют.

Дарней. Я никогда не интересовался богословием, но по моему убеждению все эти распри между протестантами и католиками — просто политическая борьба.

Дядя. Несомненно. И в Англии намного выгоднее быть гугенотом.

Дарней. Мне эти вещи совершенно безразличны. Но я не собираюсь лицемерить ни перед Богом, ни перед людьми.

Дядя. Ты что, веришь в существование Бога?

Дарней. Конечно верю. Но по-своему.

Дядя. А я все же думаю, что Бога не существует.

Между ними на серебряном подносе стоят флаконы с приправами. Дядя берет один из них, вертит в руках и задумчиво смотрит, как луч света играет в хрустале.

Дядя. Если бы Бог существовал, Он должен был бы давно наказать меня. И многих других.

Габелль усаживает Дарнея в коляску.

Дарней. Ну вот и всё.

Габелль. А вот и не всё. Вы в заколдованном круге, месье Шарль. Вы отказались в пользу своего дядюшки, но ведь он, увы, не вечен, а других наследников у него нет. Рано или поздно вы опять окажетесь маркизом д'Эвремондом.

Дарней. Вот тогда уж мне будет совершенно все равно. Вышлю вам доверенность, и распоряжайтесь. Если еще будет, чем распоряжаться.

Габелль (*сдерживая смех*). Но я же старше вашего дяди! С чего вы взяли, что я его переживу? (*С легким поклоном*) Но конечно, если ваше сиятельство приказывает, я постараюсь, я приложу все усилия.

2. Лондон. Уголовный суд Олд-Бейли.

В помещениях толпится множество народа: посетители, рассыльные, клерки, юристы в париках и мантиях. Конторка с кипую бумаг. Старый клерк диктует молодому.

Старый клерк. Пиши: убийств — восемь, подлогов — пятнадцать; так, мелкие кражи... Не пиши, это в конце. Поджоги — пиши, три...

Сидней Картон в небрежно накинутой мантии, с париком под мышкой поднимается по центральной лестнице. навстречу ему — другой молодой адвокат.

Адвокат. Привет, Картон! Ты слышал новость? В парламенте подняли вопрос об отмене квалифицированной казни.

Картон (*вздыхая*). Новость хорошая. Лет десять подебатыруют и, глядишь, отменят. Только моему подзащитному это уже не поможет.

Адвокат. А, это дело о шпионаже! Я совсем забыл. Зачем вы со Страйвером за него взяли? Оно же совершенно безнадежное!

Картон. Рекомендация мистера... (*осекается*) ...одного старого друга... отказать было нельзя.

Адвокат. А этот парень действительно шпион?

Картон. Такой же, как мы с тобой, старина. Но как это объяснить присяжным, совершенно непонятно.

Адвокат (*покачивая головой*). Вот идет Страйвер. Помоему, он уже в бешенстве.

По галерее быстрым шагом идет Страйвер. Картон бросается его догонять. Оба входят в комнату для адвокатов.

Страйвер. Мерзавец! Просто мерзавец! — Его дело! Хочет, чтоб его на куски разорвали? Пожалуйста! Но ты представляешь, каким я буду выглядеть идиотом?

Картон. Не только ты, Дик!

Страйвер. Конечно! Ты ведь не собираешься выступать? Ты будешь подавать реплики! — А я? На чем я должен строить защиту? Он дал нам хоть какой-нибудь материал? — Ублюдок!

Картон. Очень изысканный ублюдок. Аристократ до кончиков ногтей.

Страйвер. Ты так думаешь?

Картон. Уверен. Поэтому он ничего не хочет говорить о своей жизни во Франции. И имя у него, конечно же, измененное. Кстати, Дик! На кого он похож? У меня такое чувство, как будто я его хорошо знаю. А я его никогда раньше не видел.

Страйвер. Он похож на человека, которого должны подвергнуть квалифицированной казни! Я что, по-твоему? Бесчувственная скотина? Мне нравится смотреть на живого парня и думать, что его скоро будут потрошить как!.. Черт бы его побрал!

А ты знаешь, Картон, ведь он же не соображает, каким образом его отправят на тот свет! До меня это только сейчас дошло! — Ну вот что! Я уже к нему не пойду. Но если ты туда отправишься, ты растолкуй ему, пожалуйста, что значит квалифицированная казнь в Соединенном Королевстве.

Дарней в тюремной камере. Он мерит ее шагами, делает какие-то упражнения, чтобы размяться.

В зарешеченное окошко под потолком льется свет. Дарней поднимает голову и смотрит на окошко.

Тюремщик открывает дверь, впуская Картона.

Дарней и Картон.

Картон. Ну что, мистер Дарней, отказываетесь нам помочь?

Дарней. Наоборот, я рассчитываю на помощь вашу и мистера Страйвера.

Картон. Но мы же не чудотворцы! Вы войдите в положение присяжных. Человек приезжает из Франции, поселяется в Англии, но при этом на месте не сидит, а все время разъезжает взад-вперед. А у нас не самые лучшие отношения с Францией, и только что закончилась война с американскими колониями. И тут на него поступает донос от добропорядочного патриота, что в самый разгар военных действий он был замечен на территории военной судовой верфи. Кому они должны верить?

Дарней. Я этого негодяя видел мельком один или два раза. Что ему вздумалось отправлять меня на тот свет?

Картон. Он состоит платным агентом в тайном сыске. Службу свою несет нерадиво. А тут подворачивается случай и жалованье оправдать, и, возможно, получить награду.

Дарней. Но это же людоедство!

Картон. Совершенно верно, мистер Дарней, это людоедство. Моя юридическая практика и мои исторические

познания меня уже давно убедили в том, что человеческие особи с большой охотой занимаются людоедством. А есть еще множество завуалированных форм, и есть законы, которые их допускают и поощряют. — Ну как, станем подыгрывать людоедам?

Дарней (*смущенно*). Мистер Картон! Я ведь не так глуп, как может показаться. Я понимаю, что моя позиция мне не на пользу, и вашей адвокатской репутации тоже. Но поверьте, если я начну рассказывать о причинах, по которым я эмигрировал, нам с вами легче не станет. Бедные присяжные совсем собьются с толку.

Картон (*едва скрывая раздражение*). Конечно, они плебеи и их дело судить плебеев. Дела таких персон, как вы, у нас разбираются в палате лордов!

Дарней (*искренне удивлен*). А что вам дает основания?..

Картон (*перебивая*). Ваше высокомерие! Вам грозит смерть, мучительная смерть! А вы пальцем пошевелить не хотите! Не хотите говорить правду — надо выбрать правдоподобную версию! Мы вам предлагали, и еще сейчас не поздно! А вы только демонстрируете свое презрение к смерти.

Дарней. Мистер Картон! Уверяю вас, что вы ошибаетесь. Я не хочу придумывать какие-то версии, потому что я знаю себя, я непременно запутаюсь и еще больше испорчу дело.

А что касается смерти, то она, честное слово, не входила в мои ближайшие планы. И я предпочитаю о ней не думать, я предпочитаю обдумывать свои планы. Я знаю, что в этом деле очень многое против меня, но не всё, не всё... Есть и другие силы.

Дарней глазами указывает вверх.

Картон. И вы всерьез верите, что высшие силы вмешиваются в нашу презренную жизнь?

Дарней. Если я останусь жив, то буду в это твердо верить. А в противном случае буду точно знать.

Картон идет по улице.

Картон (*про себя*). Ну что же мне с тобой делать, маркиз Карабас? И на кого же ты так похож?

3. Зал суда заполняется народом.

Присяжные, джентльмены с грубоватыми физиономиями, занимают свои места.

Страйвер и Картон усаживаются за стол, раскладывают бумаги.

Конвойные вводят Дарнея, все присутствующие впиваются в него глазами.

Дарней вместе с конвойными располагается в специально огороженном месте.

Картон (*шепотом, Страйверу*). Послушай, Дик, когда мы с тобой учились в Сорбонне, там не было кого-нибудь, похожего на него? Может, кто-то из его родственников?

Страйвер. Ты мне надоел. А ты знаешь, что в парламенте подняли вопрос о квалифицированной казни?

Картон. Оч-чень своевременно.

Страйвер. Ладно, не страдай. У тебя есть надежное средство. Напьешься, а там и забудешь.

Входит судья. Все присутствующие поднимаются с мест, затем садятся.

Процесс идет своим чередом.
Дарней, сидя на скамье подсудимых, старается не обращать внимания на происходящее. Он прикрывает веки. Ему представляется большой многомачтовый парусник. Он медленно входит в гавань.
Дарней подробно рассматривает корабельные снасти. На пристани толпа встречающих. Мужчины машут шляпами, у женщин в руках цветы.
Дарней почти засыпает, замороженный своим видением. Он вздрагивает от голоса Страйвера.

Страйвер. Я протестую, милорд! Следствие установило, что в этих бумагах не что иное, как переводы на английский произведений французского поэта Расина. Бумаги приобщены к делу.

Судья. Протест принимается.

Дарней снова погружается в созерцание корабля.
Идет допрос очередного свидетеля.

Страйвер (*шепотом, Картону*). Да, отличное дельце. Удружил нам твой мистер Лорри.

Картон. Наш мистер Лорри.

Дарней ловит взгляд Картоня, устремленный на него, и ласково ему улыбается.
Прокурор ведет допрос свидетеля.

Страйвер (*вскакивая с места*). Господа присяжные, слова моего подзащитного о том, что Джордж Вашингтон вошел в историю, нельзя рассматривать как подстрекательство к измене. В историю вошли царь Ирод, Нерон и Калигула, Кровавая Мария и множество им подобных. С Джорджем Вашингтоном правительство его величества заключило договор. Это тоже основание для того, чтобы войти в историю.

Дарней почти засыпает.

Судья. У защиты есть вопросы к свидетелю?

Картон. Да.

Судья. Прошу вас, мистер Картон.

Картон. Свидетель Добсон, как вы объясните тот факт, что вы заняли у подсудимого крупную сумму в тот самый день, когда ваш знакомый подал на него донос?

Дарней дремлет и просыпается от громкого голоса: «Объявляется перерыв».

У входа в Олд-Бейли останавливаются мистер Лорри, мисс Адамс, Люси и доктор Манэ, величественный старик.

Люси (*хватая мистера Лорри за руку*). Мистер Лорри! Вы действительно уверены, что Чарльзу ничего страшного не грозит?

Лорри. Дитя мое, главное — это вердикт присяжных. Когда прокурор начнет произносить свою речь, вы его даже не слушайте. Это его обязанность — объявить всякого подсудимого виновным. А присяжные выслушивают обе стороны, да еще всех свидетелей. Они всегда выносят справедливое решение, на этом стоит британское правосудие.

Люси. Но если его признают виновным, то это — казнь?

Лорри. Мету наказания назначает судья. Дарней иностранец, его могут просто выслать.

Манэ. Ему нельзя возвращаться во Францию, это тоже опасно.

Люси. Я ни в коем случае не поеду во Францию.

Лорри. Но есть же и другие места. Можно, например, поселиться в Италии.

Мисс Адамс (*машинально*). В Италии, говорят, все очень дешево.

Лорри. Ну, вы идите, а мы с мисс Адамс погуляем, зайдем в бисквитную. Я тут знаю одну бисквитную.

Он целует Люси, берет под руку мисс Адамс и уходит с нею. Доктор Манэ и Люси входят в здание суда.

Лорри и мисс Адамс проходят несколько шагов и останавливаются.

Лорри. А теперь, мисс Адамс, мы с вами пойдем в ближайшую церковь, хотя сегодня не праздник и не воскресенье.

Мисс Адамс. Можно молиться на любом месте, сэр.

Лорри. Кто может, а кто нет! Вы понимаете, что Чарльза может спасти только чудо?

Мисс Адамс (*ошеломленная*). Но вы же говорили, что можно уехать в Италию?

Лорри. Какая Италия! Я это все говорил для них! Если бы они знали, каково его положение на самом деле, они бы оба умерли за этот месяц.

Мисс Адамс гибнет так, как будто ее ударили в солнечное сплетение. Через несколько секунд она выпрямляется, и оба они быстрыми шагами направляются в сторону церкви.

Коридор в Олд-Бейли, запруженный народом. Картон сидит на подоконнике, ест хлеб с сыром и запивает пивом из кружки. К нему подходит Страйвер.

Страйвер. Ну-у, мистер Лорри! Совсем из ума выжил! Обвинение вызвало в качестве свидетеля его друга доктора Манэ, а я об этом узнаю в последнюю минуту.

Картон. Какого Манэ? Того, что просидел всю жизнь в Бастилии?

Страйвер. Да.

Картон. Но он же потерял память! Как он может давать показания?

Страйвер. Ты отстал от жизни, мой милый. Доктор Манэ уже больше двух лет — практикующий врач в Сохо.

Картон. У нас за спиной происходят чудеса. Неужели такое возможно?

Страйвер. Прекрасный британский воздух. Заботы прелестной дочери. А главное *(он потрясает указательным пальцем)* — защита лучших в мире британских законов. Но мистер Лорри, прости меня, из ума выжил. Почему этот доктор не выступает на нашей стороне?

Картон. Ты недооцениваешь мистера Лорри. Он всегда знает, что делает. Только пользы от этого будет!..

Картон тяжело вздыхает, Страйвер тоже мрачнеет.

Зал суда набит битком.

Картон и Страйвер на своем месте.

Картон *(вглядываясь в зал)*. Где он, этот доктор?

Страйвер. С твоего места их не видно. *(Пригибается.)*
Посмотри вон за ту колонну.

Картон. Какое у него благородное лицо!

Страйвер. Мне больше нравится дочка.

Картон. Да, хорошенькая.

Страйвер. И такая красотка целых пять лет ни на шаг не отходит от больного отца. Какие высокие добродетели в наше безнравственное время!

Конвойные вводят Дарнея, усаживают на скамью подсудимых. Дарней видит Люси и Манэ. Он резко встает. Люси старается, незаметно для других, делать ему знаки руками.

Дарней тяжело дышит, прикрывает глаза рукой.

Люси и Дарней смотрят друг на друга.

Картон делает заметки на бумаге и поднимает голову на громкий голос судьи.

Судья. Приведите к присяге свидетеля Александра Манэ.

В церкви.

Мисс Адамс молится, стоя на коленях. Мистер Лорри, сидя на скамье, вытирает платком пот со лба.

Мисс Адамс поднимается и садится рядом с Лорри.

Мисс Адамс (*сквозь слезы*). Господи, Господи! Неужели бедная девочка повторит мою судьбу?

Лорри. Вашего жениха, мисс Адамс, убили в бою. Это далеко не самая худшая смерть. А Дарнея могут приговорить к чудовищной казни. К чудовищной. И эти казни совершаются публично. Если Люси об этом узнает, она обязательно туда пойдет. Если она это увидит...

Мисс Адамс (*хватаясь за голову*). Как же вы говорите, что наши английские законы — самые лучшие в мире?

Лорри (*отдуваясь*). Ее должны отменить. Собираются отменить.

Мисс Адамс снова падает на колени.

В суде. Манэ дает показания.

Прокурор. Свидетель Манэ, еще раз напоминаю вам, что вы находитесь под присягой. А теперь ответьте, Чарльз Дарней — это настоящее имя подсудимого, или у себя на родине во Франции он носил другое имя?

Манэ. Он никогда не называл мне никакого другого имени. Но по-французски его имя, конечно же, звучит иначе: не Чарльз Дарней, а Шарль Дарнэй.

Картон (*на ухо Страйверу*). Молодец. И присяги не нарушает, и правды не говорит.

Страйвер (*тоже шепотом*). Мистер Лорри поработал.

Картон откусывает кусочки пера и сплевывает их на пол.

Прокурор. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Картон (*поднимаясь*). У меня вопрос, милорд.

Судья. Прошу вас, мистер Картон.

Картон. Глубокоуважаемый доктор Манэ! Как мы только что узнали из ваших показаний, у вас на родине во Франции вы подверглись длительному заключению без всякого обвинения, без суда и приговора. Приходилось ли вам обсуждать с подсудимым эти обстоятельства? Давал ли он этим обстоятельствам какую-либо оценку?

Манэ (*с жаром*). Конечно, и не один раз! Он всегда признавал превосходство английских законов над фран-

цузскими. Всегда восхищался английским государственным устройством и английской судебной системой.

Зал разражается аплодисментами.

Картон. У меня всё. *(Садится.)*

Страйвер *(шепотом)*. Отлично. Проигрываем дело под аплодисменты зала.

Картон сидит, низко опустив голову.

Люси и Дарней смотрят друг на друга. Он беззвучно повторяет слово «прости».

В церкви. Мисс Адамс молится на коленях. Лорри сидит, откинувшись, с закрытыми глазами.

В суде. Картон и Страйвер. Оба унылые, стараются ни на кого не смотреть.

Голос судьи. Слово предоставляется главному прокурору.

Картон *(про себя)*. Ну вот и конец, бедный ты мой, бедный! И ангелы не пришли тебя спасти.

Господи, как же мне скверно! Как будто меня самого собираются разрывать на куски.

Картон вздрагивает, впивается глазами в Дарнея, затем хватается Страйвера за плечо и что-то шепчет ему на ухо.

Страйвер *(вглядываясь в Дарнея)*. Ну, не знаю! Но это хоть что-то. Dum spiro, spero¹.

¹ Пока дышу, надеюсь *(лат.)*.

Картон быстро набрасывает на бумаге какие-то фразы, передает листы Страйверу. Страйвер одобрительно кивает, снова пристально смотрит на Дарнея, начинает делать свои заметки.

Картон (*шепотом*). Дик! Мы спасены!

Страйвер. Не торопись.

Голос прокурора. В силу всего сказанного прошу признать подсудимого виновным и назначить ему меру наказания в виде квалифицированной смертной казни.

Люси вскакивает со своего места. Отец силой пытается ее усадить.

Дарней смотрит в сторону своих адвокатов, затем садится на скамью и опускает глаза. Ему снова грезится белый парусник.

В церкви. Мисс Адамс сидит рядом с Лорри, прижимаясь лбом к спинке переднего сиденья.

Лорри. Может быть, и в самом деле дойдем до бисквитной?

Мисс Адамс. Простите меня, мистер Лорри, я не могу сейчас думать о еде.

В суде. Выступает адвокат Страйвер.

Комната в Олд-Бейли, уставленная книжными шкафами. Двое адвокатов, стоя за конторками, делают выписки из огромных фолиантов. В дверь просовывается голова клерка.

Клерк. Мистер Грин! Мистер Ричард Страйвер начал выступать. Вы хотели послушать.

Первый адвокат. Да, благодарю вас. *(Клерк исчезает.)*

Второй адвокат. Интересно, как он будет выкручиваться, этот Демосфен!

Первый адвокат *(собирая свои бумаги)*. Пойдем послушаем!

Второй адвокат расставляет закладки в книге и тоже собирает бумаги.

Второй адвокат *(не отрываясь от своего занятия)*. Чертовски нелепое дело! Я был на предварительных слушаниях. У этого Дарнея такая породистая внешность, но он ни на один вопрос не мог дать вразумительного ответа. Что это за птица?

Первый адвокат. Сейчас в Лондоне сотни таких французов. Они не в ладах со своим правительством, но здесь на них тоже косо смотрят, потому что они все республиканцы. Он, конечно, ведет себя по-дурацки, но он явно боится кого-нибудь скомпрометировать.

Адвокаты выходят в коридор и сквозь множество народа, заполняющего Олд-Бейли, прокладывают себе путь в зал заседаний.

Второй адвокат. Но среди этих французов наверняка полным-полно шпионов.

Первый адвокат. Милый мой, если бы этот парень был шпионом, у него нашлось бы не одно, а три алиби, и по десять объяснений на каждый пункт. Но для присяжных, как ты понимаешь, это не аргумент.

Второй адвокат *(выразительно)*. Знаешь, что я тебе ска-

жу. Суд присяжных, конечно, великое дело. Но мой покойный дед по этому поводу имел совершенно особое мнение.

В зале суда. Первый и второй адвокаты входят и становятся возле стены.

Страйвер. Итак, милорд и господа присяжные! Главный и единственный свидетель обвинения дважды подтвердил, что на момент воображаемой встречи на территории судоверфи он не был лично знаком с моим подзащитным, ни в какие разговоры с ним не вступал, так что ни голоса, ни манеры говорить запомнить не мог. Их знакомство состоялось чуть больше двух месяцев назад, и его бесподобная зрительная память подсказала ему, что мой подзащитный и есть тот самый человек, которого он встретил там-то около четырех лет (*Страйвер потрясает указательным пальцем*), целых четырех лет назад.

Следовательно, единственным аргументом, в силу которого наш ближний должен быть признан виновным в чудовищном, гнуснейшем преступлении против нашего отечества и предан суровой казни, оказывается бесподобная зрительная память свидетеля.

А теперь я хочу задать уже не свидетелю, а всем присутствующим риторический вопрос — как могло произойти, что обладатель столь бесподобной зрительной памяти за целую жизнь не заметил, что на свете существует множество людей, похожих, а порой и очень сильно похожих друг на друга?

Прокурор (*не удержавшись*). Но ведь не до такой же степени!

Страйвер отвешивает в его сторону легкий поклон.

Страйвер. Я благодарю уважаемого обвинителя за эту реплику! — Милорд и господа присяжные! В этом зале собралось едва ли полтораста человек! Пусть даже двести!

Картон сидит, впившись глазами в Страйвера, и через каждые несколько его слов одобрительно кивает.

Страйвер. И среди этого небольшого числа людей я готов указать вам человека, которого с трех, а то и с двух шагов никто не сможет отличить от подсудимого!

Судья. Хотел бы я посмотреть!

Страйвер. Для этого, милорд, я должен попросить, чтобы вы разрешили моему ученому собрату мистеру Картону снять на несколько минут парик и мантию и встать рядом с обвиняемым.

Судья. Разрешаю.

Картон срывается с места, сбрасывает с себя парик и мантию и вмиг оказывается рядом с ошеломленным Дарнеем. Картон быстро и бесцеремонно развязывает ленту, стягивающую волосы Дарнея, взъерошивает их, чтобы придать ему еще больше сходства с собой, и они оба застывают, стоя рядом друг с другом и глядя в зал.

Все присутствующие всматриваются в них, вытягивают головы, многие встают с мест.

Наконец, всем начинает казаться, что перед ними два совершенно одинаковых человека. По залу проносится гул.

Судья (*ударяя жезлом*). Прошу всех сесть.

Страйвер. А теперь я хочу задать свидетелю один-единственный вопрос — готов ли он подтвердить под присягой, что в тот злополучный день в расположении судовой находился *не* Сидней Картон, эсквайр, член королевской коллегии адвокатов?

Судья (*благодарушно*). Не предъявить ли мистеру Картону обвинение в государственной измене?

Картон. Умоляю вас, милорд, не делайте этого. (*Шепотом, Дарней*) Мы спасены, Дарней, мы спасены!

В коридоре толпится народ.

В зал заседаний уже не попасть, весь проход забит людьми. Группа клерков в другом конце коридора.

Первый. Ну вот, там что-то очень интересное, а мы здесь.

Второй (*пожимая плечами*). На предварительных слушаниях все были уверены, что дело безнадежное.

В зале суда.

Страйвер (*войдя в раж*). Господа присяжные, как люди просвещенные, несомненно знакомы с творениями нашего великого Барда. (*На лицах присяжных изображается полное недоумение.*) И им легко припомнить, какие сложные коллизии возникали из-за сходства Виолы и Себастьяна, двух Дромио и двух Антифолов¹.

Присяжные глубокомысленно кивают.

Картон еле удерживается, чтобы не расхохотаться.

Картон (*шепотом*). Дарней, мы спасены!

Дарней (*ничего не понимая*). Да?

¹ Перечисленные персонажи Шекспира были близнецами, но Страйвера это ничуть не смущает.

Первый и Второй адвокаты протискиваются из зала в коридор.

Первый адвокат (*давясь от смеха*). У кого-то из римлян тоже есть комедия про близнецов. Жаль, что он ее не вспомнил.

Второй адвокат. Господа присяжные были бы в полном восторге.

На улице. У входа в здание суда околачиваются рассыльные. Появляются мистер Лорри и мисс Адамс. Она еле передвигает ноги. Он крепко держит ее под руку.

Мистер Лорри сует монету рассыльному, что-то говорит ему, и тот ныряет в здание.

Мистер Лорри стоит неподвижно, как статуя. Мисс Адамс тяжело дышит, судорожно втягивая воздух.

Рассыльный возвращается.

Рассыльный. Присяжные удалились на совещание.

Лорри (*почти не разжимая губ*). Там что-нибудь говорят?

Рассыльный. Насчет чего?

Лорри. Насчет вердикта.

Рассыльный. Говорят, что скорее всего оправдают.

Мисс Адамс. Что-о?

Рассыльный. Говорят, оказалось, что там был не подсудимый, а кто-то другой.

Лорри (*твердо*). Мисс Адамс! Мы с вами сейчас пойдем, куда собирались. Мне надо выпить чашку кофе, а вам хотя бы один глоток бренди.

В зале суда. Присяжные возвращаются на свои места. Все присутствующие встают.

Люси крепко держится за отца и старается ни на кого не смотреть.

Судья. Ваш вердикт, господа присяжные?

Старшина присяжных. Невиновен.

Люси теряет сознание. Манэ едва успевает подхватить ее. Вокруг них возникает суматоха.

Голоса. Леди дурно! — Ее надо вывести на воздух. — Пропустите! Дайте пройти!

Люси почти выносят из зала суда.

На улице.

Мистер Лорри усаживает Манэ и обеих дам в наемную карету.

Лорри. Я все беру на себя. Езжайте домой.

Карета отъезжает. Мистер Лорри подзывает рассыльного.

В зале суда уже почти никого не осталось.

Дарней сидит на передней скамье и остолбенело смотрит на скамью подсудимых. Перед ним стоит сияющий Картон.

К ним присоединяется Страйвер.

Страйвер. Потерпите еще немного, мистер Дарней. Сейчас все формальности будут улажены.

Дарней. Друзья мои, то, что вы для меня сделали, оценить невозможно. Я ваш должник на всю жизнь. Но

есть и обычные реалии. Я думаю, что удвоить гонорар тоже недостаточно.

Картон. Да что вы, Дарней! Мы так счастливы, это дороже любых денег.

Страйвер (*свирепо глядя на него*). Мне кажется, что это личное дело мистера Дарнея! Что за манера!.. (*Умолкает, раздувая ноздри.*)

К ним подходит рассыльный.

Рассыльный. Здесь записки каждому из вас, джентльмены. (*Протягивает записки.*)

Картон берет все три и раздает другим адресатам.

Картон. Почерк мистера Лорри. Содержание, наверно, тоже одинаковое. (*Читает свою записку.*) Мисс Манэ уже в полном порядке. Это очень приятно. Мистер Лорри и доктор Манэ устраивают завтра обед в нашу честь, это тоже очень приятно. А мне приказано проводить нашего подзащитного до самого дома.

Дарней (*устало улыбаясь*). Я думаю, это не приказ, а просьба, мистер Картон.

Картон. Тем не менее, я это исполню неукоснительно.

Страйвер. Тогда я прощаюсь с вами до завтра. (*Уходит.*)

Картон и Дарней остаются вдвоем. Они рассматривают друг друга и беззвучно смеются.

Картон и Дарней выходят на улицу.

Дарней озирается по сторонам, смотрит на небо, улыбается прохожим, как будто перед ним малые дети.

Дарней. Вы знаете, мистер Картон...

Картон. Просто Картон.

Дарней (*с жаром пожимая ему руку*). Я именно так и хотел сказать! Так вот, я представить себе не мог, что свежий воздух действует сильнее, чем вино.

Картон (*набирая полные легкие*). Нет, это не так, Дарней. Вы ошибаетесь. (*Оба смеются*.) А каково было доктору Манэ, когда он вышел из Бастилии! Поразительный человек! Я так рад, что завтра с ним познакомлюсь. На него посмотришь — и скажешь, что все его мучения не только его не сломали, но сделали еще сильнее. А как он туда угодил, Дарней?

Дарней так растерян, что начинает запинаться.

Дарней. Я... ничего не знаю. Я никогда с ним об этом не говорил.

Картон (*удивленно*). Я подумал, что вы близко знакомы.

Дарней. Мы познакомились на корабле... Когда его перевозили в Англию после освобождения.

Картон. Но с тех пор прошло целых пять лет! А с его прелестной дочкой вы тогда же познакомились?

Дарней, радуясь, что можно переменить тему, становится словоохотливым.

Дарней. Да, и с нею, и еще с мисс Адамс. Это такая замечательная женщина! Она воспитывала мисс Манэ после смерти ее матери. Завтра вы ее тоже увидите.

Картон. Но, наверное, она не такая хорошенькая, как ее воспитанница.

Дарней. В молодости была очень хороша. Я видел портрет, который когда-то написал ее жених. К несчастью, он погиб во время Семилетней войны. Это удивитель-

ная женщина. Священное Писание знает чуть ли не наизусть.

Картон. Вы знаете, Дарней, в Англии людей, которые знают Писание чуть не наизусть, — великое множество. Но наша адвокатская практика почему-то ничуть не уменьшается, а наоборот, все время растет. И вот не знаю, что же мне приличнее — скорбеть об упадке нравов или радоваться гонорарам.

4. Лондон. Сохо. Доктор Манэ принимает гостей.

Обед за круглым столом.

Люси сидит между отцом и мистером Лорри, справа от Лорри — мисс Адамс, рядом с нею Страйвер, затем Картон и Дарней.

Все радостно оживлены и выпили уже не один бокал.

Лорри. А теперь я хочу поднять бокал за нашу дорогую мисс Адамс. Она так усердно молилась вчера, я уверен, что ее молитвы тоже возымели действие.

Мисс Адамс (*смахивая слезы*). Вы молились вместе со мной, сэр!

Лорри. Ну, куда мне, старому грешнику! Я просто иногда помогал вам подняться с колен.

Мисс Адамс. Нет, сэр, вы горячо молились, я чувствовала это.

Люси (*к Лорри*). Вы, как та самая вдовица, сэр, положили в сокровищницу все, что имели.

Все смеются и пьют.

Дарней. Господа, поскольку меня защищали два адвока-

та, мне кажется, что одного бокала за их здоровье недостаточно.

Все (*наперебой*). Правильно! Правильно!

Дарней. Ваше здоровье, дорогие друзья! (*Все пьют.*)

Страйвер. Но я должен предупредить вас, мистер Дарней, чтоб вы больше не попадались. Я ни за что не стану вас защищать. Такого упрямого, такого несговорчивого клиента я никому не пожелаю.

Лорри. А если вы вздумаете ограбить Теллсон-банк, сэр, то учтите, что я не смогу искать вам адвокатов. Это будет нелояльно по отношению к фирме.

Картон. Нет, Дарней, пожалуйста, не попадайтесь. Ведь теперь, что бы вы ни сделали, я сразу окажусь под подозрением.

Всеобщий смех.

Манэ. Но вот что удивительно! Когда наши молодые друзья стояли рядом, там в суде, их просто невозможно было отличить друг от друга.

Люси. Мне даже страшно стало!

Манэ. А сейчас, хотя сходство и заметно, но оно уже не кажется таким поразительным.

Картон (*весело*). Я вам это объясню. Когда мы со Страйвером учились в Сорбонне, мы несколько раз посещали сеансы магнетизма. Весь Париж был тогда помешан на магнетизме. Вот я и усвоил некоторые приемы и постарался воздействовать на присяжных, а заодно и на весь зал.

Страйвер (*галантным тоном*). Вы не поверите, мисс Ма-

нэ, но мы там посещали все что угодно, кроме лекций наших профессоров.

Манэ. Так вот почему вы стали такими прекрасными юристами!

Лорри. Да, когда я впервые встретился с Дарнеем в Париже, я отметил про себя, что он очень похож на сына моего покойного друга. Но похожие люди не такая уж редкость. Кстати, кому из вас пришла в голову эта бесподобная идея?

Страйвер скромно молчит.

Картон. Не все ли равно, сэр? Главное, что она сработала.

Лорри. А вы не знаете, Сидней, среди ваших предков не было французов?

Картон. Конечно, были. Бежали в Англию после Варфоломеевской ночи.

Страйвер. А один из моих прапрадедов бежал в Англию после отмены Нантского эдикта.

Лорри. Ну а мы с вами, мисс Адамс? Я думаю, хоть кто-то из наших предков прибыл из Франции вместе с Вильгельмом Завоевателем? Значит, во всех нас хоть капля французской крови. Давайте выпьем за то, чтобы Англия и Франция прекратили все распри и зажили, как родные сестры.

Мисс Адамс (*очень тихо*). И все люди тоже.

Дарней (*поднимая бокал*). Еще за то, чтобы Франция стала, наконец, свободной страной и сама бы сделалась приютом изгнанников.

Страйвер (*допивая бокал и ставя его на стол*). Я благодарю вас, доктор Манэ! Благодарю прекрасную хозяйку.

Благодарю вас, мисс Адамс. Но я должен откланяться, меня ждут в другом месте.

Те же без Страйвера.

Картон замечает нежный взгляд Люси, устремленный на Дарнея. Затем он искоса поглядывает на Дарнея. Дарней безучастно смотрит в пространство и зеваает.

Манэ. Милый Дарней, я хотел бы пригласить вас в мой кабинет.

Дарней. Нет-нет, доктор Манэ, благодарю вас. Я совершенно здоров. Но я должен покаяться. Я этой ночью даже не ложился. Я всю ночь и все утро читал газеты. В мире столько всего произошло за время моего, так сказать, отсутствия.

Манэ. Тогда немедленно отправляйтесь спать. Я вам приказываю властью врача.

Картон (*поднимаясь*). Я провожу мистера Дарнея.

Все встают. Картон направляется к доктору Манэ. Дарней подходит к Люси и мисс Адамс. Он целует руку сначала одной, потом другой.

Дарней. Прости меня, милая. Простите, мисс Адамс.

Люси (*смахивая слезы*). Мы тебе простим все что угодно.

Мисс Адамс. Мы всё еще не можем прийти в себя.

Картон и Манэ.

Картон (*пожимая руку доктору*). Я счастлив познакомиться с вами, сэр. Я очень давно этого хотел. Если вы не сочтете меня навязчивым...

Манэ. Приходите в любое время, мой друг. Я тоже думаю, что нам будет о чем побеседовать.

Дарней и Картон идут по улице.

Дарней. Я тут совсем недалеко.

Картон. Я догадываюсь, Дарней, я вчера вас тоже провожал.

Дарней. Это все из-за вина. Если бы не вино, я был бы как стеклышко.

Картон. Вино было великолепное. Лучше французских вин ничего нет. Я их предпочитаю итальянским.

Дарней. А я тут в Англии вообще перестал пить вино. Вы можете смеяться надо мной, но я теперь пью эль, любимый напиток английских бедняков.

Картон (*смеясь*). Я его когда-то пробовал. Помню, что он покрепче воды.

Дарней. Картон, вы знаете, во Франции назревают великие перемены. Поэтому я не мог оторваться от газет. Народ во весь голос требует всеобщих выборов! Наш народ, униженный, оплеванный, голодный!

Картон. Удивительно устроена жизнь. Я никогда ничего такого не замечал. В детстве отец много раз брал меня во Францию. А уж когда мы со Страйвером *пополняли* там образование! Мы только и делали, что пили вино, пели песни и танцевали до упаду. Мне казалось, что всем вокруг так же весело, как нам.

5. В Дуврском порту разгружается корабль.
Почтовая карета возле порта, приняв последние мешки
и пакеты, двигается в путь.

Лондон. Теллсон-банк.
Мистер Лорри входит в холл Теллсон-банка.
Весь холл завален оберточной бумагой. Несколько клер-
ков сортируют корреспонденцию. Клерки почтительно
кланяются мистеру Лорри.

Лорри. Добрый день.

Первый клерк. Видите, сэр, что у нас творится?

Второй клерк. Что у нас творится и что творится во
Франции.

Лорри. Мистер Теллсон у себя?

Первый клерк. Да, конечно, сэр.

Лорри поднимается по лестнице.

Первый клерк (*рассыльному*). Джеймс! Будьте добры, схо-
дите ко мне домой и скажите, чтобы меня не ждали
к обеду.

Второй клерк (*себе под нос*). И к ужину тоже. Нам тут до
утра разбираться.

Теллсон, глава Теллсон-банка, в своем кабинете.
Входит Лорри. Секретарь Теллсона, поклонившись вошед-
шему, сейчас же выходит.

Теллсон и Лорри понимающе смотрят друг на друга.

Теллсон. Вы видели, что там внизу, мистер Лорри?

Лорри (*кивая*). Я готов ехать во Францию, мистер Теллсон.

Теллсон. Вы чувствуете себя вполне здоровым, сэр?

Лорри (*усмехаясь*). Я вполне здоров, не сомневайтесь, мистер Теллсон.

Теллсон. Конечно, мы давно этого ждали, и тем не менее...

Лорри. Так очень часто бывает. Говорят о чем-то как о неизбежном, удивляются, что оно еще не произошло, а когда оно происходит, все равно удивляются.

Теллсон. Я понимаю, что наши вкладчики имеют право хранить деньги где угодно, и очень разумно, что они предпочитают английское отделение нашего банка французскому, но такой шквал!..

Лорри. Я думаю, нам предстоят непростые времена.

Теллсон (*беря со стола бумагу*). Хотите узнать имена тех, кто тоже так думает? Вам, конечно, известен вкладчик по имени Клермон?

Лорри (*невозмутимо*). Это герцог Орлеанский.

Теллсон (*протягивая ему бумагу*). Вот его переводы за последние недели. А господа Перрон и Валье вам тоже знакомы?

Лорри (*сверкнув глазами*). Братья короля?!

Теллсон (*протягивая ему другую бумагу*). Вот, посмотрите. (*Встает, прохаживается по комнате.*) Если бы Людовик XVI перевел остатки своих денег куда угодно и уехал бы куда угодно, он очень многим облегчил бы жизнь.

Лорри. Он не так умен, как вы, мистер Теллсон. Он этого ни за что не сделает. Он доведет до полной катастрофы.

Телсон. Я думаю, ему осталось не больше двух лет. А может быть, и того не осталось.

Стоянка почтовых дилижансов. Доктор Манэ и Люси провожают мистера Лорри. Мужчины обмениваются рукопожатиями. Люси обнимает и целует Лорри.

Лорри. А почему с вами нет Дарнея?

Манэ. Наша маленькая хозяйшкa задумала продать дом в Рединге, и он решил выступить в роли управляющего.

Лорри (*усаживаясь в дилижанс*). Отлично, пусть привыкает к нравам третьего сословия. Добропорядочный буржуа должен быть под башмаком у своей супруги. (*Все смеются.*)

Люси (*заглядывая в карету, говорит скороговоркой*). Нет, нет, мистер Лорри, это французский король под башмаком у своей жены. А в третьем сословии царят равенство и братство!

Люси и доктор Манэ направляются домой.

Люси. Скорее бы он вернулся назад. Мистер Лорри в таком возрасте! Зачем ему ездить взад-вперед?

Манэ (*занятый своими мыслями*). Да, когда он вернется, мы обо всем узнаем из первых рук.

Люси. Отец, вы думаете только о том, что творится во Франции!

Манэ. Франция моя родина, Люси! Как я могу не думать о том, что там творится?

Люси (*чуть не плача*). Я вижу, вы готовы уже сами туда поехать! После всего, что там случилось!

Манэ. То, что там случилось, — это моя судьба. Человеку не дано отказаться от своей судьбы. Но я дал тебе слово не ездить во Францию и не собираюсь его нарушать.

6. Контора «Картон и Страйвер».

Страйвер стоит, насвистывая, перед небольшим зеркалом, поправляет галстук, припомаживает волосы.

Картон. Дик, тебе в последние дни не встречался где-нибудь наш Дарней?

Страйвер. Нет. Ни Дарней, ни Дарнэй, ни д'Эвремонд. И вообще, у меня нет привычки заводить дружбу с клиентами, тем более с такими экстравагантными.

Картон (*задумчиво*). Похоже, что он уехал.

Страйвер. Ну конечно, уехал. С его республиканскими идеями ему сейчас самое место во Франции. Там уже есть революционный герцог, пусть будет еще революционный маркиз.

Картон. Революционный маркиз там тоже есть.

Страйвер. Ну, так будет два. (*Туалет Страйвера завершен, он берет трость и шляпу.*) Где ты сегодня вечером?

Картон. Там видно будет.

Страйвер. Ты в своем праве. Но лучше бы ты шел со мной посмотреть божественную Сару Сиддонс в роли Джульетты. (*Оборачивается в дверях.*) Завтра мы отдыхаем, послезавтра, пожалуйста, не опаздывай.

Сидней Картон медленно подходит к дому Манэ. Он задумчиво рассматривает дом, переходит на противоположную сторону улицы, пытается оттуда заглянуть в окна. В окне видны фигуры мисс Адамс и Люси. Они наклоняются над столом. Картон пытается рассмотреть, чем они заняты.

В доме. Мисс Адамс и Люси кроют разложенную на столе ткань.

Картон входит в дом.

Картон и Манэ в кабинете доктора.

Манэ. Здоровье у вас в полном порядке. Дайте-ка еще раз ваш пульс. (*Считает пульс.*) Превосходный пульс.

Картон встает и начинает одеваться. Доктор молча ждет, пока он снова сядет.

Манэ. Вы хотите меня о чем-то спросить, мистер Картон? Я вам разрешаю. Вы профессиональный юрист, но, кроме этого, в вас есть и бескорыстный интерес к чужим судьбам. Итак, я вас слушаю.

Картон (*волнуясь*). Благодарю вас от всего сердца, доктор Манэ. Вы позволили мне быть откровенным, и я могу... я хочу сказать, что все, что я о вас знаю, вызывает у меня глубокое восхищение... И вами, и вашими близкими.

Манэ (*очень спокойно*). Имейте в виду, что медицина знает немало примеров, когда люди, потерявшие память, затем возвращались к полноценной жизни.

Картон. Может быть. *(Делает паузу.)* Доктор Манэ, насколько мне известно, вы никогда не занимались политикой. Что же стало причиной вашего... такого необычного заключения?

Манэ. Я оказался свидетелем чудовищного преступления, совершенного высокопоставленными лицами. Строго говоря, одним лицом.

Картон *(тихо)*. Я так и думал.

Манэ *(поначалу спокойно)*. Я написал прокурору Парижа. *(Он умолкает, лицо его становится напряженным.)* Он меня предупредил... меня предупреждали, чтобы я ничего такого не делал... В общем, я написал это письмо и порвал его. Я посчитал, что оно плохо написано...

Потом я написал другое письмо, но оно снова мне не понравилось, и я его тоже разорвал.

Манэ встает и подходит к окну.

По улице несутся наперегонки маленькие мальчики.

Манэ *(продолжает)*. А время шло, я стал думать, что эти несчастные все равно уже умерли, что все равно я им ничем не помогу. В конце концов, все умирают, раньше или позже, у каждого своя судьба... Вся эта история постепенно сделалась мне безразличной.

Картон слушает, затаив дыхание. Доктор делает паузу и смотрит ему в глаза.

Манэ. А потом я стал замечать, что многое другое тоже становится мне безразличным... И чем дальше, тем больше...

Доктор умолкает. Картон молча ждет продолжения.
Доктор снова садится.

Манэ. Я врач, я стал наблюдать за собой со стороны и обнаружил, что все, что доставляет мне радость, — должно доставлять мне радость, — все это фиксируется мозгом, а душа — то, что принято называть душой, — в этом не участвует. Я стал казаться себе похожим то на механическую куклу, то на гальванизированный труп. Вы знакомы с опытами доктора Гальвани, мистер Картон?

Картон. Да, конечно.

Манэ. Я продолжал свои наблюдения, анализировал это состояние поэтапно и в какой-то момент вспомнил, что я должен был написать прокурору Парижа.

Картон. А сколько времени это продолжалось, сэръ?

Манэ. Всего около двух месяцев. Но они показались мне бесконечными. Наконец, я отправил это письмо, а затем случилось то, что случилось.

Картон. Да, это было спровоцировано письмом. Если бы хотели просто убрать свидетеля, то это сделали бы раньше.

Манэ (*взволнованно*). Нет, этого бы он ни за что не сделал! Он не был таким подлецом. Он сам был заложником обстоятельств.

Картон (*вполголоса*). Вы оправдываете виновника вашей трагедии, сэръ?

Манэ. Я его нисколько не оправдываю. Но я должен быть объективным. Этот человек был по-своему несчастен. И он уже давно умер.

Картон. А другой? Вы же говорили еще об одном.

Манэ. Он жив. Но, к моему удивлению, он не вызывает

у меня никаких личных чувств. Нельзя же лично ненавидеть бешеную собаку? Я врач, я знаю, что людей с дурными наклонностями очень много. И они сами порой бывают благодарны, когда другие их сдерживают. А вседозволенность превращает их в бешеных собак. (Он снова делает паузу.) Я, кажется, утомил вас, мистер Картон?

Картон. Что вы, сэр!

Манэ. Ну, значит, я сам утомился. Тогда спокойной ночи, мой друг.

Картон спускается по лестнице.

Доктор Манэ входит в свою спальню и в полном изнеможении опускается в кресло.

Комната на первом этаже. Люси при свечах занимается шитьем.

Дверь открывается, входит Картон.

Картон. Простите, мисс Манэ. Я думал, что в доме уже все спят.

Люси. Мисс Адамс легла сегодня пораньше, а у меня накопилось много работы.

Картон. А вам не темно?

Люси. Нет. Я всегда занимаюсь рукоделием при свечах.

Картон. У вас свет идет изнутри. У вас даже имя от слова «свет». Как удивительно, что день святой Люси — самый темный день в году!

Люси (с удивлением). Разве вы католик, мистер Картон?

Картон. Нет, но мне кажется, что это очень красиво, когда каждый день посвящен какому-то святому.

Люси. Моя мать была из католической семьи. Но она никакого значения не придавала всем этим различиям. Она говорила, что за всю свою жизнь она встретила только одного человека, который бы веровал так... ну вот так, как надо. Не словами, ни даже мыслями, а всем своим существом! Это наша мисс Адамс.

Картон. Да, она необычайный человек. Хотя иногда бывает уж очень категорична.

Люси (засмеявшись). Мы с ней обе такие. Но у нас просто такая манера. На самом деле она воплощение доброты. Доброты и любви. Никакие несчастья не смогли ее поколебать. Она потеряла жениха, когда свадьба была уже назначена. Он служил в королевской армии. Он собирался подавать в отставку, но не успел. Он погиб в Саксонии, под Дрезденом. (Люси умолкает, ее взгляд уплывает куда-то.) Ей несколько раз предлагали выйти замуж, но она всем отказывала. Она никогда ничего об этом не говорит. Но я все равно знаю, что он для нее живой. Не как живой, а живой по-настоящему. Просто они разлучены на время... А может быть, не так уж и разлучены...

Картон. Когда я прихожу в ваш дом, я тоже начинаю чувствовать, что я живой по-настоящему. Недаром же говорится, что есть царство живых и царство мертвых. С тех пор, как я стал бывать у вас, я понял, что до этого я просто-напросто находился в царстве мертвых.

Картон отходит к окну, смотрит в темноту, потом резко поворачивается к Люси.

Картон. Мисс Манэ! А если бы я попросил вас стать моей женой?

Люси вскрикивает и роняет свое шитье.

Люси. Но я же помолвлена с мистером Дарнеем!

Картон (*в ужасе*). Я этого не знал! Простите, простите ради Бога! Я готов сквозь землю провалиться. Я думал, что мистер Дарней уехал во Францию.

Люси (*всхлипывая*). Он уехал в Рединг, чтобы продать наш дом.

Картон. Простите, ради всего святого!

Люси (*сквозь слезы*). Это я должна просить у вас прощения! Когда Чарльза арестовали, мистер Лорри сказал, что никто не должен знать, что он мой жених. А когда весь этот ужас кончился, мы просто не помнили, кто и что кому говорил. Мы ведь очень давно помолвлены, больше четырех лет. Но сначала мой отец был тяжело болен, а потом мы с Чарльзом решили, что надо дать ему время... чтобы он увидел, что он тот человек, в котором нуждаются другие, что он нисколько от меня не зависит...

Картон (*спокойным, размеренным тоном*). Это очень, очень благородно с вашей стороны, мисс Манэ. И я надеюсь, вы и ко мне проявите великодушие и забудете те слова, которые я произнес по недоразумению.

Люси (*заливаясь слезами*). Ну как же так получилось! Мистер Картон, вы должны мне обещать!.. Вы должны обещать, что вы найдете женщину, в сто раз, в тысячу раз лучше меня, и полюбите ее, и будете счастливы!..

Картон. Мисс Манэ! Не надо так огорчаться. Все образу-

ется. Все будет так, как должно быть. Доброй ночи!
(Уходит.)

Картон, сторбившись, бредет один по темной улице.

7. Утро. Контора «Картон и Страйвер».

Страйвер нервно барабанит пальцами по столу, заваленному бумагами.

Страйвер (*вынимая часы*). Ну, это уже чересчур.

Он дергает за шнурок. На звонок появляется мальчик-клерк.

Страйвер. Сбегай к мистеру Картону и узнай, почему его нет.

Мальчик бегом бежит по улице.

Страйвер в конторе, вне себя от ярости.
Возвращается мальчик.

Страйвер. Ну что?

Мальчик (*смущенно*). Томас говорит, что мистера Картона нет дома.

Страйвер. Томас говорит? А ты что скажешь?

Мальчик. Он сказал, никого дома нет, а наверху что-то грохало и падало, и мне показалось...

Страйвер. Так, все понятно. (*Сворачивает бумаги, уклады-*

вает их в мешок.) Я ухожу. Если нас будут спрашивать, скажешь, что мы уехали за город, по делу.

В доме Картона. Страйвер и Томас, слуга Картона.

Страйвер (*свирепо*). Твой хозяин у себя?

Томас. Ему очень плохо, сэр! Поверьте, так плохо!

Страйвер. Но он дома.

Томас. Вы же знаете, сэр, когда мистер Картон выпьет немного, он становится очень веселым...

Страйвер. И распевает псалмы!

Томас. Ну да! А сейчас ему так плохо, так плохо!

Страйвер. Значит, он выпил очень много. — Так, Томас, приготовь все, что нужно твоему хозяину, чтобы прийти в себя. Ты лучше моего в этом разбираешься. И давай поскорее.

Страйвер быстрым шагом поднимается наверх.

Спальня Картона. Картон лежит ничком поперек кровати. В комнате все расшвыряно и перевернуто. Входит Страйвер, натывается на опрокинутый стул, ставит его на место.

Страйвер. Это уже ни на что не похоже! Ты просто спятил, Сид!

Картон (*со стоном*). Отстань от меня! Я умираю!

Страйвер. Разве можно так подводить людей?! Ведь дело Кармайкла уже назначено!

Картон. К дьяволу Кармайкла! Скотина! Судится с родной сестрой!

Страйвер. Прости, пожалуйста, но Кармайкл ответчик.
Это сестра на него подала.

Картон. И она скотина. И отец их был скотина, раз он породил таких скотов.

Страйвер. Да, и все наши клиенты, которые нас с тобой кормят, тоже скоты. И все, что тебе оставили отец и дед, тоже настрижено с таких же скотов.

Картон. К дьяволу все! Надоело! Надоело! Не могу больше!

Страйвер. Ты в своем праве. Можешь бросить практику.
Я найду себе другого компаньона. А ты пропьешь свое наследство и сдохнешь под забором.

Картон. Все равно подыхать! Какая разница, где!

Страйвер (*сжимая кулаки*). А ты спроси у того, кто поды-
хает под забором, и он тебе скажет, какая разница.

Картон (*приподнимая голову*). Дик! Мне правда очень плохо. Голова так болит, я глаз не могу открыть. Где Том?

Страйвер (*подходит к двери и орет*). Томас!

Голос Томаса. Иду-иду, мистер Страйвер!

Появляется Томас с подносом, на котором все необходимое, переставляет на маленький столик, пододвигает его к Картону, помогает ему приподняться, подносит рюмку.

Картон (*опрокидывая рюмку*). Лед принеси.

Томас. Сию минуту, сэр! (*Убегает.*)

Картон откидывается на кровать, принимает более удобную позу.

Картон. Бумаги принес?

Страйвер. Принес.

Картон (*тяжело дыша*). Я через полчаса буду в порядке.
Потерпи еще полчаса.

Страйвер. Потерплю. Я тебя всю жизнь терплю.

Возвращается Томас. Он тащит ведро с водой, ведро со льдом и полотенце.

Томас обматывает голову Картону холодным компрессом и уходит.

Картон. Полчаса, Дик! Я буду в полном порядке. Я все сделаю. Ради тебя.

Страйвер. Благодарю вас, сэр! Вы очень добры. Вы умеете жалеть других. (*Выходит из комнаты.*)

Картон один. Он зарывается лицом в подушку и рыдает.

Картон. Да, умею. Я ведь ему не сказал тогда, что значит квалифицированная казнь. Я его пожалел. Ну и пусть! Пусть им будет хорошо! Ну их к дьяволу! Я бы все равно не отправил его на эту казнь.

Вечер. В доме Картон. Картон и Страйвер ужинают после трудового дня. Страйвер уплетает за обе щеки, Картон, полулежа в глубоком кресле, пьет воду большими стаканами, наливая себе из кувшина.

Страйвер. Нет, Сидней, так нельзя! Так нельзя! Ты, в конце концов, себя погубишь.

Картон. Может быть, погублю. А может быть, и нет.

Страйвер. Ты такой талантливый человек. Твоя судьба

в твоих руках. У тебя нет оснований разыгрывать принца Гамлета.

Картон. Ничего я не разыгрываю.

Страйвер (*не теряя аппетита*). Твоя беда в том, что ты живешь без цели. Человеку необходимо стремиться к какой-нибудь цели. Вот у меня есть своя цель.

Картон поднимает на него глаза и впервые улыбается.

Страйвер. Я собираюсь заработать определенную сумму, я знаю, какую, и подыскать достойную женщину, у которой была бы примерно такая же сумма. Не потому что я алчный, а просто я считаю, что в брачном союзе, как в любом другом, нужно равенство. Это создает доверие, это создает равновесие. Ну, а потом родится тот или те, кому это можно будет оставить. Конечно, это не какая-то великая цель, но вполне естественная, человеческая.

Картон (*допивая свою воду*). Ты знаешь, Дик, я за свою жизнь повидал немало проституток. (*Страйвер таращит глаза.*) И среди них не было ни одной такой, чтобы занялась этим делом из любви к профессии. Их всех вынудила нищета... Голод, просто голод.

Картон подхватывает вилкой кусок ветчины, запихивает его целиком в рот, а потом запивает вином прямо из бутылки.

Картон. И они кормят не только себя... Младших братьев-сестер, родителей, своих собственных детей кормят... А есть и такие, которые кормят законных мужей.

Страйвер (*со смешком*). Законных мужей?

Картон. А если человек стал калекой и работы ему никогда уже не найти, его что же, бросить подыхать с голоду? (*Снова отпивает из бутылки.*) Я это все тебе потому

говорю, что я не понимаю, зачем мне жениться на какой-то женщине только потому, что у нее нашлось, чем заплатить булочнику?

8. Дом доктора Манэ. Люси смотрит в окно.

Дарней верхом на коне подъезжает к дому Манэ, спешивается, привязывает коня.

Люси сбегает по лестнице ему навстречу. Взявшись за руки, они входят в дом.

В доме.

Люси бросается на шею Дарнею. Он поднимает ее на руки, вносит по лестнице, усаживает в кресло, отходит на несколько шагов и расшаркивается.

Дарней. Мадемуазель, все ваши поручения исполнены.

Прошу вас немедленно назначить столь желанный для меня день.

Люси обнимает его и прижимается лицом к его плечу.

Люси. Ты знаешь, мой любимый, я все это время думала, думала... Отец мне рассказывал, что на их с мамой свадьбе танцевал весь город Бове... А жизнь получилась вот такая...

Дарней (*целуя ее голову*). Я думаю, свадьба моих родителей обошлась во столько, что весь город Бове мог бы целый год жить на эти деньги. А может, и больше года. Счастья это никому не принесло.

Люси. Кроме меня.

Дарней. Обвенчаемся самым скромным образом и уедем в Шотландию.

Часть вторая

(Спустя год)

Глава первая

1. Страйвер, помахивая тросточкой, подходит к дому Картона.

В доме. Слуга Картона приветствует Страйвера.

Страйвер. Привет, Томас! Ну, как ваши сборы?

Томас. Все в порядке, мистер Страйвер. Все, что надо, уже купили, теперь укладываемся.

Страйвер. Хозяин берет тебя с собой?

Томас. Нет-нет, мистер Страйвер. Мистер Картон будет нанимать прислугу на месте. По моему мнению, это дешевле, чем путешествовать вдвоем. Я лучше за домом присмотрю. Так будет безопаснее. Вообще, путешествия — вещь небезопасная.

Страйвер поднимается наверх, входит в комнату Картона. Картон занят просмотром бумаг. Некоторые он рвет и бросает в корзину.

Картон (*удивленно*). Добрый день, мистер Страйвер. Чем я обязан этой чести?

Страйвер. Я решил зайти за тобой. Ведь мы же идем на крестины.

Картон (*скривившись*). Какие еще крестины?

Страйвер (*сердито чеканит*). Крестины у Дарнеев. — Не валяй дурака, не может быть, чтобы тебя не пригласили.

Картон. Да, конечно. Но я даже не посмотрел на число. Я же собирался уезжать. Я думал, меня уже здесь не будет.

Страйвер. Но ты пока еще здесь есть.

Картон. А кто там родился?

Страйвер. Думаю, что девочка, если ее собираются назвать Люси. Крестным отцом будет мистер Лорри.

Картон (*отвернувшись*). А крестной матерью, конечно, мисс Адамс.

Страйвер. Естественно.

Картон. Дик, я не собирался!.. Я не смогу там быть...
А если бы я уже уехал? Наври что-нибудь за меня.

Страйвер. Я ничего не буду врать. Я джентльмен. Я не в суд иду защищать мелкого жулика, а к людям своего круга!

Картон. Ну простужен я, простужен! Не могу же я прийти и чихать на младенца!

Страйвер. Зато на приличия ты можешь чихать! То ты носился с этим доктором, как сумасшедший, и с Дарнеем тоже! А теперь ты плюешь на их приглашение.

Картон (*про себя*). Никто ни в чем не ви-но-ват. Никто.

Ни в чем. Не виноват. *(Вслух)* У меня есть еще пара дней. Куплю подарок и зайду к ним. Или у мистера Лорри оставлю.

2. Картон входит в ювелирный магазин.

Приказчик *(сама любезность)*. Чем могу быть полезен, сэр?

Картон. Посоветуйте мне, что можно подарить новорожденному? *(С отращением)* Только не серебряную ложку!

Приказчик. Вы хотите быть оригинальны, сэр? Как раз есть подходящая вещица. Но весьма недешевая.

Картон. Это неважно.

Приказчик. Вот, посмотрите, какая прелесть. Ноев Ковчег. Бревна как настоящие. Все три отделения открываются.

Картон *(восхищенно)*. Неужели внутри фигурки?

Приказчик. Вы угадали, сэр! Вот здесь Ной со своим семейством, вот чистые животные, вот нечистые. Изящнейшая работа.

Картон *(смеясь, поднимает Ковчег)*. Да здесь три фунта серебра!

Приказчик. Королевский подарок, сэр.

3. Картон подходит к дому мистера Лорри.

Мистер Лорри и доктор Манэ.

Лорри сидит на кушетке, положив одну ногу на стоящий рядом стул. Доктор старательно бинтует ногу мистера Лорри.

Входит слуга.

Слуга. Пришел мистер Картон, сэр. Вы можете его принять?

Лорри. Конечно, могу. Скажите, чтобы он подождал пару минут, а вы пока поможете доктору вымыть руки.

Картон входит к мистеру Лорри. Взаимные приветствия и рукопожатия.

Доктор Манэ сжимает обеими руками руку Картона и понимающе смотрит ему в глаза.

Манэ. Я очень-очень рад вас видеть, милый Картон.

(Вздыхает.) Я надеялся, что мы будем встречаться гораздо чаще. К сожалению, у всех нас судьба складывается совсем не так, как нам бы хотелось.

Лорри *(очень весело)*. У всех, кроме меня! Ко мне судьба крайне благосклонна. Вот, пожалуйста! Сажу тут с этой ногой и думаю, кто бы мог вместо меня отвезти в Париж несколько писем? И тут же судьба посылает мне моего дорогого Картона, который, конечно же, не откажется это сделать.

Картон. Это, несомненно, судьба, сэр!

Лорри *(вставая)*. Помогите мне добраться вон до того бюро, мой мальчик.

Лорри с помощью Картона ковыляет к бюро, усаживается перед ним, откидывает крышку и, взяв перо и бумагу, набрасывает какую-то записку.

Доктор Манэ тем временем рассматривает серебряный Ноев Ковчег. Открывает дверцы, любителю фигурками.

Лорри (*Картону*). Ну вот. (*Вручает ему письма.*) Знакомство с герцогом Орлеанским никогда никому не помещает. Тем более, вы человек молодой, а в Пале-Рояль всегда такое веселье! И сам герцог милейшая личность.

Картон наклоняется к уху мистера Лорри и что-то произносит шепотом.

Лорри (*холодно*). Я нисколько не сомневаюсь, мой друг, что ему вы этого не скажете. И вообще никому не скажете.

Картон. А я и сейчас ничего не сказал. Я не произнес ни одного слова.

Манэ (*задумчиво*). Мне тоже этот герцог представляется сущим подонком.

Картон и Лорри не могут удержаться от смеха.

Лорри. Ну и слух у вас, дорогой Манэ!

Картон. Доктор читает мысли на расстоянии.

Манэ. Нет, я, к сожалению, не умею читать чужие мысли. Если бы умел, то смело обратился бы к вам с просьбой. А так я немного смущаюсь.

Картон (*торопливо*). Доктор Манэ, любое ваше поручение я выполню с радостью! Любое ваше поручение будет для меня большой честью.

Манэ. У меня в Париже сохранился один-единственный знакомый. Но он не герцог и не граф, он держит кабачок в Сент-Антуанском предместье...

Картон. Ваш бывший слуга Эрнест Дефарж.

Лорри (*смеясь*). Вот это настоящий адвокат! Помнит каждого, кто хоть косвенно проходит по делу.

Манэ. Он почему-то перестал нам писать. На два письма не ответил.

Картон. Может быть, с ним что-нибудь случилось?

Манэ. Тогда бы написала его жена. Или сын.

Картон. Я обязательно с ним познакомлюсь. Я знаю Сент-Антуанское предместье. Я весь Париж наизусть знаю.

Манэ. Если мистер Лорри позволит, я сейчас же напишу ему несколько слов. И еще передам с вами немного денег им всем на подарки.

Манэ усаживается писать письмо.

Картон подходит поближе к мистеру Лорри и говорит вполголоса.

Картон. Сэр, я не смогу быстро привезти вам ответ. Я собирался путешествовать до конца судебных каникул.

Лорри (*похлопывая его по руке*). Все в порядке, мой мальчик. Наши адресаты сами о себе побеспокоятся.

4. Картон плывет на корабле.

Он стоит у борта и любит закатным солнцем и его отражением в воде.

Картон вдыхает морской воздух, подставляет лицо мягким вечерним лучам. На лице его постепенно появляется умиротворенное выражение.

К Картону подходит капитан и прикасается рукой к шляпе.

Капитан. Мистер Картон, если я не ошибаюсь?

Картон. Совершенно верно.

Капитан. Разрешите представиться, капитан Брэгг.

Картон. Очень рад. Но почему вы меня знаете, а я вас нет?

Капитан. Очень просто. Когда вы плыли на моем корабле несколько лет назад, вы с самого начала были сильно навеселе. А я, находясь на борту, не позволяю себе ни одной капли.

Картон. Вы меня пристыдили, капитан, я мысленно краснею. А вы ведете учет всем пьяным пассажирам?

Капитан. Я никогда в жизни не перевозил пассажира, который бы с таким воодушевлением распевал псалмы.

Картон (*улыбаясь*). Да, я знаю за собой такое. Но знаю только по рассказам друзей. Когда я протрезвею, я ничего этого не помню.

Капитан. Очень жаль, что не помните, у вас великолепно получается. И я, и моя команда были готовы слушать вас до самого Дувра. Нам было очень досадно, что ваше пение пришлось прервать.

Картон. А, теперь я вспомнил. В соседней каюте находился священник и посчитал это безобразием. Но об этом мне тоже рассказали мои друзья.

Капитан. Формально он был прав. Но, поверьте, и я, и моя команда никогда не получали такого удовольствия от пения псалмов.

Картон. Тем не менее, я доставил вам беспокойство и мне хотелось бы искупить свою вину. Как только мы прибудем в Булонь, разрешите пригласить вас в «Серебряную корону». Там можно пообедать не хуже, чем в Париже.

5. Лондон. Дарней подходит к своему дому. Входит в дом, избегает по лестнице.

В комнате. Люси и мисс Адамс, склонившись над колыбелькой, любят младенцем.

Входит Дарней.

Люси. Чарльз! Ты только посмотри! Она нас узнаёт! А папу ты узнаёшь?

Дарней (*напряженно*). Да, это очень хорошо.

Люси. Что с тобой? Что-нибудь случилось?

Дарней. Мне пришло письмо в Теллсон-банк. Умер маркиз д'Эвремонт.

Люси (*испуганно*). И ты теперь поедешь во Францию?

Дарней (*резко*). Не поеду, не поеду! (*Целует ее.*) Прости, дорогая. Я никуда не поеду. Я знаю, что надо предпринять. Но эта новость меня выбила из колеи.

Мисс Адамс (*заглядывая ему в глаза*). Это была внезапная смерть?

Дарней. Да. (*К Люси*) Мистер Манэ у себя? (*Люси кивает.*) Мне надо с ним поговорить.

Дарней входит в кабинет Манэ. Доктор с книгой в руках стоит у раскрытого книжного шкафа.

Дарней. Я получил письмо из Франции. Маркиз д'Эвремонт умер.

Доктор ставит книгу в шкаф и опускается в кресло.

Дарней. Он не своей смертью умер. Его убили. Ночью, прямо в постели.

Доктор откидывается в кресле и несколько мгновений прерывисто дышит.

Манэ. Известно, кто?

Дарней. Пока нет. Скорее всего, крестьяне. Таких случаев становится все больше. Хотите прочитать письмо?
(Протягивает ему письмо.)

Доктор берет письмо, смотрит на него невидящими глазами и кладет на стол.

Дарней. Может, дать вам вина? Или каких-нибудь капель?

Манэ. Нет, все в порядке. Мне просто... Сейчас это пройдет.

Дарней. Я понимаю. Но что ни говори, вы отомщены.

Доктор прикрывает глаза рукой, Дарней садится в соседнее кресло.

Дарней *(глухо).* Его зверски убили. Заткнули рот и изрубили в куски. Видно, их было трое. Я даже вообразить не мог, что мне будет так тяжело. Ведь ближайший мой родственник, одна кровь. Я всегда его ненавидел, а теперь что? Радоваться, что он получил по заслугам? О Господи! А если бы на его месте был мой отец? *(На глазах Дарнея выступают слезы.)* А если бы я сам там оказался? *(Усмехается.)* Я бы им предъявил свои республиканские воззрения. Боже мой, зачем мы на свет родимся?

Доктор кладет руку на руку Дарнея.

Манэ. Дитя мое, что вы намерены делать? Вы поедете во Францию?

Дарней. Нет. Буду сидеть здесь и благодарить Бога за то, что Он меня вразумил еще столько лет назад. За то, что я вовремя оттуда убрался.

Манэ (*довольный его ответом*). Вы взрослый человек, вам самому решать. Я не имею права ничего вам советовать.

Дарней. А я уже советовался. И не один раз. И с мистером Лорри, и с французскими газетами. (*Откидывается в кресле.*) Меня очень часто тянет на родину. Во сне снится. Но мне туда нельзя, я это понимаю. В деревне убьют, в Париже за решетку посадят.

6. Париж. Утро буднего дня в Сент-Антуанском предместье. По улицам снуют бледные, озабоченные, плохо одетые люди. Многие почти в лохмотьях. Возле запертого магазина стоит длинная вереница женщин. Одни от усталости прислонились к стене, другие уже сели на землю.

Мимо женщин ковыляет старик в лохмотьях, с костылем.

Старик. Эй, женщины! Слышали новость? Король возвратил из ссылки господина Неккера.

Первая женщина (*мрачным голосом*). Хорошая новость.

Вторая женщина. Наверное, хорошая.

Третья женщина. Хорошая, хорошая.

Старик. Он даст каждой из вас пуговицу со своего камзола. Положите в рот и будете сосать. (*Ковыляет дальше.*)

На этой же улице появляется Сидней Картон. Он проходит мимо женщин, смотрит на них с любопытством, заворачивает за угол, минует несколько кварталов и снова видит

такую же картину — закрытый магазин и возле него длинная вереница людей, по большей части женщин. Картон останавливает прохожего.

Картон. Прошу прощения! Вы не скажете, что это значит? Почему они здесь стоят?

Прохожий. Вы, сударь, из какой страны приехали?

Картон. Из Англии.

Прохожий. Вы что, пришли сюда, чтобы надо мной издеваться?

Картон. Нет, я англичанин, настоящий англичанин. *(Вынимает для убедительности из-за обшлага визитную карточку.)* Я еще позавчера был в Булони и только вчера утром приехал в Париж.

Прохожий *(насупившись)*. В эту лавку должны привезти дешевый хлеб. Он, правда, наполовину из травы, но есть можно. Ну и, конечно, его сразу расхватывают. Вот они выстраиваются за несколько часов и ждут. А иначе не достанется.

7. В кабачке Дефаржа ни одного посетителя. За стойкой жена Дефаржа.

Входит Картон. Он подходит к мадам Дефарж, говорит ей несколько слов. Женщина, смущенно вытирая руки фартуком, выходит из-за стойки, неуклюже кланяется Картону и спешит за своим мужем. Ее место за стойкой занимает долговязый широкоплечий парень, в которого превратился маленький сынишка Дефаржа.

Картон и Дефарж сидят за столиком.

Дефарж. Значит, здоровье у доктора в порядке. Это очень хорошо. И пациентов у него хватает?

Картон. Доктор Манэ замечательный врач. Его очень ценят.

Дефарж. Это очень хорошо. Спасибо вам за хорошие известия, сударь. И за подарок большое спасибо.

Картон. Ну, это не мне, а доктору. Вы бы ему написали, месье Дефарж, он будет очень рад получить от вас письмо.

Дефарж. Да, конечно, мне давным-давно надо бы ему написать, да рука не поднимается. С тех пор, как он мне написал, что маленькая Люси вышла за этого... Меня как пристукнуло! Как он мог ее отдать!..

В погребок входит посетитель и вопросительно смотрит на Дефаржа. Дефарж кивком головы указывает ему на маленькую дверь возле стойки. Посетитель скрывается за этой дверью. Картон провожает его взглядом.

Картон. Месье Дарней очень достойный человек. Его ни в чем нельзя упрекнуть. И он очень помог доктору.

Дефарж. Я все это прекрасно знаю. Но породниться с этими Эвремондами! А теперь еще и ребенок родился. Теперь они одна кровь.

Картон. Месье Дефарж, чем эти Эвремонды хуже всех других французских дворян? Что они такого вам сделали?

Дефарж. Что они мне сделали? Да они всю мою жизнь загубили! Всё у меня отняли, всё! А то, что было с хозяином? А моя бедная хозяйка, моя мадам? Она была мне как мать!

Картон. Месье Дефарж, вы хотите сказать, что родные Эвремонта причастны к аресту доктора Манэ?

Дефарж. Причастны! Это все от начала до конца их рук дело! Его отца и отцовского брата!

Картон (*тихо*). Бедный Дарней! Как же он с этим живет?

Дефарж. Не знаю, как он живет! Я знаю, как я живу!
Я знаю, как доктор заживо гнил в Бастилии, а моя мадам слезами исходила там, в Англии. (*У Дефаржа все лицо залито слезами.*) Она была святая, она была мне как мать! У нее было не так уж много денег, а как она обо мне позаботилась! Если бы не она, у меня бы не было этого заведения, я бы не смог жениться.

Картон (*с глубоким вздохом*). Я понимаю ваши чувства, месье Дефарж.

Дефарж. И ведь какие хитрые дьяволы! Сначала извели целую семью крестьян. Потом испугались, что народ этого не стерпит и с ними расправится, и решили хоть как-то замазать. И отыскивали врача, которого в Париже никто не знал. Мы только-только перед этим переехали из Бове.

Картон. Неглупо.

Дефарж. Но это же был доктор Манэ! Он не захотел становиться их сообщником и написал прокурору Парижа. А кончилось все тем, что в Бастилию упрятали его самого. Ведь все эти аристократы одна шайка.

Картон (*про себя*). Я уверен, что в Лондоне об этом никто не знает. (*Вслух*) А как вам все это стало известно, месье Дефарж? Ведь вы же были подростком.

Дефарж. Доктор свое письмо прокурору переписывал несколько раз, а черновики рвал и выбрасывал в корзину.

А я их оттуда доставал. Да, я такой. И это счастье, что я так сделал.

Картон. Вы очень умны, месье Дефарж.

В погребок входит женщина и, быстро взглянув на Дефаржа, неслышными шагами проходит к маленькой двери и скрывается за ней.

Дефарж. Когда доктор пропал, я сразу понял, что это из-за этого дела. И я все рассказал мадам и сказал ей, чтобы она его не искала, иначе и с нею расправятся. И она меня послушалась, а через год уехала в Англию. *(Его душат слезы.)* Она была мне как мать. Она всегда говорила: «У нашего Эрнеста талант. Мы обязательно сделаем из него врача».

Картон. Месье Дефарж, вы знаете, кто такие Парки?

Дефарж. Нет.

Картон. Это такие ткачихи. Но, оказывается, они не только ткут, они еще узоры вышивают.

Жена Дефаржа, успевшая принарядиться, подходит к ним, держа в руках поднос с угощением.

Жена Дефаржа *(вся смущение)*. Уж раз вы оказали нам честь, сударь. Уж не взыщите. У нас все самое простое.

Картон. О, это то, что я люблю больше всего. Очень вам благодарен. Я несколько лет не был во Франции и так соскучился по всему по-настоящему французскому.

Жена Дефаржа. А вы самый настоящий француз, сударь. Я бы вас ни за кого другого не приняла.

Картон. Да, меня всегда принимают за француза.

Дефарж многозначительно кивает.

Картон. Но, как я понял, народ за это время лучше жить не стал. Совсем наоборот.

Жена Дефаржа. С трудом выживаем, сударь. Цены растут каждый день. Половина продуктов пропала. Все, что на черный день откладывали, растаяло. Что будет дальше, ума не приложим.

Картон. И богатых это нисколько не коснулось. Вчера утром в гостинице мне подали тот же завтрак, что всегда. Правда, потом долго считали и пересчитывали, но все сошлось.

Дефарж. У вас английские деньги, сударь.

Картон. Да. Но потом я обедал у герцога Орлеанского!.. Если бы мне подали счет, то никаких английских денег не хватило бы.

Дефарж (*с жаром*). Сударь, а хотите увидеть нашу жизнь, можно сказать, до самого дна? Моей семье еще не хуже всех живется. Вы же адвокат. Если у вас есть время, тут сегодня одно дело в суде разбирается. Посмотрите, как живут во Франции!

Картон. С удовольствием, месье Дефарж. Я свободен до вечера. На вечер у меня приглашенный билет в Пале-Рояль. Там будет бал-маскарад. На него тоже хватило денег.

Дефарж (*смущенно*). Пале-Рояль ужасное место. Там на этих балах черт знает что творится.

Картон. Я знаю. Но я очень любопытный. И я не юная девица, мою репутацию это не испортит.

Картон встает, но идет не к выходу, а к стойке, за которой возвышается Жанно, сын Дефаржа.

Картон. Какой у вас замечательный сын, месье Дефарж. Он, наверное, очень сильный?

Дефарж. Да-а.

Картон. Настоящий Геркулес. Если вы разрешите?..

Дефарж разрешает. Картон дает Жанно деньги.

Улица. Картон и Дефарж направляются в суд.

Картон. Месье Дефарж, я юрист и я ваш друг. Я хочу вас спросить, только в целях вашей безопасности. Пока мы разговаривали, в ваше кафе заходили какие-то люди, а выходили, вероятно, через черный ход. Вы ничем не рискуете?

Дефарж. Я хорошо разбираюсь в лекарствах, спасибо доктору и моей мадам. Ну вот. А у меня есть знакомый аптекарь. И мы друг другу помогаем выживать.

Картон. А местная власть?

Дефарж. Ей тоже надо выживать.

Картон. Тогда будем считать, что все в порядке.

Дефарж. Вы настоящий француз, месье Сиднэй. А вы знаете, вы ведь очень похожи на этого...

Картон. Да, я знаю. А вы даже имени его выговорить не можете? (*Кладет руку на плечо Дефаржа.*) Он ведь ни в чем ни перед кем не виноват, месье Дефарж. Надо быть справедливым. Ведь мы же с вами справедливые люди?

8. Обшарпанное помещение суда.

Судья, один заседатель, пятеро присяжных.

Места для зрителей забиты до отказа. На скамье подсудимых молодая женщина с горящими глазами и блуждающей безумной улыбкой.

Появляются Картон и Дефарж.

Служитель усаживает их на два табурета, которые он ставит в дверном проеме.

Судья. Подсудимая Николь Рено, встаньте. Итак, вы признаёте себя виновной в убийстве ребенка, которого вы в отсутствие мужа родили от незаконного сожительства?

Женщина (*возмущенно*). Почему от незаконного? Мы с Пьером в законном браке! Мы в церкви венчались, еще там, в Бурже! (*Обращаясь в зал*) Господин кюре! Скажите им! Ведь вы меня знаете, вы крестили моего сыночка! Как это — от незаконного?

Священник (*вскакивает с места*). Господин судья! Эта женщина повредилась в уме! К ней нельзя подходить с обычными мерками.

Судья (*вежливо*). Свидетель, пожалуйста, сядьте. Вам обязательно дадут слово.

Женщина. Вот видите, господин кюре все знает. Придумали еще, незаконное!

Заседатель (*судье, шепотом*). Не надо ее прерывать, она сама все расскажет.

Судья кивает.

Женщина. А что в отсутствие мужа родила, так разве ж это я виновата? Пьера прямо на улице схватили и забрали в королевский флот. (*Заливается слезами.*) Я так

плакала, я так кричала! Я им говорила — ведь Мари всего три года, и у меня еще ребенок будет! А они сказали, что королю он нужнее. А иначе английские еретики захватят всю Канаду. *(Размазывает слезы по лицу.)*

Мы с Мари сначала как-то жили, а цены-то каждый день растут! Все, что из Буржа привезли, пришлось распродать. Все говорили, у Пьера золотые руки, а когда за работу никто заплатить не может, то не все ли равно, какие руки? Вот мы в Париж и перебрались. А тут у меня сыночек родился, а потом я прихожу в министерство, а мне и говорят — в казне денег нет, когда будут, тогда и получишь за своего мужа жалованье.

Да, вот так и сказали. А что мне есть с двумя детьми, не сказали. И я пошла просить милостыню. А вы знаете, что это такое? Легче работу найти. Все хорошие места заняты, отовсюду гонят! Хитрая, говорят, с детьми пришла! А где же мне их оставить? Грудного младенца?

Пьяноватая старуха, хлебнув из флакона, поддерживает ее со своего места.

Старуха *(кричит судье)*. Это все чистая правда, месье! Все так и было, как она говорит.

Судья. Свидетельница, я сейчас прикажу вывести вас из зала.

Женщина. А потом я совсем перестала понимать. Хожу и ничего не понимаю. А Мари все время просила есть, и мы целыми днями искали, чего бы поесть. В деревне хорошо, там в лесу всегда можно хоть что-нибудь найти. А здесь как быть? Мне добрые люди все время что-то давали, так ведь им самим есть нечего, когда такие цены! А сыночек мой бедненький так мучился, так мучился! Я ему нажую из того, что мне дали, и в ротик

положу. А он обратно выплевывает. Ему бы молока!
Хоть немножечко! Хоть бы одну ложку!

Она вцепляется руками в барьер загородки и перегибается через него.

Судья (*сквозь зубы*). Продолжайте, Николь Рено, рассказывайте, как все было.

Женщина выпрямляется, на ее лице снова блуждающая безумная улыбка.

Женщина. И тогда моя хозяйка мадам Арну сказала: «Твой ребенок целыми ночами кричит, никому спать не дает. Если он не перестанет, я тебя с квартиры выгоню, все равно ты за нее не платишь». (*Она смотрит вокруг себя безумными глазами.*) А куда же я тогда? Он же все равно будет плакать... И тогда я взяла полотенце, намочила водой, сложила его много раз и положила ему на личико, и прижала. Он сначала дергался, а потом перестал. Я сняла полотенце, а он такой беленький стал, как фарфоровый ангелочек... И я пошла, позвала хозяйку и говорю ей: «Посмотрите, мадам Арну, какой мой сыночек красивый, и больше уже не плачет». А она как закричит, и побежала куда-то, и тогда за мной пришли и отвели в тюрьму.

Картон резко встает и выходит из зала. Дефарж следует за ним.

Судья. Следовательно, Николь Рено, вы признаётесь в том, что сознательно убили своего ребенка.

Женщина. Что? Да как вы можете такое говорить? Чтобы я убила своего ребенка?

Старуха (*с места*). Ничего, Николетт! Тебя отправят на виселицу, а это быстро и небольно!

Судья (*ударя жезлом по столу*). Пристав, сейчас же выведите из зала эту женщину!

Женщина. А как же Мари? Куда она денется? Она же такая маленькая! Я должна ее взять с собой!

Картон и Дефарж на улице. Оба молчат и не смотрят друг на друга. Наконец, Картон обращается к Дефаржу.

Картон. Вы понимаете, месье Дефарж, я всю жизнь, с самого детства, слышу о преступлениях, о казнях, о несправедливых приговорах... Говорят, у судейских душа черствеет. Наверное, это так. А разве у всех других не так? Каждый человек, как только он перестает быть ребенком, может легко догадаться, что в этом мире зла несравненно больше, чем добра. Но все живут так, как будто зло — это нелепая случайность, и сама неотвратимая смерть — тоже нелепая случайность. А иначе жить было бы невозможно. Так действует сила, которая заставляет человека жить. Не смотря ни на что. Я когда-то пытался понять, что это за сила... У меня ничего не получилось... Но я знаю, что сильнее нее нет ничего на свете.

9. Бал-маскарад в Пале-Рояль.

В роскошном зале, освещенном тысячами свечей, веселится толпа гостей. На всех маски или полумаски. Мужчины одеты в костюмы всех народов и эпох, женщины полуобнажены, на многих одеяния из прозрачной ткани. Вокруг колонн стоят столы, уставленные яствами и напитками. В роли ви-ночерпиев сатиры в венках и опоясаниях из листьев. Звучит музыка. Музыканты играют в ускоренном темпе и с разнужданными интонациями.

В зал входит Картон. Он без маски, на нем светский, очень роскошный наряд.

Участники маскарада пытаются вовлечь его в свои игры, его хватают за рукава, обнимают, что-то шепчут ему на ухо, бросают в него цветы и пригоршни конфет.

Музыканты, словно устав от быстрого темпа, начинают играть медленный вальс.

Часть гостей устремляется в сад.

Сад освещен множеством фонарей, развешанных на деревьях. Посреди сада бьет фонтан.

Участники маскарада начинают водить хоровод вокруг фонтана. Кое-кто забирается в воду, плещется там, обдавая брызгами других.

В зале. К Картону подходит женщина в полумаске. Она одета в белую греческую тунику, волосы ее уложены по-гречески и украшены венком из мелких белых цветов.

Женщина. Почему ты не в маске? Здесь все в масках, кроме тебя.

Картон. Я иностранец. Меня здесь никто не знает.

Женщина. Ты очень красив. Но тебе все же придется надеть маску.

Она достает из складок платья черную полумаску и завязывает ее Картону.

Женщина. Вот так лучше.

Женщина и Картон начинают кружиться в медленном вальсе.

Они проплывают мимо окон, из которых виден сад.

В саду. Участники маскарада скачут на четвереньках. Женщины едут верхом на мужчинах, погоняя их жезлами из цветов.

В зале. Картон танцует с женщиной в греческом наряде.

Женщина. Тебе весело?

Картон. Сказать по правде, не очень.

Женщина. А как ты думаешь, здесь кому-нибудь весело?

Картон. Думаю, что нет. Но не приди они сюда, им было бы еще хуже.

Женщина. Это правда. Радость должна быть внутри. А когда ее там нет... Когда ее там нет, то можно делать все, что угодно, но все равно ее не добьешься.

Картон. Один такой даже Рим поджег, чтоб немного развеселиться, и тоже у него ничего не получилось.

Женщина. Слышишь, как они смеются? Вот над тем и смеются, что у них опять ничего не вышло.

Картон и женщина продолжают вальсировать. Обнаженные руки и плечи женщины красивы, словно изваяны из алебастра.

Картон проводит рукой по ее плечу.

Женщина. А хочешь, я открою одну дверь, и мы с тобой окажемся в другом мире?

Картон. Хочу.

Они останавливаются возле стены. В стене обычная дверь, полускрытая портьерой.

Женщина открывает дверь, и они выходят на широкую открытую террасу.

Женщина. Вот видишь, это совсем другой мир. В нем есть звезды. Посмотри, как много звезд, даже страшно.

Женщина обнимает Картона, прижимается к нему.

Женщина. Ты очень красивый. И ты совсем не такой, как другие. Я никогда не встречала никого, похожего на тебя.

Картон (*с иронией*). Это меня особенно радует.

Женщина (*целуя его*). Я никогда больше тебя не увижу.
И это очень хорошо.

Картон. Почему?

Женщина. Тогда наша встреча будет длиться вечно. (—)
Ты когда-нибудь слышал о Бержерке?

Картон. Да, я кое-что о нем знаю.

Женщина. Он уверял, что побывал на Луне. И на других планетах. (—) Ах, если бы оказаться на другой планете и больше уже не возвращаться.

Морской бой.

Трехмачтовый парусник атакуется вражескими судами и загорается.

Спускаются шлюпки. Команда покидает судно.

Глава вторая

1. Париж. Тринадцатое июля 1789 года.

В кабачке Дефаржа сидят хмурые посетители.

Входная дверь распахивается. На пороге стоит небритый мастеровой.

Мастеровой. Эй, папаша Дефарж и вы все! Король отправил Неккера в отставку! Нам больше нечего ждать. Народ собирается на Вандомской площади! Идемте с нами!

Посетители (*наперебой*). Мы тоже пойдем! Идем! Идем!

Сын Дефаржа устремляется вслед за другими.

Жена Дефаржа. А ты куда собрался? Тебе там нечего делать!

Жанно. А что я, хуже других? Отец, почему она меня никуда не пускает?

Жена Дефаржа. Потому что я твоя мать!

Дефарж. А я его отец! Я пойду, и он пойдет! Хватит! Натерпелись! Или все изменится, или нам лучше не жить.

По улицам движутся огромные массы народа.
Разговоры в толпе.

Первый. Всех перевешать! Всех до одного! Там каждый первый убийца!

Второй. Мы на них работаем и мы же голодаем! Да сколько это будет продолжаться?

Третий. Попов и аристократов двести тысяч, а простого народа двадцать пять миллионов! Если мы встанем стеной, им будет некуда деться!

Второй. Это во сколько же раз нас больше?

Третий. В сто двадцать пять, понял?

Второй. Неужели это правда?

Третий (*вынимая из кармана листок*). Вот, у меня листовка, посмотри!

Второй. Но если их так мало, а нас так много, почему мы на них работаем?

Первый (*с горькой иронией*). Потому что так было всегда. Дефарж, поравнявшись с ними, вмешивается в разговор.

Дефарж. Справедливость будет только тогда, когда каждый будет работать на самого себя.

Первый. А они хотят, чтоб работали только на них, а сами ни за что.

К ним присоединяется парень с веселой физиономией и ударяет Дефаржа по плечу.

Парень. Если каждый станет работать только на самого себя, то что же будет с нашими попами? У них ни свадеб не бывает, ни крестин, только и останется, что самих себя хоронить!

Другая группа идущих.

Первый. Надо разобраться в самом главном. Если Бог есть, то у всех должно быть всего поровну. А если Бога нет, то всё захватывают те, у кого зубы крепче и кулаки сильнее.

Второй. У кого когти длиннее.

Впереди раздается громкий свист.

Всеобщее замешательство, возгласы, шум.

Крики. Остановитесь! Стойте! Стойте! — Там уже стреляют! — Дьяволы проклятые! — Мы им сейчас покажем! — К оружию! — Идем к арсеналу! — К арсеналу! К арсеналу!

Группа мастеровых.

Мастеровой. Стойте! Стойте! У нас тут арсенал под ногами!

В руках рабочих появляются ломы и кирки.

Все (*наперебой*). Разбирайте мостовую! — Ломайте, ломайте! — Сейчас мы им покажем!

Другая группа в толпе.

Первый. Эй, послушайте! Говорят, они спрятали много оружия в Бастилии!

Крики. Мы их туда не пропустим! — Поворачивайте, ребята! — На Бастилию! На Бастилию!

2. Морской порт. Разгрузка корабля.

Грузчики бегают по трапам.

Лондон. Дом доктора Манэ. Служанка накрывает обеденный стол.

Члены семейства рассаживаются за столом.

Доктор, Люси, мисс Адамс. Место Дарнея не занято.

Мисс Адамс. Нашему дорогому Чарльзу газеты заменили завтрак, а теперь уже и обед.

Люси. Сейчас мы узнаем, кого еще повесили на фонаре.

Манэ. Люси, ты должна понять, французы не кровожадные дикари, не звери, сорвавшиеся с цепи. Их довели до этого состояния. Голодом и бесконечными унижениями. Моральные пытки еще страшнее голода. Вина лежит на тех, кто до этого довел.

Мисс Адамс. Да, недобрые пастыри — самое страшное зло. Они не только пожирают овец, они способны превратить их в волков. Мы это хорошо понимаем, дорогой доктор.

Люси. Папочка, разве я могу забыть хоть на миг, что было с тобой, что было с мамой? Но когда на улице устраивают самосуд — разве это не то же самое? Человек, которого схватили на улице, не может оправдаться! Он даже не может доказать, что он не тот, за кого его приняли! *(Ее голос дрожит.)* Если бы Чарльз оказался сейчас в Париже, кто бы стал слушать, что он добровольно отказался от своего титула!..

Мисс Адамс *(беря ее за руку)*. Во-первых, Чарльз никуда не собирается, он тебе торжественно обещал, моя девочка. Во-вторых, в Париже уже все более или менее спокойно. Там идут только словесные распри в их парламенте, *(к Манэ)* или как он у них называется?

Манэ *(хмуро)*. Национальное Учредительное собрание.

Входит Дарней.

Дарней. Я опять заставил себя ждать. Ради Бога, простите меня, сэр! Простите меня, дорогие дамы!

Люси (*глядя на него сияющими глазами*). Мы вас прощаем от всего сердца, дорогой мистер Дарней!

Дарней усаживается на свое место. Служанка вносит блюдо с жарким и ставит его на стол.

Дарней. Дело в том, что чтение газет, особенно французских, стало очень непростым делом. Они похожи на отчеты из Бедлама. Чтобы что-то понять, приходится перечитывать по нескольку раз. Одни и те же ораторы делают громкие заявления, а назавтра меняют их на противоположные. Неизменными остаются только пафос и красноречие. Получается, что за ночь они либо сошли с ума, либо их кто-то перекупил.

Манэ (*почти в отчаянье*). Я родился и рос в убеждении, что французы самый добрый, самый бескорыстный, самый благородный народ на свете! А потом чуть не каждый день жизни меня убеждал в обратном. Но я все равно не могу к этому привыкнуть, не могу не приходиться в ужас.

Дарней (*ласково*). А вы не сомневайтесь, дорогой доктор, мы такие и есть — добрые и благородные. А все остальное — это временное помрачение. Правда, оно длится чуть не тысячу лет, но это не так уж много по сравнению с вечностью.

Люси. Да, человечество непременно исправится, мы с Энни в этом уверены.

Мисс Адамс, улыбаясь, утвердительно кивает.

Дарней. И вот что особенно умиляет, его французское величество в этом Бедламе оказался первым среди равных. Вся страна восстала, народ разнес Бастилию в ку-

чу щепня, а король своим последним декретом объявил все массовые выступления противозаконными.

Манэ (*мрачно*). Я слышал об этом субъекте, что он хорошо умеет чинить дверные замки. На что еще он годен, неизвестно.

Дарней. Мне иногда очень хочется составить жизнеописание всех европейских монархов. Я берусь доказать, что почти все из них, не родись они на троне, очень быстро бы застряли на служебной лестнице, а то бы просто угодили в тюрьму.

Мисс Адамс. Мы знаем исключения.

Дарней. Я же сказал «почти все», дорогая мисс Адамс.

Люси (*смеясь*). Если ты такое напишешь, тогда тебя уж наверняка вышлют из Англии.

Дарней. Уедем в Американские Штаты. Или найдем какую-нибудь другую республику, поближе. Почему вы недовольны, дорогие дамы? Разве это не соответствует вашим политическим взглядам? Все пуритане — республиканцы.

Мисс Адамс. Дитя мое, вы не очень хорошо разобрались в наших политических взглядах.

Люси. Это все потому, что мы не издаем свою газету.

Мисс Адамс (*невозмутимо*). Республика — это не изобретение христиан. Республика была и у римлян в языческие времена.

Люси. И у древнегреческих богов! Зевс — президент, Нептун¹ — министр по морским делам.

¹ Люси смешивает греческих и римских богов, но присутствующие ей прощают.

Дарней и Манэ смеются.

Манэ. Вот это дамы!

Люси. Да! Мы мо-нар-хисты! Мы ультра-ро-я-листы!

Мисс Адамс (*указывая рукой вверх*). И наш монарх абсолютный и неограниченный.

Дарней. В таком случае, вы обязаны знать, что я тоже подданный этого короля.

3. Париж. На улицах толпы народа.

Импровизированный митинг в сквере.

Группа людей, ожесточенно спорящих, жестикулирующих.

Ораторы, выступающие, стоя на скамейках.

Погребок Дефаржа.

Дефарж и его жена.

Жена Дефаржа. Почему ты разрешаешь мальчишке целыми днями шататься?

Дефарж. Сейчас время такое. Весь Париж живет на улице.

А уж в его возрасте сидеть дома! И новости последние принесет.

Жена Дефаржа. Тебе новости нужны! А я должна все время дрожать, что его схватят и заберут в солдаты!

Дефарж. Но ему же рано! (*Шепотом*) Он же записан двумя годами позже.

Жена Дефаржа (*тоже шепотом*). Такой верзила вымахал, что этой записи могут не поверить.

Дефарж. Будет очень обидно. Получится, что деньги зря платили.

Входит Жанно.

Жанно. Мама, ты еще не сердисься?

Жена Дефаржа. Вот не дам тебе есть!

Жанно. А я себе купил каштаны. *(К отцу)* Все кричат, что королевскую власть надо отменить совсем! Наверное, будут бить в набат! И еще говорят, что если не прогнать короля и австриячку, то они устроят новую Варфоломеевскую ночь!

Дефарж. С них станется. Только этому не бывать! *(Бьет кулаком по столу.)* Народ этого не допустит! Мы этого не допустим.

Жена Дефаржа ставит перед Жанно тарелку с едой и уходит, всем видом показывая, как она сердита.

Жанно принимается за еду.

Жанно. Отец, а что такое Варфоломеевская ночь?

Дефарж. Что-о? Я платил деньги...

Жанно. Да нет, я же не последний дурак. Вот то, что наш кюре про это рассказывал, это для последних дураков. Я хочу знать, что это было на самом деле?

Дефарж. А ты думаешь, кто-нибудь знает? С тех пор ведь двести лет прошло?..

Жанно. Я сейчас сосчитаю. *(Считает в уме.)* Двести двадцать ровно.

Дефарж. Вот видишь, двести двадцать лет прошло, а все в ужас приходят при этом слове... При этих словах... *(Наливает себе в кружку воду из кувшина и пьет. Про-*

должает задумчиво) Была резня в Париже. Страшная. Но ведь и прежде такое случалось. Люди же только и знают, что друг друга грабить и резать. Но та ночь была какая-то особая. (*Допивает свою воду.*)

Видишь, сейчас весь народ поднялся и кричит — долой тиранов! А когда я был ребенком, тоже ведь скверно жили, и я нередко слышал, как взрослые говорили между собой — почему мы это терпим? И однажды мой дед сказал: это все Варфоломеевская ночь! Столько лет прошло с тех пор, а народ голову не смеет поднять. А другой старик тогда и сказал: это было страшное колдовство... Какого не бывало ни до, ни после.

Жанно наливает себе кружку воды и жалобно смотрит на Дефаржа.

Жанно. Отец, налей немножечко вина!

Дефарж (*ворчливо*). Вино только для посетителей.

Дефарж наливает в кружку Жанно немного вина.

Жанно. Отец, а колдовство — это на самом деле или так, для дураков?

Дефарж (*хмыкнув*). Спроси об этом кого-нибудь другого!

Жанно. А Бог все-таки есть? Как ты думаешь?

Дефарж. Посмотри, что вокруг творится! Если бы Бог был, разве бы он такое допустил?

Жанно (*смущенно*). А все-таки, если бы Он был... Если бы знать, что Он есть, было бы хорошо...

Дефарж (*наставительно*). Человек должен всего добиваться сам, надеяться на самого себя, а не ждать, что ему с неба что-то свалится. Сколько я живу, я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь что-то у Бога выпросил.

Так что самое лучшее — ни у кого не просить, ни у Бога, ни у людей.

Жанно (*задумчиво глядя в пространство*). У людей... А что у них есть? У них и самих ничего нет...

Дефарж. Что ты болтаешь?

Жанно, словно очнувшись, смущенно улыбается.

Жанно. Да нет, конечно, у людей много чего есть... Деньги, и всякое там богатство... Ну, я не знаю, как это сказать... (*Встает из-за стола, подходит к камину.*) Отец, ты знаешь, какая у меня сила в руках?

Дефарж. Знаю, сынок.

Жанно (*берет в руки кочергу*). Вот, смотри! (*Медленно сгибает кочергу, потом ее выпрямляет.*) Если бы кто-нибудь попросил у меня этой силы, хоть немножко! Разве я мог бы с ним поделиться?

Ночь. Над Парижем плывет угрожающий звук множества колоколов.

Вооруженные люди осаждают Тюильрийский дворец.

К ним присоединяются всё новые и новые люди с факелами и с оружием.

4. Дувр. Порт. Пришвартованный корабль.

Мистер Лорри сходит по трапу. За ним семенит слуга с багажом.

Мистер Лорри садится в почтовый дилижанс. Слуга устраивается на запятках.

Лондон. Банкир Теллсон в столовой своего дома.
Стол накрыт на две персоны.
Теллсон смотрит в окно.

На улице появляется Лорри. Он входит в особняк Теллсона.

В столовой. Теллсон и Лорри обмениваются рукопожатием.
Оба усаживаются за стол.

Теллсон. Мистер Лорри, я не могу не выразить восхищение тем, что вы в ваши годы и в такой непростой обстановке неутомимы в своих разъездах между Лондоном и Парижем.

Лорри. Мистер Теллсон, я разъезжаю исключительно по делам фирмы и в интересах фирмы. Блюсти интересы фирмы — мой долг, и я надеюсь, что смогу его исполнить до последнего дыхания.

Входит лакей, ставит на стол блюдо. Теллсон знаком отсылает его прочь, сам наливает вино в оба бокала.

Теллсон (*пригубив вино*). Ну что же, Людовика XVI постигла та судьба, которую мы с вами ему предсказывали.

Лорри. Для этого не надо было обладать пророческим даром. Все, что долгие годы творилось во Франции, конечно, безумие (*кивает себе в такт*), но, как сказал наш великий Бард:
В этом безумии есть своя логика.

В двери особняка Теллсона входит рассыльный.
Его встречает швейцар.

Швейцар. Что у вас?

Рассыльный (*протягивая письмо*). Это для мистера Лорри.

Швейцар. Будете ждать ответа?

Рассыльный. Нет.

Швейцар. Вам уплачено?

Рассыльный. Да. Всего доброго.

В столовой. Входит лакей и с легким поклоном передает мистеру Лорри письмо. Тот, мельком взглянув на него, сует его в карман. Лакей исчезает.

Теллсон. Мистер Лорри, мы с вами частные лица, (*Лорри кивком соглашается с ним.*) но большая политика неизбежно затрагивает судьбы частных лиц. (*Лорри опять кивает.*) Как вы думаете, война будет?

Лорри. Военные действия уже начались. Прусские и австрийские войска перешли границы Франции. Что же касается большой войны, в которую будут втянуты все государства Европы, то она, увы, неизбежна, но, надеюсь, начнется нескоро. И, надеюсь, у нашего правительства хватит хладнокровия оттягивать ее как можно дольше.

Теллсон. Но мы же отозвали свое посольство из Парижа!

Лорри (*усмехаясь*). А что нам оставалось делать? Зато господа революционеры...

Теллсон. Граждане. Они теперь не господа, а граждане.

Лорри. Да-да. И вот эти господа граждане своего посольства из Лондона не отзывают и, более того, приглашают меня сегодня туда на ужин.

Вынимает из кармана письмо, помахивает им и снова прячет.

Теллсон. Вы говорите, что война неизбежна, почему же вы советуете ее оттянуть? Ведь Франция сейчас слабее, чем когда-либо?

Лорри. Да. И господа, то есть граждане, это хорошо понимают. Они уже пару раз прорычали, что хорошо бы начать революционную войну. Но им необходима отсрочка. Чтобы отлить пушки, наделать ружья, намуштровать огромную армию.

Теллсон (*широко открыв глаза*). И мы должны им это позволить?

Лорри. У нас тоже есть пушки, мистер Теллсон. И, будет надо, мы отольем новые. Но есть такие вещи, которые это оружие не берет. Пройдет немного времени, и вы увидите, как необученная толпа оборванных французов — и голодных, мистер Теллсон, голодных! — вышвырнет со своей территории всех этих королевских и императорских солдат.

Теллсон. Вы говорите невероятные вещи, сэр!

Лорри. Да, мой добрый друг, и я отдаю себе отчет в каждом слове. Они сейчас непобедимы. Потому что они воюют не одни. За них воюет то, что они называют равенством и братством.

Теллсон. Там есть еще третий компонент — свобода.

Лорри. Да, но для меня, старика, это понятие слишком расплывчатое. Я англичанин, мне всегда хватало свободы. Я считаю наше государственное устройство лучшим из всех возможных. И наша армия устроена наилучшим образом. Это армия свободных людей. В нее идут добровольно и получают плату за свой труд.

Теллсон. Да, это так.

Лорри. А теперь представьте, что мы бросим сейчас нашу армию против революционной Франции. Понятно, что солдаты должны защищать интересы своего отечества. Но в солдаты идут люди бедные, вынужденные за деньги продавать свою кровь и свою жизнь. И получается, что защищают они прежде всего интересы тех, кто богаче их в сотни, в тысячи, а порой в десятки тысяч раз. Неужели вы думаете, сэр, что мы с вами окажемся в их глазах дороже, чем такие бесценные вещи, как равенство и братство?

Теллсон на какое-то время погружается в глубокую задумчивость.

Теллсон. Хорошо, я понял ход вашей мысли. Мы должны сидеть и дожидаться, пока они сами не начнут свою революционную войну. Ну а в этом случае, на чем будет основываться наш перевес? Франция — крупнейшее государство континентальной Европы. Если они двинут войска со своим кличем «долой тиранов», то вся Европа может оказаться у их ног. И против нас, не так ли?

Лорри. Да, на первых порах они будут весьма успешны. Мы должны быть к этому готовы. Но кончится это всё — войной всей Европы против Франции. И полным ее поражением. Война будет чудовищно долгой и чудовищно кровопролитной. А потом все вернется на круги своя. Победителей в этой войне не будет.

Теллсон. Да, удручающая картина. А есть ли какой-то шанс, что они не захотят начинать эту революционную войну? Совсем от нее откажутся?

Лорри. Это невозможно. Для тех, кто волей судьбы оказался сейчас у власти в Париже, это совершенно невозможно.

Два года они обрушивали свое красноречие на короля и на монархию, и вот восставший народ сметает эту монархию. Народ, а не английские деньги, как думают некоторые. И теперь они оказались с этим народом лицом к лицу. И народ вопит о равенстве и братстве. Как по-вашему, они могут устроить им равенство и братство? В стране хаос. Они хлеба на всех найти не могут. Единственное, что они могут, это превратить всю Францию в военный лагерь, всех, кого можно, поставить под ружье и отправить их освобождать Европу от тиранов. Равенство и братство вышлют как передовой отряд.

Теллсон (*мрачно кивая*). И их первыми расстреляют.

Лорри. Но поначалу все будут в восторге, и многим европейским правительствам не поздоровится. А потом все увидят, что это такая же война, как все другие войны — грабеж, убийства и миллионные состояния на военных поставках. Разве сможет тогда одна Франция устоять против всей Европы?

Мистер Лорри невозмутимо ест. Теллсон вновь погружается в свои мысли.

Теллсон. Тем не менее, Франция стала республикой. И она будет республикой. Ну, может быть, конституционной монархией, я не очень-то верю в герцога Орлеанского. (—) Неужели нельзя обойтись без такого бессмысленного кровопролития? Ведь это же безумие, это самоубийство!

Лорри. Вполне с вами согласен. Но все будет так, как я вам сказал. Правда, я этого уже не увижу.

Теллсон. Эти люди предпринимают и вполне разумные шаги. Они объявили полную свободу вероисповеда-

ния, то есть, по существу, восстановили Нантский эдикт.

Лорри (*неожиданно резко*). А что толку восстанавливать Нантский эдикт через сто лет? Принято говорить «лучше поздно, чем никогда»! Но если уже поздно? Во Франции никогда не случилось ничего страшнее, чем отмена Нантского эдикта. Это и было самое настоящее самоубийство, никакая война с этим не сравнится. А что теперь? Все эти люди атеисты, во всех мыслящих головах уже укоренился атеизм. Вот он сейчас и получает полную свободу. А всякая вера теперь станет посмешищем. (*С неожиданной страстностью*) Да, смиренная вера наших отцов теперь станет просто посмешищем.

Теллсон (*удивленно поднимая брови*). Я не думал, мистер Лорри...

Лорри (*с усмешкой*). Я и сам не думал. Голос крови, наверное. Одного из моих прадедов казнили при короле Джеймсе.

5. Лондон. Контора «Картон и Страйвер».

Принаряженный Страйвер, развалившись в кресле, читает газету.

Картон перед зеркалом старается получше намотать на шею длинный галстук¹.

Страйвер. Ты успел сходить к цирюльнику?

¹ Галстук в ту эпоху представлял собой длинное узкое полотнище, которое наматывалось на шею и завязывалось бантом.

Картон (*возмущенно*). Ты что, не видишь?

Страйвер (*поднося к глазам лорнет*). Теперь вижу. (*Прячет лорнет.*) Эти французские газеты такое пишут! Их читать стало интересней, чем ходить в театр.

Картон. Шекспира бы туда!

Страйвер. Ну, для Шекспира все эти демагоги из Конвента, пожалуй, мелковаты.

Картон. Ошибаешься. Если бы про шекспировских королей мы знали только из газет, они бы нам тоже показались мелковатыми.

Страйвер. Бедные наши друзья-парижане! Не хотел бы я оказаться на их месте.

Картон. Я должен тебе кое в чем признаться. Когда вся эта каша начала завариваться, мне захотелось бросить всё...

Страйвер (*не отрываясь от газеты*). Бросить всё — это значит бросить меня?

Картон. Да. И помчаться в любимую Францию спасать ее от тиранов и насильников.

Страйвер (*продолжая читать*). Но ты вовремя одумался.

Картон. Тебя спасла моя лень и еще некоторые соображения.

Страйвер (*присвистнув*). Ничего себе! Депутат Бюзо потребовал выслать из Франции бывшего герцога Орлеанского.

Картон (*роняя концы галстука*). Не может быть! (*Выхватывает у Страйвера газету.*) Герцог сам депутат Конвента. Где это? (*Смотрит в газету.*) Все равно не верю. Какая-то игра. Очередная военная хитрость.

Страйвер. А на что он рассчитывает, этот гражданин герцог? Что из этого Бедлама в конце концов получится конституционная монархия?

Картон. Конечно. Это общая мечта его и нашего правительства.

Страйвер. Вот куда идут наши деньги.

Картон. Страйвер, у этого Филиппа столько денег, что он сам может купить любое правительство.

Входит мальчик-клерк, ставит на стол поднос с двумя чашечками кофе и печеньем.

Страйвер (*отхлебывая кофе*). Но его кузену королю голову отрубят непременно. Как же! Раз англичане посмели, то им отставать неприлично.

Картон. Французы вовсе не меряют себя по англичанам. Они допускают, что порядки у нас получше, но зато сами они гораздо умнее. Во Франции считается хорошим тоном не верить в Бога. В Англии верить в Бога считается хорошим тоном.

Страйвер. Вот именно! Считается хорошим тоном. (*Допивает кофе.*) Скажи, Сид, а ты сам когда-нибудь верил в Бога?

Картон (*негромко*). Какое-то время верил.

Страйвер. И как это было?

Картон (*еще тише*). Я был очень счастлив.

Страйвер. Что же ты мне ничего не сказал?

Картон. Не успел.

Страйвер долго складывает газету.

Страйвер. Так, ты идешь со мной на «Фальстафа»?

Картон *(хватая галстук)*. Иду-иду. *(Бежит к зеркалу.)*

6. Дувр. Грузчики взбегают по трапу пришвартованного корабля.

Первый грузчик. Привет, Франция! Ну как там ваш король? Голову ему еще не снесли?

Все смеются.

Французский моряк. Нет, пока еще на месте.

Второй грузчик. Вы давайте не стесняйтесь! Им это очень на пользу!

Французский капитан. Они хитрые, эти короли. У них ведь новые головы отрастают.

Второй грузчик. Все равно надо. Они после этого скромнее делаются.

Взваливает на спину мешок и бежит вниз по трапу. Следом за ним остальные.

Лондон. Вечер. Доктор Манэ в своем кабинете рассматривает через лупу разложенную на столе карту Европы. Негромкий стук в дверь. Входит мисс Адамс.

Мисс Адамс. Становится сыро. Может, разжечь камин?

Манэ. Нет, не надо. Мне даже жарко.

Манэ кладет лупу на карту и поднимает на мисс Адамс страдальческий взгляд.

Манэ. Пруссаки берут крепость за крепостью. Их главнокомандующий грозит сравнять Париж с землей.

Мисс Адамс (*с жаром*). Этого не будет. Они скоро получают отпор. Чарльз все время показывает нам французские газеты. В народе такое воодушевление! Можно говорить что угодно, но Господь на их стороне.

Манэ. Если бы я не был старой развалиной, я бы сам туда отправился. Хотя бы траншеи рыть.

Мисс Адамс (*боязливо взглядывая на дверь*). Ради Бога, не скажите этого при Чарльзе. Он сам туда рвется. Но ему ни за что нельзя!

Манэ. А разве благородно в такую минуту прятаться за женскую юбку?

Мисс Адамс опускается на колени возле его кресла.

Мисс Адамс. Друг мой, дорогой мой друг, поверьте, это не женский эгоизм, не прихоть Люси. Это предчувствие возникло у нас еще давно, еще до всех событий, когда мы ездили в Париж за вами. Мы просто физически ощущаем, что никому из наших близких туда нельзя. Когда Чарльз вернулся из Франции после своей последней поездки, его тотчас же арестовали. Он чудом избежал смерти, но нас это еще больше убедило, что мы правы.

Манэ. Да, стоило провести восемнадцать лет в Бастилии и вернуться к жизни, чтобы убедиться, что от тебя нет никакого проку. Я даже в полковые лекари уже не го-жусь. Зачем я остался жив? Кому я нужен?

Мисс Адамс (*беря его за руку*). Вы нужны тем, кого вы лечите. Вы нужны тем, кто вас любит. Мы так вас любим,

мы так счастливы, что вы с нами. И вы нужны Господу, нашему Создателю!..

Манэ (*запальчиво*). Если я Ему нужен, то почему же Он так со мной обошелся?

Мисс Адамс. Больше всего вы нужны Ему. Он сотворил вас, и только Он знает, какой смысл в том, что с вами происходило. И он однажды откроет вам этот смысл, все объяснит, иначе не может быть. (*Заливается слезами.*) Когда мое счастье рухнуло, когда я потеряла того, без кого мне жизнь была не нужна... (*Вытирает слезы.*) Я хотела только смерти... Я завидовала каждому, кто умирал... Это и был ад... Я стала искать всякие способы... Чтоб никто не догадался... Но Господь явил мне Свою милость... Неважно, как это было, но я поняла... Он мне показал (*Голос ее прерывается.*), что если я сделаю что-то ужасное, то разлучусь со своим любимым навсегда... (*Перебивает себя.*) Нет, не навсегда, Господь так милостив!.. Но это будет в тысячу раз хуже... Надо только вытерпеть этот срок... Покориться и вытерпеть...

Мисс Адамс плачет, прижавшись головой к коленям доктора. Он гладит ее по волосам. Уже успокоившись, она поднимает на него глаза. Потом снова прижимается головой к его коленям и говорит почти шепотом.

Мисс Адамс. Мы рассуждаем о вечной жизни... А что такое наша здешняя жизнь? Только малая часть вечности... Но какая же трудная! Господи, до чего же она трудная!

Все люди боятся смерти, а втайне каждый только на нее и надеется... Каждый где-то там, в глубине, знает, что это будет не смерть, это закончится время... *Его* время... Пытка временем закончится.

За дверью слышится шум, быстрые шаги, детский плач.

Голос маленькой Люси. Не хочу! Не хочу! Хочу, чтобы крестная!

Дверь открывается, вбегает ребенок, следом — Люси и нянька.

Девочка бросается к мисс Адамс.

Люси. Она не дает нам себя уложить. Требуется свою крестную.

Мисс Адамс подхватывает малышку на руки, целует ее.

Мисс Адамс. Пойдем, моя радость! Я тебя сейчас уложу. Я тебе расскажу сказку. *(Уходит, унося маленькую Люси.)*

Люси искоса смотрит на разложенную на столе карту.

Манэ *(с самой веселой улыбкой).* Ужинайте без меня, дорогая. Я себе прописал диету.

Люси. Я принесу тебе чаю и чего-нибудь легкого, папочка.

Манэ. Не надо.

Люси. Я все равно принесу. На всякий случай.

Поздний вечер. Спальня Дарнеев. Люси перед зеркалом убирает волосы под ночной чепец.

На столике у окна кипа газет.

Люси хватается газету и перелистывает, ища нужное ей место.

Входит Дарней.

Дарней. Вы не те газеты читаете, миссис Дарней.

Люси. В нашей стране свобода печати, сэр. И свобода мнений. Я, между прочим, разделяю мнение оппозиции.

Дарней. У каждой оппозиции есть только одна цель — стать правительством. Они готовы радоваться любой беде, если в ней можно обвинить своих оппонентов.

Люси. Я и французские газеты читаю, сэр. В них восхваляют инженера Гильотена. И его гениальное изобретение. Оказывается, эта машина — самое быстрое и самое человеколюбивое орудие смертной казни.

Дарней (*пристально глядя ей в глаза*). Люси, тебе вряд ли известно, что такое квалифицированная смертная казнь?

Люси (*припоминая*). Я где-то слышала это название.

Дарней (*твердо*). Ты его слышала в зале суда Олд-Бейли, когда прокурор потребовал ее для меня. Я тогда тоже не знал, что это такое. Думал, что просто четвертование. Вот по сравнению с этой казнью, и со многими другими, гильотина — самая безобидная вещь.

Сейчас уже ночь, а завтра днем, если ты захочешь, я тебе расскажу, от какой чудовищной казни меня спас Сидней Картон.

Люси. Благослови его Господь.

Дарней (*с грустью*). Почему он перестал у нас бывать? Я был уверен, что мы станем близкими друзьями. Он очень непростой человек. Я всю жизнь мечтал иметь такого друга.

Люси. Но он же уезжал во Францию... Так нам сказал мистер Лорри...

Дарней. Это было еще до начала событий. А с тех пор прошло уже три года. Что ему там делать? Он не из тех людей, которые любят ввязываться в политику.

Люси. А может быть, он там женился? Как это было бы хорошо! Я так хочу, чтобы он был счастлив.

Дарней. Может быть. Он ведь любит все французское.
Может, уже воюет за свободу моей родины.

Люси (*бросаясь ему на шею*). Чарльз! Тебе туда нельзя! Мистер Картон не маркиз д'Эвремонт! Скольких твоих родственников уже казнили!

Дарней. А сколько дворян перешло на сторону революции? И разве кого-нибудь казнили без суда? И без вины?

Люси. А когда кричали — «аристократов на фонарь»? Значит, всех поголовно считали виноватыми?

Дарней (*опустив голову*). Ты же знаешь, даже в Библии сказано про вину отцов.

Люси. Значит, и про твоих отцов? (*Дарней еще ниже опускает голову. Она обнимает его.*) Чарльз! Сжался надо мной! Сжался! Я не такая сильная, как Энни, я только делаю вид. Если с тобой что-нибудь случится, я не смогу жить, не смогу. Что будет с нашей девочкой? Что будет с моим отцом? Его здоровье подорвано, и тоже по вине этих злосчастных аристократов!.. Господи Боже, как все перепуталось! Нам нельзя во Францию, нельзя!

Дарней (*глядя ее по голове*). Люси, Люси, я знаю, мой долг оберегать вас, я его не нарушу.

7. Париж. Жена Дефаржа быстрыми шагами идет по улице.

Слышен рев толпы, который время от времени прорезывают истошные вопли.

Жена Дефаржа в замешательстве, но продолжает путь в ту сторону, откуда доносятся крики.

Какие-то люди, бегущие в ту же сторону, обгоняют ее, чуть не сбивая с ног.

Жена Дефаржа поднимается по лестнице многоэтажного дома. Рев и крики сотрясают стены.

Маленькая бедно убранная комната. Чудовищные звуки здесь еще слышнее.

В комнате старуха и жена Дефаржа. Старуха, вся съежившись, сидит на кровати и смотрит в пол.

Жена Дефаржа (*стараясь перекричать шум*). Что там такое, мадам Шампи?

Старуха. Не знаю. Нас это не касается. Не подходите к окну, мадам Дефарж.

Жена Дефаржа бросается к окну.

Жена Дефаржа. Господи, что они делают? Зачем? Что это такое?

Схватившись за голову, она отворачивается от окна.

Старуха. Я же вам сказала, не смотрите туда!

Жена Дефаржа снова бросается к окну.

Жена Дефаржа. Пресвятая Дева, заступница наша! Зачем они это делают? Ой-ой! Что он делает! Что он делает! Он сошел с ума! Они все сошли с ума!

На улице. Жена Дефаржа бежит в сторону, противоположную крикам.

Группа людей бежит ей навстречу. Она мечется, чтобы

уйти от столкновения с ними, и падает. Чепец слетает у нее с головы.

Жена Дефаржа встает, поднимает чепец, срывает с себя шаль и, прижимая их к груди, бежит дальше.

В погребке Дефаржа. Дефарж один.

Вбегает жена, тяжело дыша, с растрепавшимися волосами.

Жена Дефаржа (*истошно кричит*). Дефарж! Где Жанно?

Дефарж. В городе. Что с тобой случилось?

Жена Дефаржа (*отдышавшись*). Я относила лекарство старухе Шампи.

Дефарж. Ну, относила.

Жена Дефаржа. Она живет возле этой тюрьмы, как ее там...

Дефарж. Ну да.

Жена Дефаржа. А окно у нее выходит на улицу, прямо на тюрьму! (*Она истерически вскрикивает.*) Они сошли с ума! Сошли с ума!

Дефарж. Кто они?

Жена Дефаржа. Те, кто у власти! Эта новая власть! (*Бросается к дверям.*) Я пойду искать мальчишку! Его надо привести домой!

Дефарж хватается за плечи и силой усаживает на стул.

Дефарж. Да где ты его найдешь? Он сам придет домой. Парню скоро двадцать. Что с ним может случиться?

Жена Дефаржа (*со стоном*). Ты не знаешь, что там творится! Они выгоняют заключенных прямо на улицу, и толпа рвет их на части, режет, чем попало!..

Дефарж (*шепотом*). Варфоломеевская ночь!..

Жена Дефаржа. Шампи сказала, что это началось с самого утра! И так во всех тюрьмах! Они сошли с ума!

Дефарж (*тяжело*). Ты понимаешь, наши солдаты должны отправляться на фронт, а тюрьмы набиты врагами и предателями. Народ требовал, чтобы их немедленно казнили.

Жена Дефаржа. А что, их нельзя расстрелять? Или отправить на эту чертову гильотину?

Дефарж. Тише, ты! За такие слова можно поплатиться! Их очень много, понимаешь?

Жена Дефаржа (*бьет себя по лицу и по голове*). Я ничего не знаю! Там такое творится, и там мой ребенок! Пойдем его искать!

Дефарж (*дает ей кружку с водой*). Да ты воды выпей! Твой сын не аристократ какой-нибудь! Кому он нужен?

Жена Дефаржа (*рыдая*). Ты этого не видел, понимаешь? Они их убивают и мажут себя кровью, а один схватил кинжал и стал подпрыгивать и колоть самого себя в бедро! Они сошли с ума! (*Она падает на колени и молитвенно складывает руки.*) Пресвятая Дева! Сжался надо мной! Это мой единственный сын! Сделай так, чтобы он поскорей вернулся! Обещаю целую неделю сидеть на одной воде! Если не выдержу, то пять дней обязательно!

За окном слышен тяжелый топот.

Дверь распаивается, вбегает Жанно. Одежда на нем разорвана, все лицо в кровоподтеках.

Жена Дефаржа (*бросаясь к нему*). Мой мальчик! Мой мальчик!

Дефарж. Кто тебя так отделал?

Жанно падает на скамью, начинает рыдать, потом истерически смеется, потом опять рыдает. Родители осторожно осматривают его, заглядывают в прорехи на блузе.

Жена Дефаржа. На нем живого места нет!

Дефарж. Где ты был, сынок?

Жанно. Там.

Дефарж. Возле тюрьмы?

Жанно *(всхлипывая)*. Да.

Дефарж. Какой тюрьмы?

Жанно. Ла-Форс! *(Вскакивает.)* Как они посмели! Как они могли такое подумать? *(Пытается идти к дверям.)* Как они смели подумать на меня? Я им покажу!

Родители повисают на нем.

Жена Дефаржа. Сынок, сынок, ты болен! Тебя надо полечить. Сейчас отец тебя полечит.

Дефарж бросается к шкафу, вынимает бутылку, наливает из нее в прозрачный стакан густое темное вино.

Жанно *(пьет)*. Вкусно! *(Снова захлебывается рыданиями.)* Я не хочу, не хочу! Так нельзя! Нельзя, чтоб так было!

Жанно снова рыдает, потом, разморенный вином, впадает в забытье.

Жена Дефаржа *(очень тихо, мужу)*. Почему его избili?

Дефарж *(вздрагивая)*. Да, Бог есть. Он его спас. Если бы эти звери догадались, зачем он туда полез, они бы его убили.

Жена Дефаржа (*в ужасе*). Он что? Хотел заступиться за тех, кого убивали?

Дефарж. Ну конечно. А эти решили, что какой-то чужак хочет поживиться их добычей.

Над Парижем безлунная ночь.
Остовы зданий чернеют на фоне тяжелого темного неба.
Человеческие фигуры, передвигающиеся по улицам, похожи на призраков.
Множество людей ночует прямо на улице. Спят, сидя на земле, прислонившись к стенам домов.
Спят вокруг погасших костров.
Спят под телегами.

В доме Дефаржа.
Жанно уложен в постель. Дефарж снимает компресс с его лба, смачивает водой, снова кладет ему на лоб.

Жанно. Отец, дай мне еще гвоздичного масла. Я все время чувствую этот запах, этот страшный запах. Я умру от этого запаха.

Дефарж подносит к его ноздрям маленький флакон.

Дефарж. А ты перестань вспоминать об этом. Все в жизни бывает. Тебя могут взять на войну. Там тоже пахнет кровью.

Жанно. Отец, как сделать, чтобы я этого не видел? Я закрываю глаза и сразу все это вижу!..

Дефарж. Старайся все время думать о другом. Вспоминай, как ты был в деревне, как помогал деду и бабушке.

Жанно. Отец, давай уедем туда навсегда! Что здесь хоро-

шего, в этом Париже? Как бы я хотел иметь кусок земли... Бросаешь в нее семена, а потом смотришь, как вся эта красота оттуда растет...

Ночь над Парижем.
Люди спят на улицах.

Старуха Шампи в своей комнате спит, сидя, держась за спинку кровати.

Над городом рассвет. Первые лучи солнца ложатся на городские башни.

Старуха Шампи вздрагивает и просыпается. Она встает, хватая со стола коробку, открывает ее, достает оттуда кусочки ткани и затыкает себе уши.
С улицы доносится шум. Он становится все громче. Наконец, комната наполняется страшным ревом толпы.
Старуха Шампи валится на кровать, накрывает голову подушкой, потом еще одной, сверху натягивает одеяло.
Толпа ревет.

Высокие волны обрушиваются на берег. Рыбаки тащат лодки подальше от воды.

Глава третья

1. Лондон. Контора «Картон и Страйвер».

Адвокаты раскладывают бумаги по ящикам и конвертам.

Страйвер. А все-таки наша вдовица подделала дату на завещании.

Картон. И хорошо сделала. И подделала отлично. Безукоризненно. А куда ей было деваться? С такой кучей детей?

Страйвер. Во всяком случае, врать под присягой придется ей, а не нам.

Картон. Ничего. Господь Бог ее простит. Она вдова, ее дети сироты, значит, Бог на ее стороне.

Входит клерк, протягивает Картону записку.

Клерк. Мистер Картон, рассыльный принес вам от мистера Лорри.

Картон (*читая записку*). Интересно, что случилось? Просит прийти к нему как можно скорее, желательно, прямо сегодня.

Протягивает записку Страйверу. Тот выхватывает ее из его руки.

Страйвер. И никаких причин не указывает! Не нравится мне это. Сколько лет нашему старику?

Картон. Восемьдесят уже было. Значит, восемьдесят один.

Страйвер. Ну понятно! Ему, как всегда, надо во Францию, а силы уже не те. И он хочет предложить тебе приятную прогулку.

Картон (*пряча улыбку, ворчливо*). Я не служащий Теллсон-банка. У них и без меня народу хватает.

Страйвер. Не прикидывайся дураком, Сид. Мистер Лорри ездит во Францию не только по делам Теллсон-банка.

Картон. Ты думаешь, у него любовная связь с какой-нибудь герцогиней? Но их теперь там не осталось. Даже представить невозможно! Париж — без герцогинь!

Страйвер. Я бы сейчас туда ни за какие коврижки не поехал. И тебя очень прошу этого не делать. Ты прекрасно знаешь, что такое сейчас Париж.

Картон. Я знаю только то, что пишут в газетах. Но эта ужасная резня кончилась. Она и продолжалась всего четыре дня...

Страйвер (*выразительно*). Да, всего четыре дня! И с тех пор каждый день аккуратно и методично рубят головы. На центральной площади на потеху всем желающим.

Картон. А у нас совершают публичные казни на огороженной территории возле Ньюгета. И с желающих поглазеть взимают плату.

Страйвер (*очень сердито*). Я туда не хожу. Я хожу в театры.

Картон. Да, похоже, так всегда было и так будет. Для одних Шекспир, для других — публичные убийства.

Страйвер. Вот-вот! Именно Шекспир. *(Декламирует)*
«Нам наплевать, ты поэт Цинна или ты заговорщик Цинна. Но ты нам попался, и мы тебя уьем»¹. Яснее не скажешь. Сам Шекспир тебя предупреждает. Туда, где идет заварушка, соваться не-льзя.

Картон. Да с чего ты взял, что я еду во Францию? Что я — чей-то подчиненный? Меня можно заставить?

Страйвер. Я тебя достаточно хорошо знаю. И вот это вот *(Указывает на стол на записку Лорри)* мне ужасно не нравится.

Картон. Ничего, у тебя уже есть имя. Если меня где-нибудь прикончат, найдешь себе другого компаньона. Или вообще без него обойдешься.

Страйвер *(с обидой)*. Сид, мы с тобой учились в школе, потом в университете, и всю жизнь вместе работаем. Мне казалось, что нас связывают не только деловые отношения.

Картон *(похлопывая его по плечу)*. Старик, ну неужели ты не видишь, что я, как всегда, тебя дразню?

2. Картон быстрыми шагами подходит к дому мистера Лорри.

Мистер Лорри с мрачным лицом сидит в глубоком кресле. Картон стоит как всегда в небрежной позе, но видно, что он изрядно растерян.

¹ Страйвер вольно цитирует «Юлия Цезаря».

Лорри. В общем, на этот раз мои недруги, ублюдки, перестарались. Боюсь, что я уже до конца своих дней не смогу появиться во Франции.

Картон. М-да.

Лорри (*не глядя на него*). Если вы... примете мое предложение, если согласитесь мне помочь... то вы можете поехать либо как лицо незаинтересованное, либо под эгидой Теллсон-банка. Конечно, лучше туда ехать от имени Теллсон-банка.

Картон. Но ведь в дальнейшем кому-то все равно придется ездить по делам банка вместо вас, сэр. Почему бы сразу не возложить на него это поручение?

Лорри (*раздраженно*). Потому что есть вещи, которые сейчас я могу доверить только вам. Потому что вас там уже многие знают.

Картон (*улыбаясь*). А меня не арестуют как британского шпиона?

Лорри. А разве вы британский шпион?

Картон. Нет.

Лорри (*резко*). С какой же стати вас арестовывать? (*Отворачиваясь, убитым голосом*) Простите, Картон, я не имею никакого права настаивать, я вас всего лишь прошу.

Картон. А я вас всего лишь спрашиваю, сэр. Но у меня в голове некоторый хаос, потому что я пытаюсь представить, как я все это буду объяснять мистеру Ричарду Страйверу.

Лорри. Я понимаю, что ставлю вас в трудное положение. Но ведь вы можете отказаться.

Картон. М-да. А сколько у меня времени, чтобы хоть как-то разобраться со Страйвером?

Лорри. Неделя. И максимум плюс еще два дня. И ни минутой больше.

Картон. Честно говоря, мне уже не раз хотелось посмотреть на все это своими глазами. Так что я даже признателен вам, сэр.

Лорри. Ничего хорошего вы не увидите. Рубят головы, громят церкви.

Картон (*слегка пожав плечами*). Они изымают из церквей золото и серебро. У нас тоже когда-то так сделали. И принято считать, что все было правильно. — А что они делают со священниками, которые отказываются приносить присягу?

Лорри. Не знаю! Я не знаю! Я не обязан все знать! (*Берет себя в руки.*) Одних ссылают, другим разрешают умирать с голоду. Нескольких уже казнили. Но вам, Картон, там абсолютно ничто не угрожает. Неужели вы не догадываетесь, что те, кто устроил мне эту подлость, сидят здесь, в Лондоне, в нашем прекрасном правительстве?

Картон. Я не догадывался, сэр, но теперь буду знать.

Лорри (*вставая*). Итак, вы поняли все, что от вас требуется?

Картон. Да, сэр.

Лорри берет перо, бумагу и пишет несколько строк.

Лорри (*протягивая листок Картону*). Вы хорошо знаете Париж и этот адрес запомните без труда. А вот книжка, которую вы отнесете по этому адресу.

Лорри берет со стола книжку и вручает ее Картону.

Картон (*удивленно*). Шекспир. «Как вам это понравится».

Лорри. Это комедия.

Картон (*перелистывая книжку*). Странно, что я ее не знаю.

А подчеркнутые места — это те, в которых надо смеяться?

Лорри (*сухо*). Это очень хорошие чернила. Они долго сохнут, но когда высохнут, то проявить их крайне сложно.

Картон. Мистер Лорри, а ваш друг доктор Манэ со своим семейством — они сейчас в Лондоне?

Лорри. Да, я вчера заходил к ним.

Картон. Пожалуй, я навещу их перед отъездом.

3. Картон не спеша держит путь к дому Манэ. Шляпу он как всегда несет в руке; легкий ветерок треплет его волосы; на лице его чуть заметная насмешливая улыбка.

Навстречу Картону быстрыми шагами идет Дарней. Заметив Картона, он бросается ему навстречу.

Дарней. Картон! Наконец-то! Как я рад вас видеть, и удивительно вовремя!

Картон (*пытаясь скрыть смущение*). Я, собственно, шел к вам! Я собираюсь через неделю ехать во Францию и решил, что, может быть, доктор Манэ захочет что-нибудь передать моему любимцу месье Дефаржу. Ну, а заодно, конечно, хотел повидать вас всех.

Дарней. Это что-то необыкновенное! Я тоже еду во Францию! Я выезжаю в Дувр завтра на рассвете!

Картон (*в ужасе*). Какого дьявола?! Вам там нечего делать! Я не французский аристократ, но я бы сам туда ни за

что не поехал, если бы не мистер Лорри. Старик очень сдал. И он так страшно этим удручен, что на него жалко смотреть.

Дарней. Да, я замечаю, что он очень расстроен последнее время.

Картон. Я только выполняю кое-какие поручения Телсона, и немедленно назад. Даже я не рискну там задерживаться, Дарней.

Дарней. Конечно, из Франции бежали десятки тысяч моих соплеменников, но я знаю многих англичан, которые за это время побывали в Париже и говорят, что ездили дышать воздухом свободы.

Картон (*почти в бешенстве*). Вам захотелось свежего воздуха? Поезжайте в Гринвич! И захватите с собой газетенку «Друг народа»¹! Ляжете на травке и читаете, какие проклятия там изрыгаются в адрес аристократов-эмигрантов! А вы кто, Дарней?

Дарней (*очень ласково*). Но я же уехал задолго до революции, и я добровольно отказался от титула!..

Картон (*с горечью*). Да, вы поступили очень благородно. Но вы не выставили ваше благородство на продажу. О нем не писали в газетах, не обсуждали в модных клубах!.. А те, что избавились от титулов, как только произошла революция, они теперь заседают в Конвенте, и они к своим сородичам еще беспощаднее, чем санкюлоты.

Дарней. Картон, я еду в Париж не по своей прихоти. Я бы

¹ «Друг народа» — газета, которую издавал Жан-Поль Марат. *Другом народа* называли самого Марата.

очень хотел вам все рассказать, но у меня дома этого сделать нельзя. Жена ничего не знает. (*У Картона на лице ужас.*) Но доктор меня полностью поддерживает. Он отдаст ей завтра мое письмо.

Картон. А мисс Адамс?

Дарней. Ну что вы, это то же самое, что сказать Люси.

Я потому и ушел из дому, что боюсь как-нибудь себя выдать. Я знаю, что причиняю боль самым близким людям, но у меня нет выбора!

Картон. Как бы мне раздобыть до вечера ордер на ваш арест!

Дарней. А давайте поедem вместе в Гринвич! Возьмем лошадей и устроим себе праздник.

Дорога уходит вверх по живописному холму.

Двое всадников скачут легким галопом.

Картон и Дарней скачут бок о бок, обращая друг к другу улыбающиеся лица.

Понемногу бег их лошадей ускоряется. Дарней, подобно Картону, снимает шляпу и засовывает ее в карман.

Всадники мчатся во весь опор, стараясь при этом не обогнать друг друга¹.

Парк в Гринвиче.

Нарядная избушка с большой вывеской «Цветущий вереск». Перед нею на лужайке расставлены столы и стулья.

Картон и Дарней располагаются за одним из столов.

¹ Так умеют только очень искусные наездники.

Хозяин самолично помогает служанке обслуживать почтенных гостей.

Гости находят угощение отменным и пьют за здоровье хозяина.

Очень польщенный, хозяин выпивает вместе с гостями маленький стаканчик и с нескрываемым любопытством разглядывает их лица.

Хозяин (*не удержавшись*). Джентльмены близнецы или же один все-таки постарше?

Картон подмигивает Дарнею.

Дарней (*важно кивая*). Да, мы близнецы.

Хозяин, очень довольный, оставляет их дожидаться горячих блюд.

Картон (*помрачнев*). Я вас слушаю, Дарней.

Дарней. Я попал в сложную ситуацию, в которой, честно говоря, виноват я сам. Я получил письмо от моего... то есть не моего... ну в общем, от управляющего нашей семьи. На него донесли, или как-то по-другому прознали, что он состоит в переписке с эмигрантом, проживающим в Лондоне, самом что ни на есть эмигрантском гнезде. И теперь ему грозит смертная казнь.

Картон (*поморщившись*). И что же?

Дарней. И он умоляет, чтобы я приехал и подтвердил свою лояльность новой власти. И что ни я, ни он не замешаны ни в каких заговорах.

Картон. Что-о? Он получил отсрочку от гильотины? Где его арестовали, в какой тюрьме он сидит?

Дарней. Он сидит в тюрьме в Труа. Самое большое наше поместье находится возле Труа. Там его и арестовали.

Картон. Ну понятно, дал взятку.

Дарней (*смущенно*). Неужели это возможно? Тем более в такое время?

Картон. Провинциальная Фемида во все времена остается простодушной, как малое дитя. У вас ведь там неподалеку славный город Реймс? Так вот, в этой древней столице еще недавно можно было купить диплом юриста за такую цену, за какую в Париже приличных сапог не купишь. (*Глаза у Дарнея становятся совершенно круглыми.*) Как зовут этого малого?

Дарней. Габелль. Теофиль Габелль.

Картон. Он правильно себя повел, этот Теофиль. И денег, я думаю, у него предостаточно. Так что он долго продержится или вовсе обойдется без вас.

Дарней. Но какой в этом смысл? Ведь деньги все равно будут конфискованы!

Картон. Боже мой! Да сколько вам лет, Дарней? Конфискуют в пользу государства, а взятки дают в пользу тех, кто их берет!

Дарней. Вы меня приободрили, Картон. Но ехать мне необходимо. Ему все равно в любую минуту могут отрубить голову! А вся эта переписка, которую ему вменяют, это моя вина, моя глупость.

Картон мрачно усмехается и наливает себе вина.

Картон (*сквозь зубы, слегка приподнимая бокал*). За вашу глупость! (*Пьет залпом.*)

Дарней. Вы ведь лучше моего знаете, что такое владеть землей. Это же не деньги, не вещь, которую можно передать кому угодно. А когда эти поместья вернулись ко

мне после смерти дяди, они уже были заложены и перезаложены. А платить за все должны были, как всегда, несчастные крестьяне. И я решил хоть как-то им помочь, освободить от арендной платы, от повинностей в пользу сеньора. А Габелль, как мог, мне помогал, во всем отчитывался в своих письмах, и теперь за это страдает.

Картон. А кто проверял его отчеты? Он себе карманы набивал за вашей спиной!

Дарней (*грустно*). Это не так. Я ведь тоже что-то знаю.

Мои родные были просто помешаны на роскоши. Они транжирили деньги как безумные. И моя мать говорила, что если ее приданое уцелело, то только стараниями Габелля. А ведь это то, на что я здесь живу.

Картон (*глядя в землю*). Когда приедете во Францию, дайте знать о себе в Теллсон-банк. Адрес Эрнеста Дефаржа вы помните?

Дарней. Еще бы!

Картон. У него я тоже обязательно появлюсь.

Картон хочет налить себе вина, но бутылка пуста. Хозяин со всех ног бежит к их столу.

Гринвич. Вид на Лондон, окутанный легкой дымкой.

Картон и Дарней сбрасывают сюртуки и остаются в белых рубашках.

Они располагаются на траве.

Картон. Поглядим свысока на этот надменный город!

Мимо них по тропинке идут нарядные кавалер и дама. Женщина всматривается в Картон и Дарней и что-то

тихо говорит своему спутнику. Тот, улыбаясь, отвечает ей кивком.

Картон (*Дарнею*). А ну-ка угадайте, что они сказали друг другу?

Дарней. Что мы близнецы. (*Оба смеются.*)

Картон. Значит, сходство усилилось. А могло быть и наоборот. Люди меняются по-разному. Одни на всю жизнь застывают в каком-то облике, а другие меняются до неузнаваемости. А как по-вашему, Дарней, может ли человек измениться изнутри?

Дарней. Я слабый наблюдатель, но мне кажется, что плохие люди с годами становятся еще хуже. А хорошие... Зачем им изменяться?

Картон. Мне много раз хотелось измениться, но ничего не выходило.

Дарней. Вам, Картон? Но зачем?

Картон. А разве я похож на самодовольного индюка, который считает себя верхом совершенства? По-моему, не похож. (*Поднимает с земли упавшую ветку, начинает обрывать на ней листья.*) Но я ужасно ленив. А жизнь такая странная вещь, она как будто нарочно устроена так, что все время подталкивает человека в однажды заданном направлении. (*Кидает ветку как копье в сторону Лондона.*) За всю жизнь я встретил только одного человека, который по собственной воле поплыл против течения. (*Поднимает глаза на Дарнея.*) Но это же не значит, что вы изменились изнутри, Дарней? Вы всегда были и остались все тем же ребенком.

Дарней (*задумчиво*). Я не только изнутри, я и вовне ничего сам не менял. Если говорить начистоту, я всю жизнь

живу как во сне. Сначала это был кошмарный сон. Все, что меня окружало, было мне ненавистно, я изнывал от отвращения к так называемым людям своего круга и от полного одиночества. А потом этот сон прервался, и я погрузился в другой. Ведь я собирался всего лишь проводить доктора с семьей до дома и убедиться, что они ни в чем не нуждаются. Таково было завещание моей матери. (*Картон прячет усмешку.*) И вдруг я оказываюсь среди людей, о которых я даже мечтать не мог, и они принимают меня в свою семью, отдают мне самое дорогое, что у них есть.

Картон отворачивается и старательно рассматривает раскидистое дерево слева от себя.

Дарней (*после недолгой паузы*). А когда я стал готовиться к свадьбе, я вдруг оказался в тюрьме и на волосок от эшафота. Я знаю, Картон, вы были посланы ко мне, как ангел к Даниилу. Но я ведь ни секунды не верил, что меня казнят. Я был как во сне, я ждал, что вот-вот проснусь.

Несколько секунд оба сидят молча и смотрят вниз на Лондон.

Дарней. Картон, дорогой мой друг, ведь мне очень просто не поехать в Париж. Останусь здесь, у себя дома, и всё. А могу поступить еще подлее — проболтаться кому-нибудь из женщин — и все свалить на них. Но я этого не сделаю.

4. Дуврский порт. Корабль готов к отплытию.

Слуга Картон Томас сбегает по трапу и, спрыгнув на землю, прощально машет шляпой своему хозяину.

Картон в ответ машет Томасу рукой.

Корабль уходит все дальше от берега.
Стоя на корме, Картон подставляет лицо сильному попутному ветру. Набежавшая волна обдаёт его брызгами.
Наглядевшись на волны, Картон приглаживает волосы, надевает шляпу по всем правилам и отправляется разыскивать капитана.

Картон и капитан корабля обмениваются взаимными приветствиями.

Картон. Несколько лет назад, сэръ, я плыл на этом же корабле, и капитаном тогда был мистер Брэгг. Мне хотелось бы узнать, как он поживает.

Капитан. О, мистер Брэгг больше не ходит в плаванье. Ему очень повезло. Он получил место в руководстве компании.

Картон. Это замечательная новость. Я очень рад. Но мне немного обидно за себя. *(С шутливой развязностью)* Обидно, когда не с кем выпить.

Капитан. Капитан Брэгг во время плаванья не брал в рот ни капли. Это было его твердым правилом.

Картон. Да, мне это хорошо известно. Но он так умел понимать других.

Капитан. Мистер Брэгг вообще человек замечательных качеств. Иначе бы он не получил места в руководстве компании.

5. По улицам Парижа едут повозки с осужденными на казнь. Их три. В первых двух по пяти человек со связанными за спиной руками. Все они стоят. В третьей телеге —

четверо. Трое из них стоят, четвертый, обессиленный, лежит на дне телеги.

Прохожие рассматривают осужденных.

Некоторые указывают пальцами на тех, кого они узнали, и сообщают об этом стоящим рядом.

Многие наблюдают за процессией из окон и с балконов.

Некоторые окна плотно закрыты и занавешены.

Группа людей торопливо движется в ту же сторону, куда проехали повозки.

Первый. Давайте побыстрее! Сегодня у гражданина Сансона не так много работы. Можем и вовсе не успеть.

Второй. Да, всего четырнадцать голов. Видно, судьи многих отпустили.

Третий. Предатели! Их самих на гильотину!

Первый (*указывая на ближайший дом*). Смотрите! Окна позакрывали! Не хотят смотреть.

Второй. Таких надо брать на заметку!

Третий. И возьмут!

Четвертый. Да, головы им рубят, а народу лучше жить не становится.

Третий. А что с этим поделаешь? Главное, что им сейчас хуже, чем нам.

Булонь. Пропускной пункт.

Таможенники в красных колпаках с трехцветными кокардами проверяют документы Картона.

Таможенник. Все бумаги у вас в порядке, но что-то мне все равно не нравится. Уж очень вы похожи на эмигранта.

Картон (*внушительно*). Я представляю Теллсон-банк. Этот банк обеспечивает финансовые интересы Французской Республики и в Англии, и во многих других государствах. Деньги еще никто не отменял.

Таможенник. Это все понятно. Но почему мне кажется, что вы эмигрант? Ведь вы же не англичанин, вы же француз?

Картон. Друг мой, я могу вам поклясться на двух конституциях — мой ближайший предок эмигрировал из Франции ровно двести двадцать лет назад.

Париж. Картон идет улицами Сент-Антуанского предместья. На лице его напряженное тревожное выражение.

В кабачке Дефаржа. Хозяйка хлопочет за стойкой. Входит Картон.

Картон. Добрый день, мадам Дефарж.

Жена Дефаржа (*просияв*). Месье Сиднэй! Какая радость! Мой хозяин вот-вот придет! — Жанно! Жанно! Ты только посмотри, кто к нам пришел!

Появляется Жанно.

Картон. О, мой Геркулес! Ты стал еще больше!

Жанно отвешивает ему неуклюжий поклон. Картон хватается за руку, крепко пожимает ее, похлопывает парня по плечу.

Жена Дефаржа. Вы так прекрасно выглядите, месье Сиднэй! А как там доктор Манэ? Как его семья?

Картон (*упавшим голосом*). А вы давно о них ничего не слышали, мадам Дефарж?

Жена Дефаржа. Нет, он нам пишет время от времени, но ведь не так уж часто.

Картон. Понятно.

Улица. Дефарж спешит к себе домой.
Навстречу ему бежит Жанно.

Дефарж. Ты куда это?

Жанно (*показывая ему деньги*). Месье Сиднэй приехал!
Сейчас у нас будет пир!

Картон и Дефарж вдвоем во внутренней комнате.

Дефарж. Сколько дней вы в Париже?

Картон. Можно считать, что третий день. Я приехал позавчера вечером.

Дефарж. А когда вы с ним разговаривали?

Картон. Ровно за неделю до моего отъезда.

Дефарж. Ну так оно и есть. Он отплыл из Англии в тот самый день, когда вышел этот декрет. Все эмигранты теперь считаются изменниками и государственными преступниками. Друг народа долго этого добивался.

Картон (*хватаясь за голову*). Ну всё, он погиб!

Дефарж. Вы так о нем убиваетесь, месье Сиднэй, как будто он ваш родной брат.

Картон (*поднимая на него страдальческие глаза*). Я его ад-

вокат, месье Дефарж, а он мой подзащитный. И он человек, который никогда не сделал никакого зла.

Дефарж. Не знаю. Но ему не надо было жениться на нашей маленькой Люси. *(Картон скрежещет зубами.)*

У нас тут сейчас попы не в почете, но весь Париж повторяет: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». И про то, что вина отцов падает на головы детей. Это ведь в Библии сказано?

Картон. Проклятый Теофиль!

Дефарж. Кто это, месье Сиднэй?

Картон. Да этот управляющий, который его сюда заманил.

Дефарж вынимает из шкафа свою заветную бутылку с хорошим вином и наливает себе и Картону.

Дефарж. Во всяком случае, месье Сиднэй, его до сих пор не казнили. Если он и арестован, то пока еще жив. Обо всех казнях сообщают в газетах. А уж когда казнят кого из титулованных, то задолго извещают. Тогда столько народу сбегается, не протолкнешься. А уж я, как вам известно, имя маркиза д'Эвремонта на всю жизнь запомнил.

Картон допивает стакан и наливает себе по новой.

Картон. Мы с вами, месье Дефарж, должны быть справедливы. Он и от титула, и от имений отказался. Добровольно отказался. Вы знаете, как тяжело человеку стыдиться своего имени, своего родного отца? Это все равно, что к самому себе испытывать отвращение. Он перед отъездом чуть мне обо всем не проболтался. Забыл, бедняга, что врал в предыдущий раз.

Дефарж. Я ему зла не желаю. Но как вспомню эту историю, все у меня внутри переворачивается. А теперь

и маленькой Люси достанется из-за этих чертовых Эвремондов.

Картон (*поднимаясь*). Я, пожалуй, сегодня же поеду в Труа. Выясню, там он или нет. Потом придется искать в Парижских тюрьмах. Их много.

Дефарж. Месье Сиднэй, вы иностранец, вы станете разыскивать эмигранта, засаженного в тюрьму. Да вам самому голову отрубят!

Картон. Ну, я же не настолько глуп. Я буду действовать через других.

Дефарж. Я помню, вы были знакомы с герцогом Орлеанским. Он теперь не герцог, он гражданин Эгалитэ, депутат Конвента. А ведь все его богатства остались при нем?

Картон. Да, богатства он сохранил. А титул раздал беднякам. Ладно, съезжу в Труа, а через три дня, если ничего не случится, мне будет очень кстати обратиться к герцогу.

Дефарж. А почему не сейчас, а через три дня?

Картон (*огрызаясь*). Потому! Его в Париже нет, понятно?

Дефарж. Понятно. А в этом Труа у вас кто-нибудь есть? Там ведь тоже можно нарваться.

Картон. Не волнуйтесь, мой добрый друг! Тюрьма там всего одна, Габелль там уже сидит. (*Тяжело вздыхает.*) Или сидел. Я же не от себя поеду, я от банкирского дома Теллсон и К°. Может, этот Габелль проклятый нам кучу денег задолжал! А про эмигранта я даже заикаться не стану, они мне сами все расскажут.

6. Лондон. В доме Манэ. Люси, Манэ и мисс Адамс.
Люси сидит сгорбившись на диване, старшие стоят возле нее.

Манэ. Разумнее всего, чтобы я ехал с тобой, а мисс Адамс осталась с малышкой. Я и Париж знаю, и какие-то связи могу восстановить.

Люси. Нет, папочка, тебе это будет трудно. Лучше я поеду с Энни. А вообще я вполне могу ехать одна.

Манэ. А ты думаешь, мне будет легко остаться здесь и сходить с ума?

Мисс Адамс (*твердо*). Мы поедем все вместе. Другого выхода нет. И ребенка придется взять с собой. Так спокойней будет.

Манэ. Хорошенький табор получится. И это в такое время, когда в любой день может начаться война. Целый десант, только непонятно, английский или французский. А няньку мы тоже с собой повезем?

Мисс Адамс. Нет, не повезем. Сколько людей обходится без всяких нянек. И мы обойдемся.

7. Картон едет из Парижа в Труа.

За окнами кареты темнеет. Картон задремывает. Перед ним возникает лицо доктора Манэ.

Манэ. Мистер Картон, я совершил большую ошибку, отдав свою дочь сыну своего врага. Я очень раскаиваюсь в этом. Я бы хотел, чтобы она стала вашей женой.

Картон. Но это невозможно, доктор Манэ! Ваша дочь любит другого. Я не смогу быть с нею счастлив. Я не хочу, чтобы моя жена любила другого.

Из-за плеча Манэ выплывает заплаканное лицо Люси. Она пытается улыбнуться Картону, но улыбка ее выходит жалкой.

Картон (*просыпаясь*). Тьфу ты, черт! Наверняка с ним случилась беда.

Картон пытается найти положение поудобней и, наконец, засыпает крепким сном.

Сон Картон.

Огромный многомачтовый парусник с ослепительно белыми сияющими парусами. Картон не может разобраться, стоит ли парусник у берега или посреди залива.

Капитан Брэгг приближает к Картону радостное улыбающееся лицо.

Капитан Брэгг. Вам нравится этот корабль, мистер Картон? Я дарю его вам!

Картон. Но зачем он мне, мистер Брэгг?

Капитан Брэгг. Вы отправитесь на нем в путешествие. Вы увидите отдаленные земли и множество разных чудес.

Несколько мгновений Картон с удивлением рассматривает корабль. Затем он сбрасывает с себя сюртук, остается в белой рубашке и, засмеявшись как ребенок, взбегает на корабль.

Картон начинает подниматься по веревочной лестнице на самую высокую мачту. Добравшись до середины, он оглядывается назад.

Капитан Брэгг, большой, как великан, стоит на берегу и машет ему шляпой. Картон машет ему в ответ рукой и начинает громко петь.

Картон

И море увидело,
И побежало,
И вспять повернул Иордан!..

Картон продолжает подниматься, над его головой сверкает бездонная синева. Мачта становится всё выше и выше, словно погружаясь в небо. Вдруг она начинает колебаться. Карету подбрасывает на ухабах. Картон просыпается. В его ушах звучит его собственный громкий голос:

И море увидело,
И побежало,
И вспять повернул Иордан!..

Картон *(тихо напевает сквозь дремоту)*

И словно ягнята
Холмы поскакали,
И горы, как стадо овец.

Устроившись поудобней, Картон крепко засыпает.

По улицам Парижа тянутся повозки с приговоренными к смерти. Их шесть. В каждой стоит по шести человек со связанными руками.

Прохожие глазуют на них, пересчитывают, грозят кулаками. Некоторые из прохожих жмутся к стенам, стараются смотреть в землю.

Молодая пара оказывается совсем близко от процессии. Мужчина внимательно смотрит на осужденных, на лице его скорбь. Женщина пытается спрятаться за него, прижимается лицом к его спине.

В мозгу женщины проплывает видение — вереница повозок, которой нет и нет конца. Женщина лишается чувств.

Сент-Антуанское предместье. Утро.
В кабачке Дефаржа нет никого, кроме хозяина.
Входит Картон. Дефарж бросается к нему.

Дефарж. Ну, что у вас?

Картон. Ничего. *(Опускается на стул у ближайшего стола.)* И у вас тоже ничего? *(Дефарж отрицательно мотает головой.)* И в газетах ничего не было? В эту чертову дыру газеты приходят с опозданием.

Дефарж. Нет, ничего не было.

Картон. Его наверное арестовали прямо в Кале. Он собирался ехать через Кале. Он сейчас в какой-то из парижских тюрем. Сегодня вечером я должен быть у Филиппа Эгалитэ. Надо узнать, где он, и в какой стадии его дело.

Дефарж. А что это даст?

Картон. Если суда еще не было, я могу выступить свидетелем и доказать его полную невиновность.

Дефарж. Вы так уверенно говорите! Захочет ли герцог ввязываться? Ему самому не все доверяют.

Картон *(грустно усмехаясь)*. Он найдет таких, кому все доверяют. *(Хитро смотрит на Дефаржа.)* А я ему подскажу, как это сделать. У меня для этого будут веские аргументы. Сейчас их нет, а вечером найдутся.

Картон встает и направляется к выходу.

Картон. Я тороплюсь, месье Дефарж. Вы не потеряли мой адрес?

Дефарж. Конечно, нет.

Картон. Да, а что же вы не спрашиваете, как там этот мерзавец Габель?

Дефарж. Небось, жив-здоров.

Картон. Он сбежал. Его сторожил какой-то свинопас, и он вместе с ним сбежал.

Дефарж (*изумленно*). Он что же, подкупил охранника?

Картон. Конечно! А как же иначе?

Дефарж (*разводя руками*). И это во время Революции! Выходит, ничего не изменилось?

Картон. Изменилось, месье Дефарж. До Революции свинопасы были неподкупны.

Сен-Жерменское предместье Парижа.

Красивый особняк, в котором расположено отделение Теллсон-банка.

В вестибюле банка. Картон и клерк.

Клерк. Вам корреспонденция, мистер Картон. Вы заберете ее с собой или посмотрите здесь?

Картон. Здесь, Моррисон. Я ведь у вас ненадолго. Когда мистер Теллсон подберет достойную замену мистеру Лорри, все бумаги будут здесь и в полном порядке.

Клерк вручает Картону небольшую пачку писем и отпирает ключом дверь.

Картон входит в кабинет, неплотно закрывает за собой дверь и ждет, глядя в щелку, пока клерк не возвратится на свое место.

Картон садится к бюро, разрывает конверты один за другим, бегло просматривает содержимое, рассовывает бумаги по ящикам. Из одного пакета он вынимает небольшой конвертик и прячет его во внутренний карман. Затем он достает часы и, барабанив пальцами по крышке бюро, следит за движением стрелок.

Картон стремительным шагом идет по Сен-Жерменскому предместью.
Особняк, расположенный в глубине тенистого сада.
Картон звонит в колокольчик у входа. Его выпускают.

Налетает сильный ветер, гнуший деревья. Небо затягивает тучами.

Улица. Двое прохожих.

Первый прохожий. Идемте скорее, сейчас дождь начнется.

Второй прохожий (*глядя на небо*). Нет, эти тучи разойдутся. Но после обеда будет сильный ливень.

Картон выходит из особняка. Оказавшись за оградой сада, он вынимает из кармана изящно переплетенную книжку.

Картон (*раскрывая книжку и глядя на титульный лист*).
Ах, Шекспир, Шекспир! Как же мы попались!

Картон подходит к дому, в котором он остановился. У входа переминается с ноги на ногу его парижский слуга.

Слуга. Месье, вас там посетители ждут.

Картон. Что-о?

Слуга. Старый господин и дама. Они сказали, что они ваши знакомые и родственники месье Лорри.

Картон. Черт! Дьявол! (*Бросается в дом.*)

Картон вбегает в комнату, которая служит ему гостиной. Люси и Манэ сидят на диване, прижавшись друг к другу. Доктор встает навстречу Картону. Люси, не в силах подняться, поднимает на него искаженное мукой лицо.

Картон. Миссис Дарней! Доктор! Зачем вы приехали?

Люси. Мы приехали искать Чарльза.

Картон. Он в тюрьме.

Люси. В тюрьме Консьержери.

Картон. Так вы его нашли! Но суда еще не было?

Люси. Был. Ему назначено на послезавтра.

Картон подавляет стон и начинает говорить размеренно и спокойно.

Картон. Значит, какое-то время у нас еще есть.

Манэ (*дрожащим голосом*). Мистер Лорри сказал, чтобы мы обязательно встретились с вами, что вы обязательно дадите правильный совет.

Картон (*к Люси*). Сколько тюрем вы обошли?

Люси. Три.

Картон. И всюду говорили, что вы жена эмигранта?

Люси. Иначе со мной не стали бы разговаривать.

Картон. А вы уже где-то остановились? Адрес вы им тоже оставили?

Люси кивает.

Манэ. Боже мой! Что мы наделали!

Картон. А как вы проехали через Кале?

Манэ. Я сказал, что я бывший узник Бастилии, а моя дочь меня сопровождает и она замужем за англичанином.

Картон. Вам ни в коем случае нельзя возвращаться на ту квартиру. Вам придется остаться здесь.

Люси (*со стоном*). Там мисс Адамс и ребенок.

Картон. Я их сейчас приведу. Обо мне не беспокойтесь, мне есть куда перебраться.

Большая комната, уставленная дорожными корзинками и саквояжами.

Мисс Адамс кормит ребенка, макая куски хлеба в чашку с молоком.

Входит Картон.

Мисс Адамс. Мистер Картон! О Господи Боже!

Картон, стараясь никого не испугать, подходит и целует ее руку.

Ребенок забивается вглубь кресла.

Картон. Мисс Адамс, доктор и Люси находятся у меня.

Пожалуйста, соберите вещи, я потом пришлю за ними моего слугу. А мы с вами отправимся ко мне, и как можно скорее. (*Обращаясь к девочке*) Сейчас мы с тобой и с крестной пойдем к маме и к дедушке.

Ребенок испуганно всхлипывает.

Мисс Адамс. Этот дядя нас очень любит. И мы все его очень любим. Он тебе подарил твои любимые серебряные фигурки.

Девочка начинает улыбаться и позволяет Картону взять себя на руки. Они с удовольствием рассматривают друг друга вблизи.

Мисс Адамс (*собирая детские вещи*). Она еще не освоилась, а вообще она любит поболтать. (*Понижая голос*) И все понимает.

Мисс Адамс и Картон с ребенком на руках идут по улице.

Мисс Адамс. Где он?

Картон. В тюрьме Консьержери.

Мисс Адамс. Суд уже был? (*Картон слегка кивает.*) И приговор? (*Картон делает то же движение.*) Когда это будет?

Картон. Послезавтра.

Мисс Адамс. Почти двое суток. И ничего сделать нельзя?

Картон. Поздно. Я собирался проникнуть к министру юстиции¹, он сейчас по сути глава правительства. Но это уже бесполезно. Приговор революционного трибунала отменить невозможно.

Мисс Адамс. Мы должны как можно скорее уехать? (*Картон кивает.*) А это получится?

Картон. Думаю, что да. Я сделаю все, что в моих силах.

Мисс Адамс и Картон с ребенком входят к доктору и Люси.

Девочка (*радостно*). Мама! Дедушка!

Люси не в силах подняться. Девочка подбегает к ней, забирается к ней на колени. Мать крепко прижимает ее к себе.

¹ Министр юстиции — Жорж Дантон.

Люси (*стараясь говорить спокойно*). Мистер Картон, мы доставили вам столько хлопот...

Картон (*еле слышно, сквозь зубы*). Лучше бы вы все сидели дома.

Люси. Но у меня к вам еще одна просьба. Послезавтра мы с мисс Адамс пойдем на эту площадь, чтобы проститься...

Ребенок сползает с ее колен и бросается к мисс Адамс. Та подхватывает ее на руки и быстро идет в соседнюю комнату, но дверь оставляет открытой.

Мисс Адамс (*ребенку*). Люси, тебе пора спать, тебе давно уже пора спать. (*Пытается укачать ее на руках.*)

Картон (*вежливо, но твердо*). Миссис Дарней, я бы очень не советовал вам это делать.

Люси. Я обязательно это сделаю. Но я не хочу, чтобы папа оставался здесь один с Люси. Ему будет очень тяжело. Нельзя ли дать знать Эрнесту Дефаржу? Если бы он мог побыть здесь это время? Я думаю, он не откажется!..

Картон. Миссис Дарней, я могу привести сюда хоть все семейство Дефаржей, но я очень прошу вас послезавтра никуда не ходить. Ему лучше думать, что его семья в безопасности.

Доктор Манэ судорожно стискивает руки.

Люси. Я должна быть рядом с ним в эту минуту. Я должна разделить это с ним...

Картон. Здесь в Париже сейчас свои порядки. Родственники осужденных туда не ходят. (*Резко*) Выслушайте меня, прошу вас. Я не знал, что вы приедете. Но я сам собирался его разыскать. Сегодня вечером у меня встреча с одним влиятельным лицом. Я рассчитываю

получить пропуск, получить разрешение на свидание с Дарнеем.

Люси (*вскочив на ноги*). Они сказали, что свиданий не дают! А вы говорите... Значит, не все потеряно?

Картон. Я думаю, что мне разрешат с ним увидеться.

Люси падает в обморок. Доктор и Картон ее подхватывают и опускают на диван.

Мисс Адамс с ребенком на руках видит эту сцену через открытую дверь. Она тоже бросается к Люси.

Девочка (*громко плача*). Мама! Мама!

Мисс Адамс старается ее успокоить.

Доктор считает пульс Люси.

Манэ. Это обморок. Так даже лучше. Она не спала уже много ночей. Природа берет свое. Пусть хоть несколько часов поспит. Нельзя ли перенести ее на кровать?

Картон и доктор переносят Люси в спальню и укладывают на кровать.

Мисс Адамс (*девочке*). Мама спит. И ты сейчас ляжешь рядом с нею и будешь спать.

Мисс Адамс укладывает девочку рядом с Люси.

Картон, стоя в дверях, смотрит на Люси и ее ребенка, спящих на его кровати.

Картон, доктор и мисс Адамс в гостиной.

Мисс Адамс. Мистер Картон, вы успеете за завтрашний день достать нам дорожные?

Картон. Думаю, что успею.

Мисс Адамс. А что мы скажем в Кале?

Картон. Надо ехать через Булонь. Я вас провожу. А может быть, и уеду с вами. Как получится. Но ее нельзя пускать на место казни.

Манэ (*в отчаянье, но стараясь не разбудить спящих*). Это я виноват! Что я наделал! Что я наделал! Я погубил свою девочку! Я не должен был соглашаться на этот брак!

Картон. Доктор Манэ, Дарней благороднейший человек, чистейший, безупречный! И его, невинного, казнят во исполнение гнусного подлого декрета. Вы не должны обвинять себя.

Манэ. Вы не все знаете, Картон!

Картон. Нет, я все знаю. И вы поступили правильно.

Манэ (*падая головой на стол*). Почему я не умер в Бастилии? Почему? Будь я проклят! Будь я проклят!

Картон в ужасе, он забывает о том, что надо говорить тихо.

Картон. Нет, нет! Вы не должны так говорить, не должны!

Мисс Адамс (*молитвенно складывая руки*). Боже всемогущий! Сжался над нами! Пошли ему силы!

Манэ (*так же*). Почему я не умер? За что это? За что?

Мисс Адамс (*склоняясь над ним*). Друг мой, дорогой мой! Возьмите себя в руки! Ради наших бедных девочек.

Картон (*отрывисто*). Мисс Адамс, мне надо идти. Мой слуга в вашем распоряжении. Я буду вас извещать обо всем, что я делаю. (*Быстро уходит.*)

Мисс Адамс догоняет Картона на лестнице.

Мисс Адамс. Мистер Картон! Вы сказали, что рассчитываете на свидание с Чарльзом? Это правда, или это для нее?

Картон (*тихо, страшным голосом*). Я собираюсь надавить на этих людей. Я знаю, как это сделать, и я не намерен их щадить. Но отменить приговор не в их власти. Здесь вообще ни у кого нет власти. Они бросают народу отрубленные головы взамен тех обещаний, которые они никогда не смогут выполнить. И если они хоть одну голову отберут назад, их самих разорвут на куски.

Мисс Адамс. Пусть он ей напишет, или как-то еще передаст, чтобы она туда не ходила.

Картон. Я что-нибудь придумаю. Я дам вам знать. (*Выбегает на улицу.*)

8. Картон мечется по улицам Парижа. Он вынимает часы, видит, что времени еще предостаточно, глухо стонет сквозь зубы, снова минует улицу за улицей.

Ветер усиливается. Темное небо нависает над головой Картона. На него падают первые капли дождя. Он их не замечает.

Дождь становится сильнее.

Картон (*поднимая голову к небу*). Господи Боже! Ты же есть! Научи меня, что мне делать! Я не могу этого вынести! Не могу!

Начинается ливень. Картон хочет спрятаться от него. Он видит церковь и пытается укрыться под неглубоким сводом дверной ниши. Дождь все равно настигает его. Картон прижимается к двери, невольно надавливая на нее. Дверь с грохотом падает за его спиной. Картон едва удерживается на ногах. Он оборачивается.

Дверь плашмя лежит на полу. В открывшемся проеме Картон видит огромное гипсовое раскрашенное распятие. Осторожно ступая по лежащей двери, Картон входит в церковь.

Повсюду следы недавнего разгрома.

Картон снова подходит к распятию и вглядывается в него. На терновом венце повисли комья грязи. В груди Христа зияет черная дыра с неровными краями.

Картон в глубокой задумчивости направляется вглубь церкви и спотыкается о какой-то растерзанный фолиант, валяющийся на полу. Он поднимает книгу, кое-как приводит ее в порядок, кладет на ближайший пюпитр и садится на скамью.

Картон сидит, погруженный в свои мысли.

Испуганный голос. Кто здесь?

Картон оглядывается и видит небольшого роста человека средних лет.

Картон. Простите, я нечаянно толкнул дверь, и она упала. Она, наверное, была выбита?

Испуганный человек. Да, я ее подпер как мог, но, видно, плохо. А вы кто?

Картон. Просто прохожий. Я хотел спрятаться от дождя.

Испуганный. А когда дождь кончится, вы уйдете?

Картон. Конечно, уйду.

Картон замечает, что под соседней скамьей лежит переpleтом вверх раскрытая книга, по которой, очевидно, прошлись ногами. Рядом валяются рассыпанные листки. Картон поднимает книгу. Это Евангелие. Он собирает листки и вкладывает их в произвольное место.

Испуганный. Вы не поможете мне как-то приладить эту дверь? Я вас потом выпущу через другой вход.

Вдвоем они поднимают дверь, придвигают к ней стол, на стол ставят несколько стульев.

Картон опять лицом к лицу с распятием.

За окнами шумит ливень. Испуганный человек начинает говорить, но Картон его не слушает и не слышит. Он не отрываясь смотрит на распятие.

Испуганный (*указывая на зияющую дыру*). Это тоже они сделали. Камнем бросили. Сказали, что он за богатых. А по-моему, он совсем не за богатых. Но я мало что понимаю. Я здесь сторожем был, а теперь сам не знаю, что сторожу.

Он умолкает. Ливень прекращается. Наступает полная тишина.

Картон (*словно очнувшись*). А что сделали с вашим кюре?

Сторож (*упавшим голосом*). Я не знаю. Может, выслали, а может... (*Он разводит руками.*) Он отказался дать присягу. Все остальные разбежались кто куда. А мне деваться некуда, я и так из деревни сбежал.

Картон. У вас не найдется чего-нибудь поесть? Я вам заплачу. (*Протягивает ему деньги.*)

Сторож (*обрадовавшись*). Конечно, что-нибудь найдется. (*Смущенно*) А еще здесь осталось вино, ну, знаете, какое!¹ Будете пить вино?

Картон. Буду.

¹ Вино, которым в католической церкви причащаются только священники.

Сторож уходит. Картон снова в задумчивости ходит по церкви, задерживая взгляд на следах разгрома. Картон возвращается к распятию, окидывает его взглядом, опускает голову и стоит, погруженный в свои мысли. Картон возвращается на ту же скамью. Под ней лежит листок, выпавший из разорванной книги. Картон поднимает листок и читает про себя:
«Я есмь воскресение и жизнь, верующий в меня, если и умрет — оживет, и всякий, живущий и верующий в меня, не умрет вовек».

Картон раскрывает Евангелие, ищет место, откуда выпал листок, и, не найдя, кладет перед первой страницей. Возвращается сторож.

Сторож. Пойдемте, месье, я все приготовил.

9. Поздний вечер. В кабачке Дефаржа досиживают последние посетители.

Дефарж и его жена начинают потихоньку прибираться помещению.

Компания за столиком.

Первый. Ты что же, так там и не был ни разу?

Второй (*седовласый, крепкого сложения*). Нет, не был. Нужны мне эти отрубленные головы! Я же смолоду в Канаде воевал.

Первый. Да, мы знаем.

Второй. Насмотрелся я на то, что эти индейцы выделявают. Хватит с меня. Здешним их все равно не переплюнуть.

Третий (*молодой*). А вы с индейцами воевали?

Второй. Мы воевали с англичанами. А индейцы были союзниками. Одни нашими союзниками, а другие — англичан. У-у-у! (*Его передергивает.*) Один такой союзник носил на поясе скальпы белых женщин. Волосы были такие красивые, золотистые. Я его как-то встретил одного в полумиле от нашего форта — и застрелил. Не смог удержаться.

Третий. Но ведь наши аристократы по заслугам получают?

Второй. Они мало получают. Их бы лучше в Канаду отправляли. К союзникам.

Входит Картон.

Усталые лица Дефаржа и его жены сразу делаются радостными.

Картон (*Дефаржу*). Мне надо поговорить с вами, мой друг.

Дефарж. Ну конечно, месье Сиднэй.

Картон и Дефарж во внутренней комнате.

Картон. Месье Дефарж! Доктор Манэ и вся его семья в Париже. Они приехали сегодня рано утром.

Дефарж. Боже! Они что — сошли с ума? Люси запросто может угодить в тюрьму!

Картон. Они сейчас у меня. Если я попрошу Жанно туда сходить, он сможет найти улицу и дом?

Дефарж. Конечно, сможет.

Картон. Хорошо. Позовите его, пожалуйста.

Дефарж (*высовываясь за дверь*). Эй, Жанно! Поди-ка сюда!

Картон вынимает записную книжку и свинцовым карандашом пишет несколько слов, затем вырывает листок из книжки.

Входит Жанно.

Жанно (*радостно*). Здравствуйте, месье Сиднэй!

Картон. Здравствуй, малыш. (*Складывает листок, надписывает адрес, протягивает Жанно.*) Ты сейчас пойдешь по этому адресу. Моего слугу зовут Марсель. Он тебе даст то, что мне нужно. Здесь все написано, а ты мне это принесешь.

Жанно. Я все понял, месье Сиднэй.

Картон (*слабо улыбаясь*). Теперь самое главное. Там сейчас находится доктор Манэ, бывший хозяин твоего отца (*Глаза Жанно вылезают из орбит.*), а с ним его дочь и еще одна мадам, англичанка. Ты должен поговорить с ней. Можешь говорить и с другими, но главное — поговорить с ней. Ты ей скажешь, что у меня все идет как надо, все получается. И что завтра, часов после трех, ты придешь за нею и приведешь ее сюда. Запомнил?

Жанно. Конечно, месье Сиднэй.

Картон. Иди.

Жанно уходит. Картон вырывает из книжки другой, уже исписанный листок, и протягивает его Дефаржу.

Картон. А вот это, мой друг, я попрошу сделать вашего знакомого аптекаря. Готовится очень быстро. Нужны только составные части, а они все достаточно простые.

Дефарж с изумлением читает рецепт.

Дефарж. Откуда у вас этот рецепт, месье Сиднэй?

Картон садится на стул, откидывается на спинку. Видно, что он изнывает от усталости.

Картон. В суде чего только не наслушаешься, а у меня хорошая память. Когда-то в Лондоне одна компания ограбила банк при помощи этой штуки. Охранники даже сознания не потеряли, а просто одурели. Очень было смешно, когда они на процессе об этом рассказывали.

Дефарж кладет рецепт на стол и закладывает руки за спину.

Дефарж. Вы что, хотите одурманить охрану Консьержери?

Картон (*с полужакрытыми глазами*). Весь Конвент. И еще немножко. (*Тяжело переводит дыхание.*) Мне этого зелья нужна всего одна доза. (*Показывает пальцами*) Вот такой флакончик. Ваш приятель может за себя не беспокоиться. Мы сами могли бы купить это все в разных аптеках. И смешать. Просто времени нет.

Дефарж. Для кого вам нужно это средство?

Картон. А вы еще не догадались?

Дефарж (*почти кричит*). Нет, не догадался!

Картон. Ну вот, видите. (*Снова переводит дыхание.*) Мы с ним всегда были очень похожи, но в последнее время сделались совсем как близнецы. Я теперь думаю, что это неспроста.

Дефарж. Вы совсем сошли с ума.

Картон. Я терпеть не могу эти ленты, но если мне подвязать волосы, то никому даже в голову не придет.

Дефарж. Месье Сиднэй, вы знаете, какой сильный мой сын? Он сейчас вернется, мы вас свяжем и не выпустим отсюда.

Картон (*поднимаясь*). Ну я тогда прямо сейчас и уйду. А я на ногах не стою. (*Снова садится.*) А если я завтра не выправлю подорожные для этих... с ними что угодно может случиться.

Дефарж. Месье Сиднэй! Вы очень устали. Давайте я вас уложу! Вы больны! У вас бред! Как вы собираетесь проникнуть в Консьержери?

Картон. Я побывал у Филиппа Эгалитэ. А потом еще у кое-кого. (*Вынимает из кармана пропуск.*) Вот пропуск, подписанный министром юстиции.

Дефарж (*поднося пропуск прямо к глазам*). Это невысказано! Как вам это удалось?

Картон (*делая страшные глаза*). С помощью магнетизма! (—) Я шучу, месье Дефарж. Но должен вам сказать, что этот человек меня удивил. Он участвует во всем этом безумии, а сам он добрый. Он действительно очень добрый. И он дал мне не один, а два пропуска. Я сказал, что страдаю сердечными припадками, и мне необходим сопровождающий.

Картон вынимает второй пропуск и протягивает его Дефаржу.

Дефарж (*в ужасе*). Господи! Эрнесту Дефаржу! Я не пойду с вами! Вы не можете меня заставить! Я не буду в этом участвовать!

Картон. Я один не справлюсь. Мне необходима ваша помощь. У нас там будут считанные минуты.

Дефарж. Я вам твердо заявляю, что я с вами не пойду. Откажитесь от этой затеи.

Картон (*отбирая у него пропуск*). Я ни за что не откажусь. Я сейчас пойду и поищу кого-нибудь, кто согласится

помочь мне за деньги. Но это кончится тем, что он и деньги возьмет, и продаст меня в последнюю минуту. И меня все равно отправят на гильотину.

Дефарж (*хватаясь за голову*). Что вы со мной делаете! Вы даже не понимаете, что вы со мной делаете! Я вас любил, как родного брата, а вы хотите, чтобы я своими руками!.. Да мне легче самому умереть!

Картон. Все люди когда-нибудь умирают. И молодые умирают очень часто. Самое страшное на свете — это медленная смерть от горя. Так умерла ваша хозяйка, а она вас любила, как сына. А теперь это ждет Люси, и доктора тоже. Разве они мало пострадались?

Дефарж. Господи Боже! Месье Сиднэй! А вы-то что? Совсем не в счет?

Картон. А я сам так решил. Ради них всех.

Дефарж застывает в тягостном молчании.

Картон. Месье Дефарж! Я очень хочу спать. Я не дойду до гостиницы. И мне надо дождаться Жанно. Можно, я останусь у вас?

Дефарж. Конечно, я сейчас вас уложу. Здесь самая лучшая кровать! Я вам сейчас помогу.

Дефарж помогает Картону снять верхнюю одежду. Тот едва держится на ногах. Дефарж снимает с него обувь, укладывает его в постель, как ребенка. Картон мгновенно засыпает.

Ночь. Картон крепко спит на кровати. Дефарж сидит за столом, уронив голову на руки, и беззвучно рыдает.

10. Утро. Картон просыпается. Дефарж сидит рядом, не сводя с него глаз.

На столе стоит маленькая стеклянная бутылочка. Дефарж берет ее и протягивает Картону.

Дефарж. Вот то, что вы просили. Аптекарь все сделал.

Картон быстро садится, хватая бутылочку, вынимает пробку, подносит ее к ноздрям на некотором расстоянии.

Картон. Отличная штука. *(Снова закупоривает бутылочку.)* Жанно принес мои вещи?

Дефарж. Принес. Жена уже готовит вам завтрак.

Картон. Благодарю вас.

Дефарж. Месье Сиднэй, вы ведь куда-то собирались с утра? Можно я буду вас сопровождать?

Картон. Но это займет несколько часов.

Дефарж. Да, займет.

Картон растроганно смотрит на Дефаржа.

Картон. Хорошо. А еще я попрошу Жанно пойти за этой дамой, не дожидаясь нашего возвращения. Я хочу, чтобы она была здесь, когда мы возвратимся.

В погребке Дефаржа накрыт стол на одну персону. Картон заставляет все семейство присоединиться к нему. Лица Жанно и его матери сияют улыбками. Картон, глядя на них, тоже улыбается. Все трое едят с удовольствием. Дефарж делает вид, что ест.

Картон и Дефарж идут по улицам и площадям Парижа.

Картон движется своей обычной стремительной походкой, Дефарж плетется, едва поспевая за ним. Картон входит в какой-то дом. Дефарж остается ждать его снаружи. Картон выходит. Они снова идут вместе. Картон входит в другое здание. Дефарж дожидается его на улице.

Отделение Теллсон-банка. Картон входит внутрь, Дефарж остается снаружи. Он стоит у чугунной ограды, стараясь не привлечь к себе внимания прохожих, но время от времени смахивает слезы. Картон выходит из Теллсон-банка. Они с Дефаржем идут дальше. Картон и Дефарж идут мимо великолепного собора, украшенного статуями. Картон что-то говорит Дефаржу, указывая на статуи. Тот отворачивается, не хочет его слушать. Картон ласково берет его за плечо и заставляет его себя выслушать.

Комната в доме Дефаржей.
Мисс Адамс смотрит в окно. Отходит от окна, садится. Снова подходит к окну.
Окно на первом этаже выходит в узкий переулок. Она может рассмотреть только маленький клочок неба.
Открывается дверь. Входят Картон и Дефарж.
Мисс Адамс бросается к ним.

Мисс Адамс. Мистер Картон!

Картон целует ей руку.

Картон. Это Эрнест Дефарж, мисс Адамс.

Мисс Адамс хватает руку Дефаржа обеими руками, хочет что-то сказать, но ее душат слезы.

Картон. Как там они, мисс Адамс?

Мисс Адамс. Дитя мое, мы живы только благодаря вам. Вчера мы продержались до вечера, дожидаясь вестей от вас. Потом пришел этот чудесный мальчик и велел ждать до трех часов. А сегодня он пришел на час раньше!..

Картон. Осталось дожидаться сегодняшнего вечера. Если у меня все получится, я надеюсь, что получится, то вы должны быть готовы выехать завтра на рассвете.

Мисс Адамс. Но ведь Чарльз!.. Даже если мы каким-то чудом уговорим Люси, даже если запрем ее, мы не сможем увезти ее из Парижа, пока все это не произойдет.

Картон. Я же сказал вам, дождитесь вечера. Вечером все прояснится. Но прошу вас, помните, вы должны будете уехать на рассвете, иначе вы очень подведете и меня, и многих других.

Мисс Адамс. Но вы же говорили, что отменить приговор совершенно невозможно?

Картон. Когда нельзя чего-то добиться законным путем, идут в обход закона.

Мисс Адамс (*тихо*). Спасение от Господа. Стойте и смотрите.

Картон (*вынимая бумаги*). Мисс Адамс! Вот проездные документы. Если все получится, Чарльз поедет под моим именем...

Мисс Адамс. А как же вы?

Картон. А я поеду по другим документам. (*Словно спохватившись*) Да, именно так, по другим документам.

И вот еще. Вы, наверное, встретитесь с мистером Лорри раньше, чем я. Эту книжечку просил передать ему один наш общий друг.

Дефарж, безмолвно слушавший их разговор, вдруг становится подозрительным.

Дефарж (*подойдя поближе*). Что это за книжка?

Картон (*пряча усмешку*). Трагедия английского поэта Шекспира «Гамлет, принц Датский». Мой приятель прекрасно перевел ее на французский язык.

Дефарж (*листая книжку*). Всегда только короли да принцы!

Картон. Это был очень хороший принц. Он убил тирана и сам погиб.

Дефарж (*отдавая книжку*). Да, хорошие всегда...

Он не договаривает и отходит к окну. Мисс Адамс провожает его тревожным взглядом.

Картон (*с едва заметной дрожью в голосе*). Мисс Адамс, вас там ждут с нетерпением... И мне уже надо готовиться к моему визиту в Консьержери.

Мисс Адамс. Да, дитя мое. Но я бы хотела побыть тут с вами еще несколько минут.

Она садится на скамейку, покрытую тканью, которая служит диваном в комнате Дефаржей. Картон садится рядом с нею.

Картон. Да, вот что еще. Я не смогу послать с вами Жанно. Он мне нужен. Дорогой Дефарж, попросите какого-нибудь толкового человека сопроводить мадам.

Картон протягивает Дефаржу деньги. Тот с мрачным видом берет их и выходит.

Мисс Адамс (*кладя руку на руку Картона*). Мистер Картон! Но в случае... неуспеха вашей затеи... вы не рискуете слишком дорого поплатиться?

Лицо Картона становится мягким и просветленным.

Картон. Мисс Адамс, когда я вчера отправился добывать этот пропуск, я даже не отдавал себе отчета, насколько я веду себя нагло и безрассудно. — Но когда я его получил, я понял, что произошло что-то невероятное. Это можно объяснить только помощью свыше. И я уверен, что сегодня будет то же самое.

Мисс Адамс (*вытирает слезы*). Дорогое мое дитя! — И как удивительно, в тот последний вечер в Лондоне Чарльз только и говорил о вас. О вас и о вашей поездке в Гринвич. Он говорил — мы не просто похожи лицом, у нас души-близнецы! И когда Картон вернется из Франции, мы с ним будем неразлучны.

Картон (*медленно*). Я тоже надеюсь, что мы с ним будем неразлучны. Ведь когда души близки друг другу, ничто не может помешать им быть вместе, и никакая разлука не может быть слишком долгой.

Мисс Адамс опускает голову в знак согласия.

Картон и Дефарж.

Картон. Надо собираться. Мне нужна еще фляжка с водой.

Дефарж. Вы хотите взять с собой Жанно?

Картон. Да, мы оставим его где-нибудь неподалеку. А как вы без него потащите человека моего роста? В Париже лошадей почти не осталось.

Дефарж. Боже мой, что вы со мной делаете! Что я скажу своему ребенку?

Картон. Сначала он будет думать, что это я. А потом вы ему скажете, что я вышел через другой ход. (*Грозит ему пальцем.*) И это же самое вы скажете у Манэ. Вы меня поняли? Иначе этот дурак Дарней, как только протрезвеет, примчится умирать вместе со мной. Вы поняли, Дефарж? Этого нельзя допустить. Это погубит очень многих.

Дефарж. А они поверят, что вы смогли выйти?

Картон. А Жанно поверит?

Дефарж. Жанно поверит.

Картон. И они поверят. Пусть меня до завтрашнего вечера считают всемогущим.

11. В Париже сумерки.

Большие стаи птиц с шумом поднимаются с деревьев и рассаживаются на крышах и под крышами домов.

Тюрьма Консьержери. Картон, тяжело опираясь на Дефаржа, ковыляет вверх по лестнице. Их сопровождает тюремщик.

Начальник стражи (*им вслед, с недоумением*). Черт знает что происходит! Надо будет сообщить Другу народа!

Дарней в тесной одиночной камере.

Он сидит на табурете за маленьким столом. На полу за его спиной какое-то подобие постели.

Лязгает засов. В дверном замке поворачивается ключ. Входит тюремщик, ставит на стол зажженный фонарь.

Тюремщик. К вам посетители.

Тюремщик выходит в коридор, выпускает в камеру Картона и Дефаржа.

Тюремщик (*Картону*). Через десять минут я вас выпущу.
(*Запирает дверь на ключ.*)

Дарней. Картон! (*Бросается в его объятия.*) Боже, какая милость! Перед смертью обнять друга! (*Шепотом, на ухо Картону*) Как вы сюда проникли?

Картон (*так же*). Шантажом. Тех, кто случайно оказался у власти, легко шантажировать.

Дарней (*вглядываясь в фигуру у дверей*). Но вы не одни?

Картон. Это наш друг месье Дефарж. Я утром вывихнул ногу, и он меня сопровождает.

Дарней (*пожимая руку Дефаржу*). Благодарю вас, мой друг.

Картон (*быстро и отрывисто*). Ваш Теофиль жив-здоров. Подкупил охранника и бежал вместе с ним.

Дарней. Вы ездили в Труа, чтобы меня разыскать? Ах, Картон, какой же вы друг!.. Я верю, что расстаюсь с вами не навсегда.

Картон. Я тоже в это верю.

Дарней. Все равно, я не мог поступить по-другому. Если бы не Люси, я бы ни о чем не сожалел! Но когда я думаю о том, что я с нею сделал!.. Картон, как я благодарен за то, что вы здесь! Вы ей скажете, что я на коленях умоляю ее простить меня. Вы сумеете ей объяснить лучше, чем я сам.

Картон рывком достает из-за пазухи лист бумаги и карандаш.

Картон. Вы обязательно должны ей написать.

Дарней. Ах, что я могу сейчас написать!

Картон *(повелительно)*. Нет, вы должны обязательно написать миссис Дарней. Иначе это будет жестоко по отношению к ней.

Дарней покорно садится за стол и принимается писать при свете фонаря.

Картон отходит в угол, вынимает платок, откупоривает флакон и смачивает платок его содержимым.

Дарней. Откуда этот запах?

Картон. Это мое лекарство. От ноги. Готово!

При этом слове Дефарж наваливается на Дарнея, не давая ему шевельнуть руками, а Картон прижимает платок к его носу. Дарней слегка пытается сопротивляться, но постепенно теряет сознание. Картон и Дефарж подхватывают его и кладут на постель.

Картон. Воду!

Дефарж подает ему фляжку с водой. Картон тщательно моет руки, вытирает их об одежду и допивает содержимое фляги.

Картон хватает недописанное письмо, скручивает его и поджигает от фитиля в фонаре.

Картон *(бросая на пол догоревшую бумагу)*. Кажется, уже не так пахнет.

Дефарж тем временем развязывает ленту Дарнея и разлохмачивает ему волосы.

Картон (*сбрасывая сюртук*). Раздевайте его!

Дефарж. С обувью что будем делать?

Картон. Ничего. Времени нет.

Картон и Дефарж надевают на Дарнея сюртук Картон.
Картон кое-как подвязывает свои волосы.
Картон кладет руки на плечи Дефаржу и дважды целует его.

Картон. Прощайте, мой друг!

Картон бросается к двери и начинает колотить в нее.

Картон. На помощь! Откройте дверь!

Тюремщик. Что случилось? Чем тут пахнет?

Дефарж (*указывая на Дарнея*). Я давал ему лекарство.

Картон (*свистящим шепотом*). Он умирает. Что делать?

Дефарж. Его надо вынести на свежий воздух.

Тюремщик. Ах, дьявол! Только этого еще не хватало!

Тюремщик и Дефарж выволакивают Дарнея из камеры.
Дефарж пытается в последний раз взглянуть на Картон,
но не успевает — дверь захлопывается, ее запирают на
ключ и на засов.

Картон один.

Он срывает с себя ленту, швыряет ее на стол, ложится на
постель, укрывается сюртуком Дарнея и засыпает.

12. Над Парижем встает солнце. Небо медленно светлеет, и на его фоне очертания городских башен становятся все более четкими.

Полдень. Солнце над городом стоит в зените. Солнечные лучи трепещут на речной глади, на черепичных крышах, в стеклах домов.

Картон стоит в камере лицом к двери. Волосы его аккуратно причесаны и завязаны лентой, сюртук застегнут на все пуговицы.

Из коридора доносится лязганье замков, звуки шагов, голоса.

Голос начальника охраны. Стойте здесь. Не смешивайтесь с другими группами. — Так. Этих можно уже выводить.

Дверь камеры открывается.

Начальник охраны. Эвремонд, вы готовы? Выходите.

(Картон выходит в коридор.) Ваша группа направо.

Стойте и ждите, пока выведут остальных.

Картон присоединяется еще к троим осужденным.

Первый. Видишь, кузен, ты всю жизнь меня презирал, а умираем мы в один и тот же час и в том же месте.

Картон. Я никогда тебя не презирал. Прощай! Скоро увидимся снова. *(Обнимает и целует осужденного.)*

Второй. Да, ты в Англии стал верующим, Шарль. Тебя это не спасло, а нам пригодилось. Рядом с тобою как-то полегче.

Картон (*обнимается с ним*). Прощай! До скорой встречи!

Третий (*смущенно*). Господин маркиз, я не был знаком с вами...

Картон (*подсказывает*). При жизни.

Третий. Но я бы тоже хотел с вами попрощаться.

Картон (*обнимает его*). Прощайте. Скоро увидимся.

В продолжение этого разговора тюремщики подводят к их группе еще двоих осужденных. Они с удивлением наблюдают за происходящим и тоже подходят к Картону.

Картон прощается с каждым из них.

Тюремщики связывают осужденным руки за спиной и ведут на улицу.

Перед тюрьмой Консьержери стоят четыре телеги. В двух уже стоят по шести осужденных.

Картону и его товарищам помогают взобраться на телегу. Лента в волосах Картон развязывается и падает. Он приобретает свой всегдашний вид.

Телеги с осужденными едут по улицам Парижа.

Картон со связанными за спиной руками стоит в телеге, выпрямившись во весь рост, и смотрит вверх.

Многомачтовый парусник, сверкая ослепительно белыми парусами, выходит в открытое море и медленно исчезает за линией горизонта.

Художественное издание

Елена Грантовна Степанян
Лондон – Париж

*Редактор И. В. Ларикова
Макет и верстка Р. Р. Дименштейн
Оформление обложки М. М. Литвак
Корректор Ю. С. Зайцева*

Подписано в печать 12.11.2013
Формат 60×90/16.
Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 12.

Издательство «Теревинф»
для переписки: 119002, Москва, а/я 9
тел./факс: (495) 585 0 587
эл. почта: zakaz@terevinf.ru
сайт: www.terevinf.ru
интернет-магазин: shop.terevinf.ru
страница: www.facebook.com/terevinf

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.оаомрк.ру, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685